

2

2024

ISSN 0132-1625

50 ЛЕТ  
ЖУРНАЛУ

# СОЦИОЛОГИЯ

Как готовятся россияне  
к выходу на пенсию?

Каковы изменения в западном  
академическом дискурсе  
о социальных неравенствах?

Исследования  
протестной активности

Субъективное благополучие в фокусе анализа

Плодородность научного  
капитала в поле науки



НАУКА

— 1727 —



**МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**

- Председатель** Ж.Т. ТОЩЕНКО – чл.-корр. РАН (Россия)  
М. АБРАХАМ – проф., Ун-т Хофстра (США);  
А.О. БОРОНОЕВ – д.филос.н., проф., СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург);  
П.П. ВЕЛИКИЙ – д.филос.н., проф., Ин-т аграрных проблем РАН (Россия, Саратов);  
Ю.Г. ВОЛКОВ – д.филос.н., проф., Южный федер. ун-т (Россия, Ростов-на-Дону);  
Ш. ГАДЕА – проф., Ун-т Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс (Франция);  
А.Н. ДАНИЛОВ – чл.-корр. НАН РБ (Беларусь);  
С.А. КРАВЧЕНКО – д.филос.н., проф., МГИМО (Россия, Москва);  
В.К. ЛЕВАШОВ – д.социол.н., проф., ИСПИ ФНИСЦ РАН (Россия, Москва);  
Дж. МОРГАН – проф., Ун-т Кардиффа (Великобритания);  
Н.А. ОМУРАЛИЕВ – д.социол.н., ИФПСПИ НАН КР (Кыргызстан);  
И.И. ОСИНСКИЙ – д.филос.н., проф., Бурятский гос. ун-т (Россия, Улан-Удэ);  
Г.А. ПОГОСЯН – акад. НАН РА (Армения);  
Н.Е. ПОКРОВСКИЙ – д.филос.н., проф., НИУ ВШЭ (Россия, Москва);  
Н.Х. РАХИМОВА – д.экон.н., проф. (Узбекистан); М. САСАКИ – проф., Ун-т Чоу (Япония);  
ЛИ ЧУНЛИН – науч. сотр., дир. научно-исследовательской лаборатории, ИС АОН (Китай);  
З.К. ШАУКЕНОВА – акад. НАН РК (Казахстан); П. ШТОМПКА – проф., Ягеллонский ун-т (Польша);  
А.В. ЯКОВЕНКО – д.социол.н., проф., Луганский нац. ун-т им. В. Даля (Россия, Луганск)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**

- Главный редактор** Г.А. КЛЮЧАРЕВ – д.филос.н., проф.  
В.Н. БОБКОВ – д.эконом.н., РЭУ им. Г.В. Плеханова;  
Н.М. ВЕЛИКАЯ – д.полит.н., ИСПИ ФНИСЦ РАН;  
М.К. ГОРШКОВ – акад. РАН, ИС ФНИСЦ РАН; С.Ю. ДЕМИДЕНКО (отв. секретарь);  
В.И. ДУДИНА – д.социол.н., проф., СПбГУ; И.В. ЖУРАВЛЕВА – д.социол.н., проф. НИУ ВШЭ;  
Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ – д.филос.н., проф., УрФУ им. Б.Н. Ельцина;  
Ю.А. ЗУБОК – д.социол.н., проф., ИСПИ ФНИСЦ РАН;  
В.В. ЗЫРЯНОВ – к.эконом.н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова;  
И.П. КАТКОВА – д.мед.н., проф., ИСЭПН ФНИСЦ РАН;  
С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР – д.социол.н., проф., ИЭ РАН; КЛУПТ – д.экон.н., СПбГУЭУ;  
И.М. КОЗИНА – к.социол.н., НИУ ВШЭ;  
В.П. КОЛОМИЕЦ (зам. главного редактора) – д.социол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова;  
С.Д. ЛЕБЕДЕВ – к.социол.н., доц., БелГНИУ;  
В.Ф. ЛЕВИЧЕВА – д.филос.н., проф., РГГУ; В.И. МУКОМЕЛЬ – д.социол. наук, ИС ФНИСЦ РАН;  
И.В. ОБРАЗЦОВ (зам. главного редактора) – д.социол.н., проф., МГЛУ;  
Е.Л. ОМЕЛЬЧЕНКО – д.социол.н., проф., НИУ ВШЭ СПб.;  
Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ – к.филос.н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова;  
Н.В. РОМАНОВСКИЙ (зам. главного редактора) – д.ист.н., проф.;  
С.В. РЯЗАНЦЕВ – чл.-корр. РАН, ИДИ ФНИСЦ РАН; Р.Х. СИМОНЯН – д.социол.н., проф., МГИМО;  
А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ – д.социол.н., проф., МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА;  
Г.Г. ТАТАРОВА – д.социол.н., проф., ИС ФНИСЦ РАН; А.Л. ТЕМНИЦКИЙ – д.социол.н., доц., МГИМО;  
Н.Е. ТИХОНОВА – д.социол.н., проф., НИУ ВШЭ; И.Н. ТРОФИМОВА – д.полит.н., ИС ФНИСЦ РАН;  
М.Ф. ЧЕРНЫШ – чл.-корр. РАН, ФНИСЦ РАН; А.Е. ЧИРИКОВА – д.социол.н., ИС ФНИСЦ РАН;  
В.В. ЩЕРБИНА – д.социол.н., проф., ИС ФНИСЦ РАН; А.В. ЮРЕВИЧ – чл.-корр. РАН, ИП РАН

**РЕДАКЦИЯ:**

- Э.К. БИЙЖАНОВА (зам. редакция), А.Д. ГОВОРОВА, С.Ю. ДЕМИДЕНКО, А.А. ЗОТОВ,  
Ю.В. ЛАТОВ, Е.В. МИХАЙЛОВА, И.П. ПОПОВА, Н.В. РОМАНОВСКИЙ, А.В. ФЕДОТОВ  
**КОРРЕКТОР** Ж.С. МИШКУРОВА

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).  
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 - 81528 от 27.07.2021 г.

Подписано к печати \_\_\_\_\_ 2024 г. Формат 70×100<sup>1/16</sup>. Уч.-изд. л. 18.  
Дата выхода в свет \_\_\_\_\_ 2024 г. Тираж \_\_\_\_\_ экз. Зак. \_\_\_\_\_ Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Федеральный научно-исследовательский  
социологический центр Российской академии наук

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5,  
e-mail: socis@isras.ru телефон 8 (499)128-84-39

Издатель: Российская академия наук  
20 экз. распространяется бесплатно  
Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»  
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.  
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»  
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

# СОЦИОС

Журнал основан  
в июне 1974 года

---

## СОДЕРЖАНИЕ

### ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 КРАВЧЕНКО С.А. Контуры междисциплинарной концепции синергийных сложностей
- 13 ДАНИЛОВА Е.Н. Трансформации западной социологии: мейнстрим и общественная повестка

### СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 24 КИСЕЛЕВ И.Ю., МИХАЙЛОВА Е.В., СМИРНОВА А.Г. Установки россиян на подготовку к выходу на пенсию: содержание и факторы формирования
- 36 АНТИПИНА О.Н., КРИВИЦКАЯ А.Д. Доверие как детерминанта субъективного благополучия в России
- 48 ЗОТОВА В.М., ЗИНОВЬЕВ А.С. Субъективное благополучие и уровень жизни в Калининградской области

### ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 62 СЕМЕНОВ А.В., СНАРСКИЙ Я.А., ТКАЧЕВА Т.Ю. Динамика и кросс-региональная вариация экологической протестной активности россиян (2007–2021)
- 75 БАСАЕВА Е.К., КАМЕНЕЦКИЙ Е.С., КАГРАМАНЯН Д.Г. Связь протестной активности с уровнем напряженности в странах Юго-Восточной Азии

### СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

- 88 НОСКОВА А.В., ГОЛОУХОВА Д.В., КУЗЬМИНА Е.И. Статусные позиции и научный капитал ученых в российской науке
- 100 ЗБОРОВСКИЙ Г.Е. Социологическая теория в Уральском регионе: история и современность

### ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 111 ДАВЫДОВ Д.А. Невозможность социализма. Часть 2. Новый индивидуализм
-

## **ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ**

- 122 ЛИ МЭНЛУН, ХАНЬ МУЯНЬ, АБДЫРАХМАНОВА ХУМАЙ. Дискуссия о российско-украинском конфликте в интернет-пространстве Китая
- 130 КАЗБЕРОВ П.Н. Социально-демографический портрет осужденных за терроризм

## **СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА**

- 135 ЩЕЛКИН А.Г. Смена поколений: сущность и реальность (онтологическая точка зрения)

## **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

- 146 ПОПКОВ Ю.В. 55 лет сибирской этносоциологии
- 148 ЕФЛОВА М.Ю., МАКСИМОВА О.А. Конгресс социально-политических исследователей тюркского мира
- 150 РОГОВАЯ А.В. Россия и страны АТР: проблемы взаимодействия
- 152 ПЕШКОВА В.М. О будущем евразийской миграционной системы
- 155 СНЕГУР М.Р. Социология здоровья и спорта: опыт Евразии

## **ЮБИЛЕЙ**

- 157 Нарбуту Н.П. – 75 лет!

## **РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ**

- 159 ТЕМНИЦКИЙ А.Л. Позволяет ли качество человеческого капитала российских профессионалов справляться с новыми вызовами?

- 169 **КОРОТКО О КНИГАХ**

## **IN MEMORIAM**

- 172 Памяти Б.М. Фирсова

- 175 **CONTENTS**

## **НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)**

## **В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)**

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru/>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте ([socis@isras.ru](mailto:socis@isras.ru)) в формате \*.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

**По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: [socis@isras.ru](mailto:socis@isras.ru)**

© Российская академия наук, 2024

© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2024

© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2024

© 2024 г.

С.А. КРАВЧЕНКО

## КОНТУРЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОНЦЕПЦИИ СИНЕРГИЙНЫХ СЛОЖНОСТЕЙ

---

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sociol7@yandex.ru).

---

**Аннотация.** Анализируются эффекты, обеспечивающие формирование упорядоченных структур, то есть рождающие «порядок из хаоса» (И.Р. Пригожин). Рассматриваются процессы, задающие тренды становления новой России, формирующие образ ее будущего. По мнению автора, содержание и характер ныне возникших типов сложностей детерминированы генотипом культуры, который может как соответствовать цивилизационным основаниям страны, так и не соответствовать им, оказываясь заимствованным из других культур, от чего зависит суверенное, устойчивое или, напротив, травматическое, кризисное ее развитие вплоть до вхождения в «общество риска» (Ж.Т. Тощенко). Конкретно рассматриваются такие типы синергийных сложностей, как гло-локал-анклавные пространства, синергийное время, гибриды социальных, природных и технических/цифровых реалий, человеческой телесности, интерферентные риски, синергийное общественное сознание и научное знание синергийного типа. Обосновывается, что синергийно сложная природа данных феноменов, их нелинейное развитие востребовали синергийное междисциплинарное знание. Определенный вклад в его создание внесли зарубежные ученые, однако в их работах доминирует формально-прагматический инструментарий, в то время как у отечественных исследователей преобладают комплексные, более сбалансированные подходы, учитывающие национально-культурную специфику России. Автор с учетом этих теоретико-методологических достижений очерчивает контуры концепции междисциплинарной парадигмы синергийных сложностей с гуманистическим стержнем. Делаются выводы о том, что на ее основе возможна выработка политической стратегии управления синергийными сложностями, позволяющая решать актуальные задачи суверенного и устойчивого развития страны, осуществляя воспроизводство национального человеческого капитала, сохраняя уникальность природного мира и разрабатывая технологические инновации без рисков для экзистенциальной безопасности человека.

**Ключевые слова:** «порядок из хаоса» • «стрела времени» • синергийная сложность • нелинейность • междисциплинарность • устойчивое развитие • человеческий капитал • гуманизм

DOI: 10.31857/S0132162524010013

Согласно постулату «стрелы времени», обоснованному лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, ускоряющаяся и усложняющаяся динамика стала фактором неравновесности природы и социума: «Неравновесность есть то, что порождает “порядок из хаоса”» [Пригожин, Стенгерс, 2022: 252]. По существу, его олицетворяют явления, представляющие «синергийные сложности», которые, как считает Н.И. Лапин, задают тренды

становления новой России, формируют образ ее будущего. В этих условиях необходимо диалектическое возвращение страны к своим цивилизационным основаниям с собиранием и защитой культурного своеобразия и равноценности различных этносов и религий [Лапин, 2021: 12, 38, 43, 53]. Синергийные сложности имеют свою организацию, специфику и идентичность. «Сложность необычным образом организована... нет простого роста беспорядка» [Urry, 2003: 19, 21]. На структурирование и характер функционирования сложных феноменов существенное влияние оказывает «генотип культуры» страны, выраженный в «корневой системе нравственных ценностей и жизненных смыслов, вкусов и норм, критериев оценки человеком себя и окружающего мира... все крайности – и “левые”, и “правые” – оказываются в кюветах по обе стороны пути страны в будущее, к которому надо стремиться» [Горшков и др., 2022: 10]. В этой связи возникает запрос на создание междисциплинарной парадигмы синергийных сложностей, предметом которой являются реалии гибридного толка, функционирующие в контексте «порядка из хаоса». Ее практическая значимость – выработка национальной стратегии устойчивого развития России в условиях неравновесности природы и социума, турбулентностей, обусловленных переходом к многополярному миру.

Выделим семь синергийных сложностей, на наш взгляд, являющихся весьма значимыми для становления новой России.

1. *Гло-локал-анклавные пространственные реалии.* Западные социологи, например, Р. Робертсон и В. Рудометовф интерпретируют возникшие сложные пространственные реалии через призму теорий глобо-локального развития человечества [Robertson, 2014; Roudemetoff, 2016]. При этом анклавные реалии как бы не входят в эту сложность. М. Фуко трактует анклав как «место без места, существующее само по себе и закрытое в самом себе» [Foucault, 1986: 26]. В этом же ключе высказывается З. Бауман, отмечая характерные черты людей, проживающих в новых анклавах: они «неприкасаемы», «немыслимы» и «не имеют своего имиджа» [Bauman, 2009: 45]. На наш взгляд, у этих теорий есть очевидные слабости, обусловленные доминированием в них формально-прагматического инструментария, абсолютизацией либеральных ценностей западной культуры и непринятием в расчет иных культурных реалий. Отметим некоторые из них. Ряд анклавов, например, эпидемиологических, возникших в период пандемии COVID-19, были так или иначе софункциональны с глобо-локальными реалиями. Сказанное относится к особенностям функционирования некоторых научных, военных, экономических, политических структур, которые не легитимированы, но «закрыты», «немыслимы» в СМИ лишь формально, будучи значимой частью общества; и наоборот, ряд мигрантов, проживающих анклавно, получивших российский паспорт, не знают ни русского языка, ни нашей истории, однако формируют свой имидж, противопоставляют свою этнонациональную культуру культуре коренного населения, не желают адаптироваться к российской социальной среде. Современные анклавы – органичная часть синергийной сложности: они могут быть разнотипными – выражением маргинальности и инновационности. Таковым является, например, появившийся в начале 2010-х гг. в Сколково (Одинцовский р-н Московской области) Иннополис с технопарками, бизнес-школами и жилыми комплексами бизнес-класса, объявленный российской силиконовой долиной. Таковыми могут становиться и некоторые поселения приверженцев нетрадиционных верований, иногда создаваемые на территории РФ (до недавнего времени одним из примеров тому являлось достаточно крупное экологическое поселение культового характера, выстроенное в 1990-х гг. на юге Красноярского края вблизи села Черемшанское группой единоверцев, объявивших себя Церковью последнего завета<sup>1</sup>). Таковы некоторые иные авангардные сообщества

<sup>1</sup> 22 сентября 2020 г. «Церковь последнего завета» была распущена властями в ходе операции, проведенной спецподразделением ФСБ РФ, а ее основатель Виссарион вместе с другими ее руководителями был задержан сотрудниками ФСБ по обвинению в незаконной деятельности религиозной организации и по подозрению в психологическом насилии над людьми.

и субкультурные организации. И главное – умалется их сложная культурная составляющая: функциональность современных анклавов может основываться как на генотипе культуры страны, так и на собственном культурном коде, который подчас является его антиподом. Характер ее результирующей составляющей определяется с учетом сетевого баланса функциональности: как указывал Р. Мертон, вопрос о том, являются ли последствия того или иного культурного явления функциональными, нефункциональными или дисфункциональными «решается не априорно, а в процессе исследования» [Мертон, 1994: 394]. На наш взгляд, эти упущения в западных теориях преодолевает концепция В.А. Ядова «гло-локал-анклавизации», исходящая из того, что «в реальности имеет место "гло-локал-анклавизация мирового сообщества". В ней особо акцентируется «несомненная и самая важная особенность России – анклавизация страны» [Ядов, 2002: 354, 358]. Диалектические процессы анклавизации/деанклавизации будут происходить и впредь в общем контексте гло-локал-анклавных пространственных реалий, воспроизводящих «порядок из хаоса». Для эффективного управления ими востребовано междисциплинарное знание о синергичных сложностях пространства России, которое уже формируется. С целью обеспечения условий устойчивого развития страны изучаются проблемы динамики соразвития центров и регионов страны [Столицы и регионы..., 2018; Российская Арктика..., 2016], их функциональной сбалансированности в контексте происходящих стратификационных изменений [Тихонова, 2014]. В этом же ключе перспективны исследования общих и специфических культурных кодов, характерных для различных пространств, с целью выработки оптимального взаимодействия представителей самых разных этнических групп.

2. *Синергичное время.* Содержание времени и представления о нем перманентно усложняются. «В классической античности время рассматривается в связи с жизнью космоса, а потому порой отождествляется с движением небосвода» [Гайденок, 2006]. В традиционном обществе временные периоды выражались через такие понятия, как «вечность», «день Господен», «час», «ныне». В индустриальном модерне время обрело множество сущностей. Р. Мертон и П.А. Сорокин были одними из первых, кто обосновал «социальное время» [Merton, Sorokin, 1937]. При теоретизировании времени акцент все более делался на его культурной составляющей: «Существуют две разные концепции времени – идеациональная и чувственная», отображающие тот факт, что доминирование разных типов времени флуктуирует [Сорокин, 2000: 457]. По мнению А. Абдель-Малека, есть как западное «практическое» время, интерпретируемое категориями формальной логики, так и восточное неаналитическое время, суть которого: «время – господин». Им была высказана возможность не антагонистического, но диалектического взаимодействия между ними [Abdel-Malek, 1981: 43, 97]. Чуть позже И.Р. Пригожин указал на то, что происходит «переоткрытие времени», выражающееся в его качественном усложнении, нелинейном развитии, необратимости. При этом им были выделены социальная, культурная, нравственная и этическая составляющие времени [Пригожин, 1989, 2006]. Из этого следует отказ от «объективности» социальных законов, невозможность повторения ранее считавшегося «универсальным» западного пути развития, необходимость учета специфики в контексте генотипа культуры. М. Кастельс видит усложнение времени в его плюрализации и выделяет порядка десяти типов, среди которых: виртуальное время, основанное на культуре вечного, охватывающей историческую последовательность, и на культуре эфемерного, предполагающей, что «всякая организация, всякое специфическое упорядочение зависят от контекста и цели»; историческое время, интерпретируемое событиями или своеобразными периодами; календарное, измеряемое определенной системой единиц отсчета, принятой в культуре; кристаллизованное, ассоциируемое с эволюцией планеты, с глобальным потеплением; монетизированное – характерное для капитализма: скорость финансовых операций, быстрота получения прибыли, предоставления кредита и т.д. становится сущностной чертой общества; локальное, воспринимаемое людьми в зависимости от того, как структурированы и практически организованы их жизни. По его мнению, ныне доминирует «вневременное время», создающее возможности для людей

«избавления от контекстов своего существования», что ведет к концу разграничения рабочего, личного, семейного времени. Оно позволяет женщинам иметь детей за рамками их биологически запрограммированного фертильного возраста. Вместе с тем это время власти: «социальное господство осуществляется посредством избирательного включения или исключения функций и людей из различных временных и пространственных рамок» [Castells, 2010: xl-xlii].

Становление синергичного времени ведет к эффекту временного дисхроноза: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах [Князева, Курдюмов, 2007]. Воспроизводятся принципиально новые взаимозависимости, которые по своему содержанию могут быть как сильными, предполагающими интенсивное взаимодействие акторов, находящихся в разных пространственно-временных координатах, так и слабыми, имеющими порой большие нелинейно эффекты [Urry, 2003: 52]. Последствия этих сложных явлений амбивалентны, что рельефно видно на примере воспроизводства и устойчивого развития человеческого капитала. С одной стороны, социальная дистанция и время для людей, проживающих в различных регионах, сокращаются благодаря тому, что формируются экономические, культурные, образовательные скрепы территории страны; скорость социальной мобильности начинает играть роль нового социального капитала, способствующего повышению социального статуса людей, выступающего индикатором их сопричастности с культурными и медицинскими достижениями. Если в художественных произведениях А.С. Пушкина и И.С. Тургенева героини в возрасте немногим старше сорока лет описываются как «старички», то ныне молодость, зрелость и старость имеют весьма специфичные смыслы в различных регионах страны. С другой стороны, многим людям не хватает валидной информации, в которой научно осмысливаются явные и латентные последствия от вневременных потоков новизны, содержащих подчас противоречивые ценности и идеи из разных пространственно-временных реалий, что способствует воспроизводству «парадоксального человека» [Тоценко, 2008]; увеличение скорости всех преобразований, воспроизводит проблемы для людей, которые в силу своих физических, психических и интеллектуальных способностей не смогут адаптироваться к быстрым темпам жизнедеятельности. Человечество подошло к порогу возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные решения с гуманными целями, учитывающие возможные отложенные во времени риски. Отсюда следует, что необходимо исследовать то, как можно «очеловечить», «окультурить» скорость изменений, что в силу сложности своеобразного временного «порядка из хаоса» можно сделать лишь на основе междисциплинарного знания.

3. *Гибриды социальных, природных и технических/цифровых реалий.* По своей природе они представляют собой саморегулирующиеся сложные системы, качества которых, утверждает В.С. Степин, не сводится к свойствам их частей [Степин, 2008]. Особым фактором, способствующим становлению гибридных реалий, является цифровая революция, в результате которой в нашу жизнь пришел искусственный интеллект и цифровой «мир» машин. Ныне возникают все новые, все более сложные факторы гибридизации. Как считает У. Бек, на смену цифровой революции пришла «цифровая метаморфоза»: «Цифровая революция отображает главным образом технологически детерминированное социальное изменение... Понятие революция предполагает, что изменение намеренное, линейное и прогрессивное... Цифровая метаморфоза, напротив, имеет дело с ненамеренными, зачастую побочными эффектами, которые производят метаморфизированных субъектов, т.е. цифровых человеческих сущностей», природа которых «ставит под вопрос такие традиционные категории, как статус, социальная идентичность, коллективность и индивидуализация» [Бек, 2016: 145–146]. Как видно, социолог ведет речь о радикальных изменениях социума, природы, технологий в направлении их гибридизации. Под влиянием этих процессов возник эффект *спирали сложности*, под которым мы понимаем процесс наложения одной системы со сложными качествами на другую сложную систему, в результате чего система становится суперсложной. Ее пространственно-временные границы



раздвигаются, функциональность становится более многообразной и нелинейной, при этом нормой становится воспроизводство побочных эффектов.

Последствия сформировавшихся гибридов для становления новой России амбивалентны. Нелинейный импульс развития получают производительные силы принципиально нового типа, создающие практически для всех россиян возможность становиться креативными акторами с активистскими жизненными установками. Вместе с тем эти сложные феномены выступают как главные факторы производства «нормальных» аварий: по Ч. Перроу, – потенциально возможные катастрофы, вызванные не ошибкой человека, а его естественным (нормальным) взаимодействием со сложными системами, предрасположенными к саморефлексии, т.е. к выходу из-под контроля создателей [Perrow, 2011]. В повседневной жизни гибриды подчас радикально изменяют практики воспитания, обучения, лечения, питания и т.д. в направлении их рационализации и прагматизации. Имеет место ослабление центристских тенденций в функционировании традиционных институтов (семья, школа, трудовой коллектив). В этой связи возникают проблемы выработки подходов к управлению гибридами в контексте генотипа нашей культуры, востребованности формирования всесторонне развитой и, подчеркнем, *социально ответственной личности* за устойчивое софункционирование общества, природы, инновационных технологий. Соответственно, для формирования структур управления сложными реалиями необходима междисциплинарная парадигма синергичных сложностей, вооружающая россиян комплексным знанием о возможностях плодотворной жизнедеятельности в условиях «порядка из хаоса».

4. *Гибриды человеческой телесности.* Еще в традиционном обществе, как отмечает Э. Канторович, было создано «второе тело короля» – героя, харизматического лидера нации, выдающегося победителя [Kantorowicz, 1989]. Но такая возможность была уникальной. Положение дел радикально изменилось, когда формирование у человека второго тела стало обыденностью. Предпосылкой к тому, по Б. Латуру, стал гибрид человеческого и машинных тел в виде *актанта*, представляющего собой симбиоз людей-актеров и нечеловеческих актантов-предметов (компьютеры, гаджеты и т.д.), предрасположенных к рефлексии и фактически к совместному функционированию [Latour, 2005]. Это, например, проявляется в системах «умного» мониторинга, анализа больших массивов данных, в частности, используемого для манипулирования потребительским поведением. Ж. Делёз и Ф. Гваттари для обозначения структуры, организованной и функционирующей виртуально, использовали метафору «*тело без органов*»: «тело без органов воспроизводит само себя, дает почки и растягивается до границ вселенной». Создать свое «тело без органов» – значит превратиться в иного индивида [Делёз, Гваттари, 2007: 11]. Цифровизация стала фактором повсеместной гибридизации человеческой телесности, что происходит практически с рождением современного ребенка. Как утверждает У. Бек, «молодые поколения уже родились, как “цифровые сущности”» [Beck, 2016: 189]. Нормой стало то, что в социальных сетях формируются «цифровые тела», что создает практически для каждого человека возможность становления детерриторизированного и вневременного Я [Кравченко, 2020]. Амбивалентные последствия гибридизации человеческой телесности несомненны – они несут как блага, так и негативные побочные эффекты. У индивида от рождения органично присутствует сопричастность к разного рода «умным» машинам, искусственному интеллекту, что наделяет его немислимыми ранее возможностями. Вместе с этим зарождается новый социальный тип парадоксальности в виде человека-телефона и человека-компьютера (люди воспринимают гаджеты как часть своей идентичности). Некоторые даже имплантируют чип в тело, что фактически превращает человека в киборга, реально соединяющего в себе биологическую, социальную и цифровую телесность. Эти новации используются на практике в социальных, учебных и медицинских целях. Особо отметим сложные негативные побочные эффекты, исходящие от принципов формальной рациональности, прагматизма и сциентизма, что воспроизводит иррациональную рациональность и дегуманизированные практики. Это рельефно видно

на примере макдональдизированного обучения, получившего распространение в мире и в нашей стране. «Студенты могут чувствовать себя почти как объекты, в которые вливается знание по мере того, как они движутся по образовательной конвейерной линии, обеспечивающей их информацией и выдающей диплом» [Ritzer, 2013: 139]. Аналогичное характерно для современных трендов здравоохранения. Цифровая томография легких позволяет воссоздать объективную картину «цифрового тела» больного. Врач, находящийся даже в другом регионе страны, может выполнять требования профессионального протокола по оздоровлению заболевшего. Но следует иметь в виду, что диагностируется «цифровое тело», а затем лечится, по существу, другая телесность – сам человек. Важно сохранить коммуникацию врача и пациента лицом к лицу, гуманизм искусства врачевания, имеющий глубокие корни в российской культуре. Мы исходим из того, что, оставаясь на позициях реализма, процессы гибридизации человеческой телесности остановить невозможно – придется учитывать и этот тип «порядка из хаоса». Однако благодаря инструментарию междисциплинарной парадигмы с гуманистическим стержнем, развитию данных реалий можно задать тренд, адекватный генотипу нашей культуры, предполагающий сохранение собственно человеческой составляющей во вновь производимых гибридах человеческой телесности.

5. *Интерферентные риски.* Под воздействием гибридизации социо-техно/цифро-природных реалий, а также становления многополярного мира, обострения межцивилизационного противоборства современные риски синергично охватывают ряд сфер жизнедеятельности, накладываясь друг на друга, обретая тем самым интерферентный характер. Они включают в себя как риски, имеющие объективные основания, так и культурно сконструированные инсценированные риски. Некоторые из них экспортируются из «Первого мира» в «нецивилизованные» страны (вывоз в них е-мусора, размещение опасных химических и биотехнологий). Пандемия COVID-19 и энергосырьевой кризис рельефно выявили тренды гибридизации рисков в макро- и микромирах. Среди конкретных факторов, способствующих воспроизводству и распространению интерферентных рисков: уменьшение «чистого» социума и аутентичной природы; синергичное функционирование социальных акторов и нечеловеческих актантов; распространение центробежных тенденций и индивидуализированных форм существования из-за высвобождения людей от укорененности их жизнедеятельности в локальных культурах [Giddens, 1990]; приход ценностей и норм из других культур, формирующих иные смыслы счастья, справедливости, телесности, подчас противоречащие нашему генотипу культуры; всевозможные эффекты «общества травмы» [Тощенко, 2020] и «нормальной аномии», воспроизводящие парадоксальное сосуществование рискофобии и рискофилии [Кравченко, 2017] – они являются катализаторами подавляющего большинства интерферентных рисков, распространяемых в гло-локал-анклавном пространстве и во вневременном времени, что воспроизводит и усиливает эффекты «порядка из хаоса».

6. *Синергичное общественное сознание.* Его содержание выражено в синтезе парадоксальных идей и представлений, как имеющих исторические корни, так и тех, которые ныне воспроизводятся. Зарождение и ценностное содержание идеологий своими корнями уходит в генотип культуры, что обеспечивает целостность общественного сознания, защиту существующего социального порядка, функциональность его институтов. Однако в контексте эффектов «стрелы времени» смыслы идеологий усложняются, а их функциональность на этапе индустриального модерна обретает амбивалентный характер. Как отмечал К. Манхейм, идеология способствует саморационализации людей, вместе с тем образуются ее новые типы, влекущие дерационализацию – подчас они содержат смыслы «от сознательной лжи до полусознательного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана» [Манхейм 1994: 56]. С тех пор общественное сознание еще более усложнилось: в одних пространственно-временных координатах сосуществуют национальные идеологии, верования, парадоксальные представления о добре и зле. Если идеология и верования, адекватные генотипу отечественной культуры, его укрепляют, то чуждые

ему представления хаотизируют общественное сознание. Однако деидеологизированного социума в принципе быть не может: «Идеология, – утверждает Ж.Т. Тощенко, – непреходящий атрибут развития общества... ни одна страна, общество, государство не могут существовать без идеологии. Она имеется в каждом из них, независимо от официального ее признания... Отказ от официальной идеологии привел к тому, что общественному сознанию была нанесена колоссальная травма». Ныне в российском обществе сосуществуют либеральная, социалистическая, консервативно-патриотическая, национальная и «эрзац-идеологические формы» [Тощенко, 2020: 182, 185, 195–199]. По существу, образовался идейный «порядок из хаоса».

В синергичное общественное сознание входят как национальные верования, так и различные их эрзац-формы. Как считал М. Вебер, историческое развитие веры идет по пути рационализации [Weber, 1993]. Этот фактор весьма значим в плане возможности упорядочения духовной и нравственной основы российского общества, противостояния трендам трансгуманизма. Специфичная духовная рациональность национальных верований важна для сохранения традиционных смыслов добра и зла, когда получают распространение их симулякры и антиподы – гуманизм и антигуманизм, типы социально ответственного и парадоксального человека сосуществуют в одном пространстве и времени. Это способствует, считает З. Бауман, производству «моральной слепоты» и «текущего зла», суть которого в соблазне новизны. В социальных сетях перманентно конструируются сменяющие друг друга соблазны, что ведет к нестабильности и непостоянству [Bauman, Donskis, 2016: 18]. Полагаем, что для успешного становления новой России востребовано как возрождение национальной идеологии, так и упрочение национальных верований, являющихся факторами духовных скреп социального порядка и культурной консолидации общества.

7. *Синергичное научное знание.* Усложнение научного знания обусловлено совокупностью факторов, среди которых можно назвать: накопление знания, которое, однако, не всегда приближает к истине; чрезмерное количество противоречивых источников производства знания применительно к конкретному объекту или явлению латентно ведет, как показал К. Манхейм, «в конечном итоге к распаду любой системы смысловых значений вообще» [Манхейм, 1994: 25]. Нелинейное развитие знания сопряжено с его травмами, разрывами, обретением как статуса силы и добра, так и зла: «Это вопрос того, – отмечает Дж. Александер, – как травма входит в знание, как она кодируется» [Alexander, 2003: 32]; сложное знание может представлять не более полную и целостную картину явления, а выступать в виде кентавризмов [Тощенко, 2011]; увеличивающаяся скорость производства и распространения знания, считает П. Вирильо, ведет к стиранию референтов, производя эффект «эстетики исчезновения» [Virilio, 1991]; в результате научной революции осуществляется переход к новой парадигме – лишь некоторое время сосуществует ряд парадигм с тенденцией того, что одна доминирует как «истинная» [Кун, 1977]; возникают парадигмы гибридного толка, примером чего являются «физически ориентированная социология» Дж. Рифкина [Rifkin, 2000] или «биосоциология» С. Фуллера [Fuller, 2008]. По У. Беку, зародилось и получило распространение «научное не-знание»: «Мировое общество риска является обществом не-знания в самом прямом смысле... оно – продукт большей и лучшей науки. Не-знание правит в мировом обществе риска. Жить в среде созданного не-знания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать» [Beck, 2010: 115]. Как видно, синергичное научное знание представляет весьма своеобразный «порядок из хаоса». В этих условиях, на наш взгляд, востребовано междисциплинарное знание с гуманистическим стержнем [Кравченко, 2020]. Перспективным является развитие отечественной социологии с опорой на выработанный мировым научным сообществом синергичное знание, однако в противовес прагматическому сциентизму, латентно усиливающему его хаотизацию и дегуманизацию, необходимо придать ему своеобразную гуманистическую упорядоченность, обусловленную учетом фактора генотипа российской культуры.

**Выводы.** Под влиянием эффектов «стрелы времени» возникли синергично сложные реалии, имманентно воспроизводящие «порядок из хаоса», которые определяют настоящее и задают тренды становления новой России, образ жизни ее граждан. По своему содержанию и характеру они могут иметь разные культурные основания: соответствовать генотипу отечественной или, напротив, иной культуры. Практика заимствования в годы перестройки и либеральных реформ ряда «универсальных» ценностей из других культур, использование их при создании новых институциональных структур сложного типа в важных сферах жизнедеятельности привела к «обществу травмы». Выход из него и построение в России общества социальной справедливости, обеспечение ее лидирующих позиций в мире видится в адаптации объективно сформировавшихся синергичных сложностей к культурному коду страны. Значимым шагом на этом пути является разработка российским научным сообществом междисциплинарной парадигмы синергичных сложностей с гуманистическим стержнем. На ее интеллектуальном фундаменте возможна выработка инновационной стратегии управления синергичными сложностями, позволяющая решать конкретные задачи развития национального человеческого капитала в столицах и регионах страны, формирования креативных личностей, проявляющих социальную ответственность в отношении общества. Предлагаемая парадигма имеет синергичную теоретико-практическую значимость при разработке цифровых инноваций, искусственного интеллекта, биотехнологий с учетом отложенных во времени рисков для человека и природы.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайденко П.П. *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке.* М.: Прогресс-Традиция, 2006.
- Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И. *На переломе веков: социодинамика российской культуры.* М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. *Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции.* М.: КомКнига, 2007.
- Кравченко С.А. *Возрастающая роль «цифрового тела» в человеческом капитале: изменения в характере коммуникаций // Коммуникология, 2020. Vol. 8. № 3. С. 15–28.*
- Кравченко С.А. *Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования, 2017. № 2. С. 3–13.*
- Кун Т. *Структура научных революций.* М.: Прогресс, 1977.
- Лапин Н.И. *Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход.* М.: Весь Мир, 2021.
- Манхейм К. *Идеология и утопия. Диагноз нашего времени.* М.: Юрист, 1994.
- Мертон Р. *Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты.* М.: МГУ, 1994.
- Пригожин И. *От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках.* М.: Наука, 2006.
- Пригожин И. *Переоткрытие времени // Вопросы философии.* М., 1989. № 8. С. 3–19.
- Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой.* М.: УРСС, 2022.
- Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под ред. В.А. Тишкова.* М.–СПб: Нестор-История, 2016.
- Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истории, этики, права и общественных отношений.* СПб: РХГМ, 2000.
- Степин В.С. *О философских основаниях синергетики // Синергетика: Будущее мира и России.* М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя.* М.: Весь мир, 2018.
- Тихонова Н.Е. *Социальная структура России: теории и реальность.* М.: Новый хронограф, ИС РАН, 2014.
- Тощенко Ж.Т. *Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа.* М.: Новый хронограф, 2011.
- Тощенко Ж.Т. *Общество травмы: Между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа).* М.: Весь мир. 2020.
- Тощенко Ж.Т. *Парадоксальный человек: монография.* М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
- Ядов В.А. *Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся.* М.: Academia, 2002.
- Abdel-Malek A. *Social Dialectics, Vol. 1: Civilizations and Social Theory.* London: Macmillan, 1981.

- Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003.
- Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Bauman Z., Donskis L. Liquid Evil. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010.
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition, Wiley-Blackwell, Oxford, 2010.
- Fuller S. The New Sociological Imagination. L.: SAGE, 2008.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Kantorowicz E. Les Deux Corps du Roi. Essai sur la théologie politique du Moyen Age. Paris, 1989.
- Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Merton R.K., Sorokin P. Social Time: a Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology, 1937. Vol. 42. P. 615–629.
- Perrow Ch. The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
- Rifkin J. The Age of Access. Harmondsworth: Penguin, 2000.
- Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. University of Maryland, Sage, 2013.
- Robertson R. European Glocalization in Global Context, Palgrave Macmillan, London, 2014.
- Roudemetoff V. Glocalization. A Critical Introduction, Routledge, New York 2016.
- Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.
- Virilio P. The Aesthetics of Disappearance. N.Y.: Simiotext(e), 1991.
- Weber M. Sociology of Religion, Beacon Press, Boston, 1993.

Статья поступила: 08.06.23. Принята к публикации: 29.01.24.

## THE CONTOURS OF AN INTERDISCIPLINARY CONCEPT OF THE SYNERGISTIC COMPLEXITIES

KRAVCHENKO S.A.

MGIMO University, Russia

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Prof. of the Sociology Department, MGIMO University, Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

**Abstract.** There are analyzed the 'arrow of time' effects that generate 'order out of chaos' (I. Prigozhin) and the accompanying phenomena that have now arisen in the form of 'synergistic complexities' (N. Lapin) – they set trends in the becoming of new Russia and form the image of its future. According to the author, their content and character are determined by the genotype of culture, which can either correspond to the civilizational foundations of the country or be borrowed from other cultures, on that factor the country's sovereign, stable or, on the contrary, traumatic, crisis development depends. Specifically considered are such types of synergistic complexities as glo-local-enclave spaces, synergistic time, hybrids of social, natural and technical/digital realities, hybrids of human physicality, interference risks, synergistic public consciousness and scientific knowledge of a synergistic type. It is substantiated that their complex nature, non-linear development, respectively, demanded for working out the synergistic interdisciplinary knowledge. Paying tribute to foreign scientists in its development, the author notes that it is dominated by formal and pragmatic methodology, while domestic researchers are dominated by comprehensive, more balanced approaches, including the consideration of national and cultural specifics. The author, taking into account their theoretical and methodological achievements, proposes the contours of the concept of the interdisciplinary paradigm of synergistic complexities with a humanistic core. Conclusions are drawn that on its basis it is possible to develop the political strategy for governing the synergistic complexities, which allows solving the urgent tasks of the country's sovereign and sustainable development, reproducing the national human capital, preserving the uniqueness of our natural world and developing technological innovations without risks to human existential security.

**Keywords:** order out of chaos, arrow of time, synergistic complexity, non-linearity, interdisciplinarity, sustainable development, human capital, humanism.

## REFERENCES

- Abdel-Malek A. (1981) *Social Dialectics, Vol. 1: Civilizations and Social Theory*. London: Macmillan.
- Alexander J.C. (2003) *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press.
- Bauman Z. (2009) *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z., Donskis L. (2016) *Liquid Evil*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2010) *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2016) *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later*. (2018) Moscow: All world.
- Castells M. (2010) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition, Wiley-Blackwell, Oxford.
- Fuller S. (2008) *The New Sociological Imagination*. London: SAGE.
- Gaidenko P.P. (2006) *Time. Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science*. Moscow: Progress-Tradition.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Gorshkov M.K., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. (2022) *At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture*. Moscow: FCTAS RAN (In Russ.)
- Kantorowicz E. (1989) *Les Deux Corps du Roi. Essai sur la théologie politique du Moyen Age*. Paris.
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. (2007) *Synergetics: Nonlinearity of time and landscapes of coevolution*. Moscow: KomKniga (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2017) The coexistence of riskophobia and riskophilia is the manifestation of "normal anomie". *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–13. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2020) The growing role of the "digital body" in human capital: changes in the nature of communications. *Communicology*. Vol. 8. No. 15–28. (In Russ.)
- Kuhn T. (1977) *Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: Progress (In Russ.)
- Lapin N.I. (2021) *The complexity of the formation of the new Russia. Anthroposociocultural approach*. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Manheim K. (1994) *Ideology and Utopia. Diagnosis of our time*. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Merton R. (1994) Explicit and latent functions. In: *American sociological thought*. Texts. Moscow: MSU. (In Russ.)
- Merton R.K., Sorokin P. (1937) Social Time: a Methodological and Functional Analysis. *American Journal of Sociology*. Vol. 42: 615–629.
- Perrow Ch. (2011) *The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Prigogine I. (1989) The rediscovery of time. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy]. No. 8: 3–19. (In Russ.)
- Prigogine I., Stengers I. (2022) *Order out of chaos: A new dialogue between man and nature*. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Prigogine I. (2006) *From existing to emerging. Time and complexity in the physical sciences*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Rifkin J. (2000) *The Age of Access*. Harmondsworth: Penguin.
- Ritzer G. (2013) *The Mcdonaldization of Society*. University of Maryland, Sage.
- Robertson R. (2014) *European Glocalization in Global Context*. London: Palgrave Macmillan
- Roudemetof V. (2016) *Glocalization. A Critical Introduction*. Routledge, New York.
- Sorokin P.A. (2000) *Social and Cultural Dynamics: An exploration of change in the larger systems of art, history, ethics, law, and social relations*. St. Petersburg: RHGM. (In Russ.)
- Stepin V.S. (2008) On the Philosophical Foundations of Synergetics. In: *Synergetics: The Future of the World and Russia*. Moscow: Publishing house LKI. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) *Social Structure of Russia: Theories and Reality*. Moscow: New Chronograph, IS RAS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2008) *Paradoxical man*: monograph. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Trauma Society: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2011) *Centaur problem: experience of philosophical and sociological analysis*. Moscow: New Chronograph. (In Russ.)
- Tishkov V.A., ed. (2016) *Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development*. Moscow – St. Petersburg: Nestor-History. (In Russ.)
- Urry J. (2003) *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press.
- Virilio P. (1991) *The Aesthetics of Disappearance*. N.Y.: Simiotext(e).
- Weber M. (1993) *Sociology of Religion*. Beacon Press, Boston.
- Yadov V.A. (2002) Some sociological grounds for predicting the future of Russian society. In: *Reforming Russia*. Moscow: Academia. (In Russ.)

Е.Н. ДАНИЛОВА

## ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ: МЕЙНСТРИМ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОВЕСТКА

---

ДАНИЛОВА Елена Николаевна – кандидат социологических наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (endanilova@gmail.com).

---

**Аннотация.** Имеют ли концептуализации социологического мейнстрима, сформировавшегося сегодня в западном контексте, универсальное значение в силу объективных коннотаций времени, или отражают текущую идеологическую повестку? В русле обсуждения этого вопроса предлагается ретроспективный взгляд на перемены последнего полувека в западном академическом дискурсе о социальных неравенствах: конструктивистский поворот, борьба с эссенциализмом, понятие и теории идентичности, политика идентичности, «смерть класса», новая левая повестка. Критически обсуждаются взаимосвязь терминологии левого мейнстрима с проблемой замены классовой политики неклассовой, роль академического активизма в изменениях последних десятилетий.

**Ключевые слова:** западная социология • социальные неравенства • конструктивистский поворот • эссенциализм • идентичность • политика идентичности • «смерть класса» • новая левая повестка • академический активизм

DOI: 10.31857/S0132162524010022

Социология перестала служить идеалам «старого» Просвещения, под знаменем которых родилась? Этот вопрос не нов, в академической среде одни говорят о «роковой смеси» науки и политики [Бэр, 2020], другие беспокоятся за свободу слова, приводя примеры дисциплинарных – вплоть до репрессивных – мер в западных университетах<sup>1</sup>. Статья анализирует формирование мейнстрима западной социологии, того, что вошло в учебники и учебные программы, преподается в университетах и школах, представлено в публикациях, в приоритетах профессиональных ассоциаций и обсуждений национальных и международных конференций. Социология мейнстрима сродни «новому прогрессивному просвещению» и «леволиберальной» политической повестке. Изменилась и роль социологов – от отстраненных исследователей к активистам. «Левый марш социологии» – итог противоречивых взаимообусловленных и последовательных изменений общества, идеологической повестки и научных изысканий. По сути, речь о том, что «...как правило, наиболее распространенные парадигмы связаны с доминирующими отношениями силы и меняются вслед за ними» [Терборн, 2022: 16].

Общественные изменения нуждаются в языке описания и интерпретации, и социология одна из областей знаний, что вводила его в научный и публичный оборот. Как за последние полвека «срастались» поле знаний и поле политики, каковы результат и терминология совместного творения? Рассмотрим тезисно в критической логике взаимообусловленные повороты западной социологии второй половины XX и начала XXI в. и в академическом дискурсе социальных неравенств. Что стоит за изменениями?

---

<sup>1</sup> Например, введение в университетах программ, комитетов и комиссий, контролирующих содержание курсов, мероприятий, дискуссий в университетских кампусах и школах, а также дисциплинарных и репрессивных мер – увольнений, публичных шейминга, деплатформинга и др. См.: Haidt J., Lukianoff G. The coddling of the American mind: How good intentions and bad ideas are setting up a generation for failure. N. Y.: Penguin, 2018 и др.

**Конструктивистский поворот и академический активизм.** Конструктивистский (конструкционистский) поворот в социологии обычно связывают с появлением перспективы широких возможностей познания социальной жизни (см., напр., [Штомпка, 2009]), перспективы, снабжающей идеями о том, как социокультурные процессы обеспечивают условия и ресурсы, которые делают нас людьми, и как люди повседневно осваивают этот мир и социальный порядок. Пройдя путь от Новой науки Дж. Вико XVIII в., теоремы Томаса, работ П. Бергера и Т. Лукмана и этнометодологов до марксистских и постмодернистских критических теоретиков, в конце XX в. конструктивизм стал способом познания и онтологической альтернативой таким теориям, как позитивизм и функционализм, изменив социальное мировоззрение и способы мышления. Выделим несколько моментов.

(1) Конструктивизм утвердился в качестве *основной антитезы* эссенциализму, ему отводилась особая роль в низвержении последнего, – и в этой роли он позиционируется вплоть до наших дней [Calhoun, 1994]. Эссенциализм искал объяснения социальных явлений, бытия и человека в их неизменной сути, претендующей на статус объективной. Корни подобных представлений уходят в раннюю философию и антропологию. В социальном знании эссенциализм понимает, к примеру, индивидуальную идентичность как аскриптивную и сохраняющую свои сущностные черты. Аскриптивные черты, как правило, рассматриваются в терминах «естественного» или «биологического» различия (пол, этничность, расы), как наследованные, присущие с рождения, практически неизменные, а значит, связанные с объективными сущностями. Суждения о неизменности природы человека никогда не были востребованы конструктивистами. Напротив, социальный конструктивизм, исходя из постоянной изменчивости, опровергает такое понимание. Победа над эссенциализмом в социологии признана свершившимся фактом [ibid.]. В конце XX – начале XXI в. это проявилось в критической расовой теории, теориях гендерного неравенства, новой идентичности, в политике идентичности и многих других. Все они исходят из того, что нет заданных расы, гендера, этничности и т.п.; они лишь закрепленные в конкретных культурно-исторических контекстах представления-конструкты, которые мы можем трансформировать, выбирая идентичность.

(2) В конце XX в. к конструктивистскому направлению все чаще обращаются при рассмотрении неравенств социального мира, это касается гендера, расы и этничности. В основе этих подходов – критические теории, имеющие марксистские корни, в частности Франкфуртской школы, и постмодернистские теории (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко, хотя последний не отождествлял себя с постмодернизмом). Первые ставят цель распознать стоящие за поверхностными социальными процессами скрытые механизмы господства структур сознания и способов доминирования, порождающих несправедливый порядок. Вторые подвергают сомнению само существование научного знания о реальности, проповедуют деконструкции как способ анализа и одновременно осознания неустойчивости и изменчивости социального мира и релятивности наших знаний о нем. Слово вскрывая секреты черного ящика, эти теории распознают несправедливости, замаскированные «наследниками» старого просвещения в функционалистских и позитивистских картинах реальности.

Отрицаются предыдущие толкования и представления, устоявшиеся договоренности и порядок, поскольку они не даны навеки, а рассматриваются как приобретшие значение в силу культурной и исторической обусловленности. Соответственно, они могут быть отменены как не имеющие отношения к текущему измененному состоянию. Увлечение постмодернистской деконструкцией чревато тем, что практически все может быть подвергнуто сомнению. Хорошо известны примеры современных практик культуры отмены.

(3) Конструктивистская перспектива открыла возможности не только познания, но и создала более явные ощущения возможности изменений на практике. Слияние науки и практики – важная линия социального конструктивизма, связанная с управлением. С одной стороны, эти идеи служат инклюзии, избавлению от ярлыков и стигм – в прикладных и практически ориентированных дисциплинах, таких как социальная работа,



управленческое консультирование, реклама, здравоохранение, образование, медицина и уход и др. С другой – наблюдается усиление академического активизма, мотивированного критическими теориями и социальными движениями, которые ставят задачу изменить ситуацию. Сегодня активизм и необходимость заявлять свою позицию, участвовать в акциях стали требованием к профессии, поощряемой профессиональной характеристикой. Некоторые авторы называют волну академического активизма (activism-scholarship) прикладным постмодернизмом [Плакроуз, Линдси, 2022].

Ярким примером служит критическая расовая теория (КРТ), где конструктивизм и активизм актуализировали друг друга [Delgado, Stefancic, 2000; 2001]. Она возникла в начале XXI в. из критики правовых систем США. Эволюция социологического знания расового вопроса прошла путь от расовой науки, господствовавшей в Европе около двух веков и после Второй мировой войны полностью дискредитированной, до рассмотрения во второй половине XX в. понятий культурного, структурного и институционального расизма. В них не подвергается сомнению постулат, что расы – не биологические факты, не фиксированные естественные категории, а социальные конструкции, идентичности, которые увековечивают неравенство. Но в отличие от других теорий, КРТ, будучи полностью конструктивистской, имеет практическую цель – изменить ситуации во всех сферах общества<sup>2</sup>. Эта школа, вышедшая из правовых исследований, утверждает, что расизм – не отклонение от нормы, а, скорее, повседневная норма в США и других странах, где она глубоко укоренилась в праве и социальных институтах, поэтому это сложно трансформировать. Белые элиты и белый рабочий класс извлекают из этого выгоду. Таким образом, значительная часть населения не заинтересована менять положение, поэтому необходимы постоянные действия на повседневном уровне, чтобы сформировать новую «нормальность», изменив «застарелые» нормы. Это требование относится прежде всего к белому населению, которое должно осознать свои привилегии и изменить отношение к представителям других рас. Соответственно, в академической среде требуется быть не только исследователем, но и активистом, своей деятельностью участвовать в изменении этого положения.

Соблазн конструктивизма как способа мышления в том, что он открывает неограниченные возможности преобразований в воображаемых мирах<sup>3</sup> и в политической реальности. О тонкой грани между наукой и политикой, которую можно переступить, и о так называемом политическом конструктивизме, когда политика «соблазняет» науку перспективой непосредственного участия в социальных преобразованиях, говорят многие. То, что писал А. Филиппов в 1997 г. применительно к российской ситуации, можно видеть в описываемых мною сюжетах: «И тогда уже не наука (объективное знание сущностей и пределов) противостоит политическому действию, но объективизму одних исследователей противостоит активизм других, ангажированных политикой» [Филиппов, 1997]. Правда, в западном контексте идеализация неангажированного исследователя не в мейнстриме.

Это и есть мотив преобразующего действия – соблазн ставить все новые цели исправления мира, когда эйфория его совершенствования и обретения новых степеней свободы соединяется с практикой. Распознанные с помощью критических теорий несправедливости существующих отношений в обществе должны быть исправлены, и остается только *верить*, что провозглашенные идеи верны, что перемены будут к лучшему. Как говорится – учение Маркса всесильно, потому что верно.

**Триумф понятия «идентичность»: от рассуждений о себе к политике идентичности.** Начиная со второй половины XX в. понятие «идентичность» привлекает к себе все большее внимание социологов для изучения практически всех сфер жизни, индивидуальных миров и мира социального, социальных и политических движений, коллективных

<sup>2</sup> КРТ (Critical race theory) стала идеологической основой движения «Жизнь черных имеет значение» (Black Lives Matter).

<sup>3</sup> Д.Г. Подвойский в рецензии на книгу Э. Лока и Т. Стронга «Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice» не случайно начинает с реакции на внесение в перевод дополнения в виде популярного слова «матрица» [Подвойский, 2020].

действий вплоть до новых войн, где идентичность в центре их целей [Kaldor, 1999]. В настоящее время без термина идентичность вряд ли обходится любая политическая или публичная полемика и любое социально-политическое движение. Само понимание идентичности трансформировалось в соотношении с общественно-историческим контекстом его развития и использования в социологии и социальной теории.

До 1950-х гг. это понятие практически не употреблялось. Изначально идентичность понималась как некая самость, сходная с «эго» Эриксона и Фрейда, и просто как рассуждения, мысль о самом себе, помещенная в языковую форму «я – такой-то (тот-то)», как тождество некоей сущности самой себе. Со временем идентичности атрибутировали существенное свойство индивидов или групп, рассматривая его как категорию описания самоопределения индивида в обществе.

В 1980-е и 1990-е гг. понятие «идентичность» прочно вошло в академический, политический и популярный лексикон. Этому способствовало, по крайней мере, несколько усилий интеллектуалов: концептуализации современности и постсовременности, общества потребления, социальных движений и, наконец, политики идентичности. И с важным допущением – появилась сама возможность истолковывать себя как человека, «имеющего идентичность». Именно это рассматривается как исторически новая формулировка<sup>4</sup>. В современных социальных теориях не подлежит сомнению, что сегодня люди, будучи рефлексивными субъектами, мыслят идентичностью и действуют в соответствии с ней и это чуть ли не господствующий способ мышления и мотивов практической жизни.

Согласно теоретикам постсовременности – З. Бауман, Э. Гидденс, У. Бек и др., идентичность становится ключевым понятием в объяснении происходящих изменений, в основном в русле глобализации и индивидуализации. Идентичность, по мнению Баумана, – порождение современности: «Предначертанность сменилась жизненными планами, судьба призванием, а природа человека, какой он был рожден – идентичностью» [Бауман, 2002: 179]. Предполагается, что в обществах модерна самоопределение ограничивалось набором относительно устойчивых категорий – класса, пола, расы, этничности, нации, места проживания и т.п., отражающих некий относительно устойчивый порядок и общественную структуру. Это означало сохранение и рационализацию эссенциалистских черт: быть индивидом с набором определенных черт, частью определенной группы, обладающей необходимыми общими чертами.

В обществах постмодерна, по Бауману, исчезает определенность: все неустойчиво и «текуче», а лабильная идентичность стала нормой. Главное внимание уделялось тому, что индивидуальные выборы и вымыслы самоопределения могут вообразиться или стать реальностью. Перечень потенциальных идентичностей в буквальном смысле слова бесконечен. Нельзя представить ни одной черты, которая не могла бы стать основой идентичности. И это кажется правдой, если смотреть на самопрезентации в социальных сетях. Но так ли это? Теоретики общества потребления из Франкфуртской школы, например, скептически смотрят на этот вопрос, аргументируя, что воспевание свободного индивидуального выбора всего лишь уловка системы господства через индустрию культуры, которая формирует индивидуалистские идентичности, выгодные в обществе потребления капиталистическому классу.

Однако есть и мнение, что идентичности «человека, имеющего идентичность», не существовало до политики идентичности [Моран, 2021: 19]. Этому спору посвящены сотни книг и статей в 1980–1990-е гг., представляющие в том или ином виде полемику вокруг эссенциалистской и конструируемой природы идентичности. Одни прослеживают проявление в идентичности форм биологического, культурного и психологического эссенциализма, подпитывающего политику расы и гендера (см., напр.: [Nicholson, 2008]). Другие считают, что гендерные и расовые социальные категории в эссенциалистской интерпретации

<sup>4</sup> Мы не рассматриваем серьезный вклад культурно-антропологических исследований, чему также обязана концепция идентичности.

не требовали специального языка и понятия, не понимались через идентичность примерно до середины XX в., до появления политики идентичности. Исследователи социальных движений рассматривают любые «движения идентичности» скорее как культурные, не политические, чьи цели, стратегии и формы мобилизации могут быть лучше объяснены с опорой на представления об идентичности, нежели чем-то другим. В любом случае новая значимость понятия «идентичность» проявилась для формулирования целей и мобилизации активистов кампаний, начиная с 1960-х гг., найдя максимальное выражение в политике идентичности.

**Политика идентичности и новая левая повестка.** О политике идентичности в русскоязычной литературе говорится не совсем в том смысле, в котором она родилась в западных странах второй половины XX в. Между тем она – одна из интеллектуальных и политических основ социально-политических движений в западных странах. Ее появление связано с провозглашением неудач и недостаточности усилий движений за права человека середины XX в., с необходимостью нового осмысления «несправедливости». Эта политическая платформа имеет интеллектуальные корни в либеральном учении о правах человека. Политика идентичности сегодня многозначна в зависимости от разных политических позиций, прежде всего, левых – от умеренных до радикальных.

В научной литературе конца XX в. активизируются споры об этом понятии. Одни считают, что оно связано с критикой неудач левого движения в рамках универсального либерализма, явление не новое, атрибутируя его к ранним феминистским, антиколониальным, освободительным движениям. Другие полагают, что политика идентичности началась позже, когда пришло осознание неудач левого движения середины века. Движения за социальную справедливость 1960–1970-х гг. выступали за признание на основе расы, пола, сексуальной или этнической принадлежности. «Старые» левые не достигли желаемых результатов; сторонники новых левых объясняют причины этого неуспеха тем, что предыдущие действия исходили из неверных посылов эссенциалистской политики, основанной на кажущихся отличиях от большинства, и были встроены в действующую систему доминирования, тем самым ее воспроизводя. Что отличает политику идентичности от прежних движений, так это ее требование признания на тех самых основаниях, на которых ранее в признании было отказано: группы именно женщин, черных, лесбиянок требуют признания. Требуется не включение в лоно «универсального человечества» <...> и не уважение, «несмотря на» различия. Скорее, требуется уважение к себе как к другому [Calhoun, 1994: 53]. Это принципиальное отличие переводит все в поле осознания, репрезентации и стремления к признанию, то есть идентичности, что ярко представлено движениями<sup>5</sup>.

Смысл политики идентичности в следующем: те, кто чувствует себя угнетенными в условиях системного социального неравенства, должны «осознать» свой опыт страданий и угнетения, чтобы самим исправить ситуацию, выйти из стигматизированного и несправедливого положения. В своих исследованиях социологи все больше внимания уделяют опыту и выражению идентичности. Как правило, исследователи, например, руководствующиеся КРТ, используют повествовательные и биографические методы, чтобы изучить, что означает расизм для своих жертв, как люди переживают опыт расизма. Решение проблем несправедливости видится в трансформации идентичности – вместо того, чтобы принимать негативные сценарии, предлагаемые доминирующей культурой о собственной неполноценности, человек трансформирует собственное чувство себя и общности и, так сказать, «укрепляет свое самосознание», идентичность. Соответственно лучшими формами проявления трансформации является организация солидарных с такими же жертвами несправедливости действий в борьбе за свои права. В то же время трансформация идентичности касается и других обладающих привилегиями (относимых к большинству):

<sup>5</sup> Термин «меньшинство», напомним, является в этом контексте стратификационной категорией, отражает не только культурное неравенство, но, прежде всего, подчиненную позицию, угнетение.

они должны «осознать», что их привилегии несправедливы и достались от старой системы доминирования, а это требует перемен существующего порядка.

В 1990-х гг. в социологию вошел термин *интерсекциональность* [Grenshaw, 1991], который рассматривал все больше категорий (изначально расовых и гендерных) маргинализированных идентичностей как обуславливающих маргинальность друг друга, как культурные факторы дискриминируемого положения. Термин служил смене акцента в идеологической платформе: *либеральный универсализм* (равное отношение независимо от идентичности) уступал место политике идентичности (основанной на *значимости определенной идентичности*).

Все «несправедливости» рассматриваются как разные проблемы и следствия одной и той же социальной системы капитализма. Это придало риторике новых левых радикально мощный толчок. С новым витком борьбы за справедливость сторонники леворадикальных взглядов, исходя из таких понятий, например, как «разбуженный капитализм» (воукизм), сходятся в следующем: борьба против расизма, патриархата, гетеронормативности и привилегий структурно завязана на борьбу против системного капитализма. Н. Фрейзер<sup>6</sup>, критикуя то, что она называет «культурным поворотом» в политике идентичности, и утверждая, что слишком многое в ней отвлекает внимание от пагубных последствий неолиберального капитализма и растущего неравенства в богатстве, видит решение в создании проекта антикапитализма, который «синтезирует» не только признание и репрезентацию, но и перераспределение.

Однако реализация политики идентичности, как видится, не решает, а в некотором смысле только усиливает проблемы<sup>7</sup>, ведет к фрагментации обществ. Чаще звучит критика, что эгалитарное использование этой идеи практически невозможно сегодня<sup>8</sup>. Отмечаются бесперспективность и белые пятна политики идентичности, ведущие, например, к неудачам мультикультурализма. Проблемны и перспективы солидарности. С одной стороны, разговор идет о коммерциализации идентичностей: в условиях общества потребления и неолиберального капитализма *индивидуальное* значение идентичности возобладавало над социальным, групповым, поскольку всё, и политика, стало прежде всего способом поощрения индивидуального потребления в глобальном масштабе. Наблюдается возникновение и либертарианской версии политики идентичности с акцентом на индивидуальные права, которыми обладают «сознательные» носители определенных идентичностей в противовес любому чувству групповой солидарности [Chasin, 2000; Feitz, 2012]. С другой – трудности объединения связаны с распряями внутри левых движений и размыванием основ солидарности: обычное соревнование, кто более сделал для справедливости. Например, последователи воукизма считают себя единственными, кто «пробудился» и осознал проблему системной социальной несправедливости.

Слышны и вопросы, «как политика идентичности Америки перешла от включения к разделению», и сомнения в ее реализации: «как только политика идентичности набирает обороты, она неизбежно распадается, порождая много разных и постоянно растущих групповых идентичностей, требующих признания»<sup>9</sup>. К примеру, соревнование за включение в постоянно расширяющийся словарь идентичностей означает не только признание, а вхождение в список на получение определенных привилегий и ресурсов,

<sup>6</sup> Frazer N. The battle for neoliberal hegemony: an interview with Nancy Fraser // CENTRI Southern Social movement. Newswire. January 25, 2016. URL: <https://www.cetri.be/The-battle-for-neoliberal-hegemony?lang=fr> (дата обращения: 17.09.2023).

<sup>7</sup> Пока, правда, подобная критика представлена в западной литературе фрагментарно и в основном в неакадемических изданиях. В русскоязычной литературе интересное критическое рассмотрение и культурологический анализ этих явлений предлагает Л. Ионин (см., напр., *Ионин Л.Г. Восстание меньшинств*. М.: Универ. книга, 2013).

<sup>8</sup> Mohandesi S. Identity Crisis // Viewpoint Magazine. 2017. March 16. URL: <https://viewpointmag.com/2017/03/16/identity-crisis/> (дата обращения: 17.09.2023).

<sup>9</sup> Chua A. How America's identity politics went from inclusion to division // Guardian News & Media. URL: <https://www.theguardian.com/society/2018/mar/01/how-americas-identity-politics-went-from-inclusion-to-division> (дата обращения: 17.09.2023).

обеспечивающих представительность меньшинств в разных институтах – занятости, образования, в политике. В аббревиатуре ЛГБТ и далее, в которой предпочтительная терминология и буквы меняются, группы меньшинств спорят о том, кого туда включать и кто первый в списке угнетенных. Сформулирован некоторый диагноз: «Поскольку левые всегда пытаются превзойти последних левых, результатом может стать соревнование с нулевой суммой в вопросе, какая группа будет наименее привилегированной, так называемая “Олимпиада угнетения”, часто фрагментирующая “прогрессистов” и настраивающая их друг против друга. Хотя инклюзивность, по-видимому, по-прежнему является конечной целью, современные левые придерживаются подчеркнуто *исключающего* подхода»<sup>10</sup>.

**«На могиле класса»: смена, замена или подмена неравенств?** Антикапиталистические экономические заботы старых левых к 1990-м гг., с распадом Советского Союза, начали уступать место новому пониманию угнетения: фокус смещается от *экономического неравенства к культурному*, политика перераспределения заменена «политикой признания». Впрочем, как показано выше, так и родилась современная политика идентичности, которой стали маркировать всю групповую или якобы *неклассовую политику*. Вероятно, язык идентичности появился как язык нейтральных или неклассовых значений. Эта вероятность возрастет, если помнить о критике концепции классовых интересов как коммунистического и антиамериканского подхода и о давлении маккартизма в США 1950-х гг.

Между тем в эпоху обществ потребления рост и изменения потребительских практик сдерживают и вытесняют классовый конфликт [Agger, 1992], не устраняя классового неравенства. Более того, исследователи фиксируют рост экономического неравенства. Но в публичном и медийном дискурсах тема классового неравенства отходит на задний план. Сегодня неравенство в экономическом смысле представляется уделом в основном экономистов; об этом говорят они сами. На невнимание социологов к этим проблемам сетуют социологи старой школы, включая М. Сэвиджа, автора книг о британской классовой стратификации [Savage, 2000; 2015].

Развитие социологии многим обязано концепту класса. С конца XIX и весь XX век исследования социальной стратификации идут в полемике с марксовыми идеями класса и классового конфликта. Прежде всего оспаривалась идея поляризации и ужесточения классовой борьбы. В этой полемике концепт среднего класса сместил внимание на статусные характеристики (образование, квалификация), культурные и потребительские практики, достигаемые, правда, уровнем дохода. Значимость стратификационным исследованиям придавало то, что в западных странах класс служил базовым предиктором электорального поведения. Растущий средний класс рассматривался как гарант устойчивости общества, основной налогоплательщик, потребитель и избиратель. В исследованиях в том или ином виде класс сохраняет свое экономическое значение, приобретает все больше культурные измерения. Термин «классовое неравенство» постепенно вытеснялся более нейтральной стратификацией, выраженной в определениях «меньшинств»; «класс» теснила нейтральная «идентичность».

Парадокс: с одной стороны, почти во всех развитых капиталистических обществах неравенство в богатстве и доходах увеличилось за последние два или более десятилетия [Gottschalk, Smeeding, 1997; Piketty, 2014 и др.], как и неравенство в доступе к образованию, здоровью, продолжительности жизни. С другой – классовый анализ подвергается сомнению, постулируется «смерть класса». В 1996 г. книга М. Уотерса и Дж. Пакульского [Rakulski, Waters, 1996] под этим названием подвела некую черту под обширной полемикой относительно эмпирических показателей классовых концептуализаций. Суть книги в тезисе, что классовые различия «растворяются», наиболее развитые общества уже не являются классовыми. Приводя несколько аргументов о том, что класс более не определяет различия моделей поведения (владение недвижимостью, брачное поведение, культурные предпочтения, потребительские практики), авторы выделяют главное: концепт класса более

<sup>10</sup> Там же.

не определяет электоральное поведение, не связан с ним. То есть британский «рабочий класс» с меньшей вероятностью будет голосовать за лейбористскую партию, чем раньше. Аналогичные результаты получены для других промышленно развитых стран. Это означает, что *концепт класса больше не работает*, отражая и некоторую растерянность исследователей относительно политических предпочтений людей и прогнозов их голосования.

Вместо классовой стратификации Пакульский и Уотерс предлагают основание, связанное со статусными различиями (престиж); статусное потребление, выраженное в образе жизни и моделях потребления, они называют «сложным бесклассовым неравенством». Для тех, кто оказался в неблагоприятном положении из-за их неспособности участвовать в статусном потреблении, они вводят понятие «аскриптивно обездоленного низшего класса». Книга породила новые дискуссии. Реагируя на нее, ученые, в их числе Т. Пикетти<sup>11</sup>, недавно заявили: «Класс не умер, а как решительно высказались 15 лет назад трое политологов: *он был похоронен заживо*»<sup>12</sup>. Вслед за ними, Пикетти и его коллеги видят главный парадокс в том, что несмотря на резкий рост экономического неравенства во многих частях мира с 1980-х гг., не происходит – или, по крайней мере, не замечено усиления политических требований о перераспределении богатства и возврате к классовой политике. Чем это объяснить? Исследователи предлагают следующее.

В конце XX в. в связи с экспансией высшего образования все стало гораздо сложнее по сравнению с 1950–1960 гг., когда большинство избирателей имело начальное или самое большее среднее образование. Избирательные базы левых и социал-демократических партий, когда-то защитников большего равенства доступа к системе образования, все чаще представлены наиболее образованными частями электората. Как пишут авторы, сменилась роль левых партий, они теперь чаще рассматриваются как партии, защищающие в первую очередь «победителей игры» в высшее образование. Растущее недовольство тех, кто не получил образования и выгод от него, сдвигало многих из них в сторону консервативных партий. Исследователи обнаружили, что сегодня в политическом поле именно образование наиболее четко отличает сторонников политических партий – новых прогрессистских левых, зеленых и консервативных антииммиграционных политиков. В то же время доход не столь сильно отличает социал-демократические партии от консервативных. Также в некоторых случаях переход левых партий к продвижению неолиберальной политики напрямую способствовал упадку классовых противостояний и росту конфликтов на основе идентичности.

Последствия этой трансформации вполне ясны. Фактически политические системы стали представлять два типа элит – богатую и хорошо образованную. То есть политика представлена соревнованием двух элит. В итоге в политическом поле почти не осталось места выражению интересов наиболее обездоленных граждан, которые не чувствуют себя представленными существующими демократическими институтами. Именно они составляют так называемое молчаливое большинство. К примеру, в последние десятилетия в Великобритании и в большинстве западных стран резко возросло число воздерживающихся от участия в выборах граждан с низким доходом и образованием. В книге Дж. Эванса и Дж. Тилли [Evans, Tilley, 2017] показано, как это «политическое исключение британского рабочего класса» было спротоцировано политическими партиями и СМИ, которые уделяли все меньше внимания вопросам неравенства. По сути, за несколько десятилетий классовая стратификация заменена новой формой «элитаризма».

Несмотря на то что классовая политика почти исчезла из повестки, концепт класса остается важным и дискутируемым. В защиту «класса» выступил М. Сэвидж [Savage, 2013], который в ответ на указанную книгу и исследования в США, Великобритании и Европе,

<sup>11</sup> Geltin A., Martinez-Toledano C., Piketty T. How politics became a contest dominated by two kinds of elite // The Guardian. 5 August 2021. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/aug/05/around-the-world-the-disadvantaged-have-been-left-behind-by-politicians-of-all-hues> (дата обращения: 17.09.2023).

<sup>12</sup> Речь идет о статье [van der Waal, Achterberg, Houtman, 2007].

показывающие, что некоторые из старых элементов класса, а именно сознательное отождествление людей с определенным классом, то есть классовое сознание (классовая идентичность), по-видимому, исчезает, говорит о «парадоксе класса». Его аргументация: по мере *ослабления коллективного* классового сознания (идентичности), класс по-прежнему значим для людей, переживается как часть субъективного самоощущения индивида [Savage, 2000]. Сэвидж и его коллеги, ориентируясь на идеи Бурдьё, опираясь на свои исследования, выступают за альтернативу «культурного классового анализа», который рассматривает, как «в различных условиях социальной жизни процессы неравенства производятся и регулярно воспроизводятся и как это включает в себя как экономические, так и культурные практики» [ibid: 196]. Это отвергает старую аналитическую модель, в которой структура экономического класса порождает статусные (или культурные) различия; вместо этого культурные процессы встроены в конкретные виды социально-экономических практик» [ibid: 194]. Его точка зрения: класс по-прежнему имеет определяющую силу в жизни многих людей, а концепт класса – в исследованиях, независимо от того, измеряется ли она занятостью, богатством или потреблением. Да, в политическом поле его значимость снизилась, но кто знает...

И еще один механизм классового различения – язык, сети и культура коммуникации, стили поведения, обычно не рефлекслируемые людьми как социально-классовые. Важность языка стоит подчеркнуть, так как он непосредственно связан с образованием, социализацией в студенческих кампусах. Знание языка политики идентичности обязательно в активистских и академических кругах, а вопросы культурной, расовой, гендерной и сексуальной идентичности преобладают в общественных науках, гуманитарных дисциплинах и искусстве. Поиск собственной «настоящей» идентичности возведен в статус ключевой психологической цели. В итоге производители знаний, выпускники университетов, академические активисты, включая социологов, являясь частью образованного класса, «победителей» игры в образование, говорят на специализированном языке, используя слова малопонятные обычным людям или кажущиеся им понятными. Этот язык оформил культурно-идеологическую рамку солидаризации и идентичности части новых элит, представляя культуру, заметно отличную от «молчаливого большинства», что, правда, не всегда означает, что последние против. Кстати, «молчаливое» слишком говорящее слово, означает отсутствие голоса не только в политическом, но и публичном и культурном дискурсе.

**Заключение.** Заявка на тотальный характер изменений в отношении социальных делений и неравенств в так называемых постмодерных обществах появилась в повестке не без участия социологии и политики идентичности, теоретические основания и конструкции которых играют важную роль в формировании научного и общественно-политического дискурса. Академический активизм усилил эту связь с повесткой проводимых изменений.

В фокусе повестки – изменения *норм повседневности* на уровне того, что Грамши называл обыденным сознанием, «common sense» или гегемонией. Университетская и культурная среда выступает главным звеном изменений, что также соответствует Грамши. Казалось бы, левое революционное движение следует его логике. Направивается параллель с моральными и прогрессистскими коннотациями: не напоминает ли это воспитание «нового человека» советских времен? В определенном смысле можно говорить о принятии значительной частью населения новых ценностей и новой этики, по крайней мере, как это видится в Европе и США. Постепенно в США и странах Европы произошла замена классовый политики неклассовой. Сформировавшийся мейнстрим претендует на универсальность. Можно говорить, что смещение внимания с классовых неравенств на неклассовые опосредовано не только экономическим развитием западных обществ (обществ благосостояния), но и артикулирующей (конструированием) новых пространств культурных противоречий и способов их решать. Но так ли это и каки? И так ли это для других обществ?

По крайней мере, два сомнения. Сам дискурс политики идентичности – дискурс не столь угнетенных меньшинств, сколько элит, и встроены в идеологическую систему

господствующего неолиберализма, вряд ли представляя ему альтернативу, несмотря на анонсируемые задачи борьбы с системным капитализмом. Похоже на то, что отмечают Л. Болтански и И. Кьяппелло, говоря о «новом духе капитализма», который служил легитимации гибкого неолиберального капитализма нашего времени [Boltanski, Chiapello, 2005]. По их мнению, капитализм переделывает себя, в том числе благодаря художественной критике организованного капитализма новыми левыми, одновременно подрывая их социальную критику. Если отнести это к глобальному порядку, остается «старый» вопрос: имеют ли рассмотренные концептуализации критическое или универсальное значение в силу объективных исторических или повседневных коннотаций?

Участвуя в формировании текущей повестки конкретных обществ определенного времени, волею или неволею социологи играют роль ее интеллектуальных проводников. Так сложилось, что социология и социальные теории строили свое научное знание на определенной части глобального социума, задавая остальным представление о том, что это и есть глобальные тренды. Более того, здесь можно увидеть классовый «налет». Все больше предметом и объектом социологии становились «общества изобилия», элиты, креативный класс и то, что их волнует. Выбрав «общество изобилия» предметом изучения, социологи сделали его же своим читателем и почитателем. Можно ли сказать, что «современная» социология все заметнее оформляется как интеллектуальный продукт определенного слоя – части образованной элиты; растущие экономические неравенства и «молчаливое большинство» остаются в поле научного внимания экономистов и старой академической школы?

Остается много вопросов для рефлексивной социологии. Российской социологии не следует забывать, что понятия рождаются и развиваются в определенной культурно-исторической и политической среде, отражая именно ее. С большой осторожностью можно транслировать их в другие контексты. Эта дискуссия, видимо, продолжится, и не помешает критическая рефлексия социологов в отношении общества, себя и социологии.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. [Bauman Z. (2002) *Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)]
- Бэр П. Социология остановилась // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 3–15. [Baehr P. (2020) *Sociology arrested*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–15. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250010090-2.
- Моран М. Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 1. С. 15–39. [Moran M. (2021) *Identity and Identity politics: A Cultural and Materialistic History*. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture* [An inviolable reserve. Debates about politics and culture]. No. 1: 15–39. (In Russ.)]
- Плакроуз Х., Линдси Д.А. Циничные теории: как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М.: Individuum, 2022. [Plakrose H., Lindsey D.A. (2022) *Cynical Theories: How Everyone Started Arguing About Race, Gender and Identity And What's Wrong With That*. Moscow: Individuum. (In Russ.)]
- Подвойский Д.Г. Лабиринтами Матрицы: осваивая социальный конструкционизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 60–92. [Podvoysky D.G. (2020) *The Labyrinths of the Matrix: mastering social constructionism*. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. No. 4: 60–92. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1644.
- Терборн Й. Знание и власть: социальная наука и социальный мир // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 15–20. [Therborn G. (2022) *Knowledge and power: social science and the social world*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 15–20. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250019603-6.
- Филиппов А.Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 5–37. [Filippov A.F. (1997) *On the concept of "theoretical sociology"*. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1–2: 5–37. (In Russ.)]



- Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–13. [Sztompka P. (2009) The focus of attention is everyday life. A new turn in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–13. (In Russ.)]
- Agger B. (1992) *Cultural Studies as Critical Theory*. London: The Falmer Press.
- Boltanski L., Chiapello E. (2005) The new spirit of capitalism. *International journal of politics, culture, and society*. Vol. 18: 161–188.
- Calhoun C. (ed.) (1994) *Social Theory and the Politics of Identity*. John Wiley & Sons.
- Chasin A. (2000) *Selling out: The Gay and Lesbian Movement Goes to the Market*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Grenshaw K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*. Vol. 43. No. 6: 1241–1299. DOI: 10.2307/1229039.
- Delgado R., Stefancic J. (eds) (2000) *Critical Race Theory: The Cutting Edge*. Philadelphia: Temple UP.
- Delgado R., Stefancic J. (2001) *Critical race theory: an introduction*. New York: New York University Press.
- Evans G., Tilley J. (2017) *The New Politics of Class. The Political Exclusion of the British Working Class*. Oxford: Oxford University Press.
- Feitz L. (2012) Creating a Multicultural Soul: Avon, Race, and Corporate Responsibility in the 1970s In: Hill L.W., Rabig J. (eds) *The Business of Black Power: Community Development, Capitalism, and Corporate Responsibility in Postwar America*. Rochester: University of Rochester Press.
- Gottschalk P., Smeeding T.M. (1997) Cross-national comparisons of earnings and income inequality. *Journal of economic literature*. Vol. 35. No. 2: 633–687.
- Kaldor M. (1999) *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. Stanford: Stanford University Press.
- Nicholson L. (2008) *Identity before Identity Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pakulski J., Waters M. (1996) *The death of class*. London: Sage.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. Boston: Harvard University Press.
- Savage M. (2000) *Class Analysis and Social Transformation*. Open University Press.
- Savage M. (2015) *Social Class in the 21st Century*. London: Pelican.
- Savage M. et al. (2013) A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment. *Sociology*. Vol. 47. No. 2: 219–250.
- van der Waal J., Achterberg P., Houtman D. (2007) Class is not dead – it has been buried alive: class voting and cultural voting in postwar western societies (1956–1990). *Politics & Society*. Vol. 35. No. 3: 403–426.

Статья поступила: 18.09.23. Финальная версия: 02.11.23. Принята к публикации: 30.11.23.

## TRANSFORMATIONS OF WESTERN SOCIOLOGY: MAINSTREAM AND PUBLIC AGENDA

DANILOVA E.N.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

*Elena N. DANILOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Center of the Studies in Theory and History of Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (endanilova@gmail.com).*

**Abstract.** The article examines several mutually constitutive turns over the past half century in contemporary sociology and in academic debate regarding social inequalities: the constructivist turn and the struggle against essentialism, the concept and theories of identity, identity politics, the “death of class”, the new left agenda and the new oppressed. In critical way, I discuss the link between the current left mainstream in sociology, and the replacement of class politics with non-class, so-called identity politics. The turn was discursively formed in connection with the ideological agenda in the western societies and politics. The role of academic activism in strengthening this connection is quite decisive. Ultimately, it leads to a discussing the ‘old’ question – whether the conceptualizations that represent the sociological mainstream today have crucial and universal significance due to their objective historical or everyday connotations of a certain time, or whether they serve as intellectual guides in the current agenda and ideological narratives that mediate the perception of reality.

**Keywords:** social inequalities, constructivist turn, essentialism, concept of identity, identity politics, “the death of class”, new left agenda, activism-scholarship.

Received: 18.09.23. Final version: 02.11.23. Accepted: 30.11.23.

# Социальная структура. Социальная политика

© 2024 г.

И.Ю. КИСЕЛЕВ, Е.В. МИХАЙЛОВА, А.Г. СМИРНОВА

## УСТАНОВКИ РОССИЯН НА ПОДГОТОВКУ К ВЫХОДУ НА ПЕНСИЮ: СОДЕРЖАНИЕ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

---

КИСЕЛЕВ Игорь Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой (igkisselev@mail.ru); МИХАЙЛОВА Елена Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент (nmev.649@mail.ru); СМИРНОВА Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент (agsmirnova2001@mail.ru). Все – кафедра социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия.

---

**Аннотация.** В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в Ярославской области в апреле – июне 2023 г. Установка на подготовку к выходу на пенсию содержательно интерпретирована в исследовании в соответствии с трехкомпонентной структурой (когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты) на основе базовой переменной «подготовка к пенсии». Ориентация на поиск возрастных сдвигов в содержании таких установок определила дизайн выборки исследования. Методом логического прямоугольника выделено четыре обобщенные установки на подготовку к выходу на пенсию. Доминирующей стала установка на отложенную подготовку к пенсии, которую разделяет большинство опрошенных. Актуализированная установка на подготовку к пенсии, которая подразумевает, что ее представители не только считают целесообразной заблаговременную подготовку к пенсии, но и осуществляют личное планирование в данном направлении, характеризует 13,2% опрошенных. Выявлено влияние возрастного фактора и модальности представлений о жизни на пенсии на содержание исследуемых установок. Приближение срока выхода на пенсию и позитивная модальность представлений о жизни в пенсионный период способствуют формированию актуализированной установки на подготовку к пенсии, в то время как отдаленность выхода на пенсию в жизненной перспективе респондента, а также негативные представления о жизни на пенсии блокируют формирование такой установки.

**Ключевые слова:** установки • подготовка к выходу на пенсию • планирование пенсии • адаптация к жизни на пенсии • факторы формирования установок • образ жизни на пенсии

DOI: 10.31857/50132162524010031

---

Статья подготовлена в рамках внутреннего инициативного проекта (ВИП) ЯрГУ «Трудовые, финансовые, здоровьесберегающие стратегии представителей разных возрастных групп в условиях реформирования пенсионной системы в России» (проект VIP-020).

По состоянию на начало 2023 г. почти четверть населения России (24,5%) – старше трудоспособного возраста<sup>1</sup>. Это стимулирует разработку мер поддержки представителей старшего поколения, которые включают пенсионное обеспечение, содействие их занятости, рост продолжительности здоровой жизни, поддержание социальной активности, освоение информационных технологий. Подобные меры соответствуют идеям концепции активного долголетия и целям социально-экономического развития страны [Рушева, 2022]. Кроме этого, поддержание того же уровня социальной активности, что и до выхода на пенсию, рассматривается как критерий успешности старения [Евсеева, 2020] и соответствует изменениям социологической трактовки понятия «пенсионный возраст» в современном обществе.

Пенсионный возраст устанавливается на основе действующего законодательства, привязан к календарному возрасту человека [Никифоров, 2018] и связан с прекращением трудовой деятельности. Однако в современных условиях наступление пенсионного возраста не означает автоматического прекращения активной социальной и профессионально-трудовой жизни. Его граница «становится флюидной, условно прерывной» [Григорьева, 2022]. Период взаимного отчуждения общества и пожилого человека, исхода его из социума откладывается на более позднее время или не наступает совсем [Евсеева, 2020].

Вместе с тем реализация подобного сценария проживания пенсионного возраста требует усилий со стороны пенсионера. Поддержание высокого уровня социальной активности возможно при условии сохранения востребованности на рынке труда, вовлеченности в общественную деятельность, что, в свою очередь, сопряжено с «инвестициями» в собственное здоровье и образование, освоением новых компетенций. Кроме того, согласно данным опроса ФОМ, возможность жить насыщенной, интенсивной жизнью на пенсии неразрывно связана с финансовой обеспеченностью<sup>2</sup>.

Таким образом, в свете новой социологической концептуализации пенсионного возраста на пенсию не просто «выходят», а готовятся к этому периоду жизни. Такая подготовка приобретает комплексный характер и включает финансовый, трудовой, профессиональный, социальный и другие аспекты. Важным является и эмоциональное отношение к пенсии как к особому периоду жизни, то, каким видится образ жизни на пенсии представителям различных возрастных групп [Ляликова и др., 2023].

Однако россияне зачастую не разделяют установки на активную подготовку к данному периоду жизни. Согласно результатам опроса ВЦИОМ в августе 2022 г., гарантом пенсионного обеспечения для большинства выступает государство (64%)<sup>3</sup>. Вместе с тем можно ожидать, что установки россиян относительно подготовки к выходу на пенсию начнут меняться на фоне продолжающегося реформирования пенсионной системы, предусматривающего активизацию граждан в формировании будущей пенсии<sup>4</sup>.

Отмеченные тенденции и процессы обуславливают актуальность изучения установок россиян относительно подготовки к пенсии – важно исследовать не только их содержательную направленность, но и предполагаемые возрастные сдвиги. Например, попытаться ответить на вопрос: можно ли ожидать от представителей молодежи и среднего

<sup>1</sup> Численность населения Российской Федерации. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 31.08.2023).

<sup>2</sup> Жизнь на пенсии. Скучно или интересно живется на пенсии? Можно ли жить насыщенной жизнью при скромном достатке? Фонд Общественное мнение. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14086> (дата обращения: 31.08.2023).

<sup>3</sup> Ненакопительный эффект, или россияне о пенсионных сбережениях. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyi-ehffekt-iii-rossijane-o-pensionnykh-sberezenijakh> (дата обращения: 27.07.2023).

<sup>4</sup> Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 2524-р. Минтруда России. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/government/174> (дата обращения: 26.07.2023).

возраста более ответственного отношения к собственному благополучию после выхода на пенсию? Исследовательская задача состоит также в анализе интерпретативных подходов к исследованию процесса подготовки к выходу на пенсию, что позволит операционализировать категорию «установка на подготовку к выходу на пенсию» на основе базовых содержательных элементов данного процесса.

**Процесс подготовки к выходу на пенсию: интерпретативные подходы.** В современной социологии отсутствует целостное представление о сущности подготовки к выходу на пенсию. Примеры эмпирических социологических исследований по данной тематике также немногочисленны и связаны преимущественно с изучением финансового планирования при подготовке к выходу на пенсию в России и других странах [Аликперова, Марков, 2022; Лемиш, 2015; Нейф, Богапова, 2015; Цыганов, 2022; Ntalianis, Wise, 2011; Harahap et al., 2022].

В социологии содержание данного процесса раскрывается посредством трех понятий: «адаптация к выходу на пенсию», «планирование пенсии» и «подготовка к выходу на пенсию». Обращение к изучению адаптации к выходу на пенсию объясняется тем, что данный период жизни рассматривается как «трудный биографический переход» [Здравомыслова, 2021], который сопровождается пересмотром социальных ролей в связи с утратой профессионального статуса, изменением социального окружения, сокращением вовлеченности в общественные процессы, уменьшением дохода. Современные ученые характеризуют выход на пенсию как кризисный период, который требует от пенсионера адаптации к происходящим переменам [Никифоров и др., 2018: 92].

Однако термин «адаптация» не отражает в полной мере содержание задач, которые решает человек на этапе подготовки к выходу на пенсию. Адаптация предполагает приспособление к уже сложившимся условиям социальной среды. В свою очередь, подготовка к выходу на пенсию связана с созданием таких условий. Следовательно, она предшествует адаптации. Для обозначения деятельности субъекта по созданию условий для выхода на пенсию в зарубежной литературе часто применяется понятие *планирования выхода на пенсию*, которое понимается как в узком, так и широком смысле. В узком смысле оно предполагает *финансовое планирование*, т.е. управление накоплениями во время трудовой деятельности с целью подготовки к периоду, когда доходы от такой деятельности сократятся или прекратятся совсем [Pant, 2013]. В широком смысле планирование выхода на пенсию включает в себя наряду с финансовым планированием и другие направления подготовки. Например, согласно одному из определений, планирование выхода на пенсию – это целенаправленное осмысление и поведение, способствующие хорошему здоровью, обеспечению финансовой безопасности, возможности вести полноценный образ жизни и выполнять полезные роли после выхода на пенсию» [Noone et al., 2010: 521].

Несмотря на различия в объеме, приведенные понятия имеют схожий смысл. Планирование выхода на пенсию предполагает осознанную, упорядоченную во времени деятельность, которая позволяет получить ожидаемый результат к заранее определенным срокам. Фактически речь идет о целенаправленных практических действиях в области финансового обеспечения будущей пенсии и/или заботы о здоровье, занятости, организации досуга и других сфер жизни человека, которые позволяют поддерживать желаемый уровень и качество жизни после выхода на заслуженный отдых.

Понятие планирования пенсии обладает ограниченной применимостью в условиях современной российской действительности. Наступление пенсионного возраста определено законодательно, размеры пенсий имеют незначительную вариативность несмотря на различия в стаже и в размерах оплаты труда. Кроме того, россияне слабо вовлечены в финансовое планирование пенсионных накоплений. Согласно данным опроса ВЦИОМ, большинство опрошенных не откладывает деньги на пенсию (73%) и рассчитывает получать дополнительный доход к пенсии, продолжая посильную трудовую деятельность

(50%)<sup>5</sup>. Использование расширительной трактовки планирования выхода на пенсию ограничивается тем, что планирование в целом ряде сфер, например, в здоровьесбережении, организации досуга, возможно лишь условно.

Принимая во внимание сказанное, понятие *подготовки к выходу на пенсию* более корректно отражает содержание исследуемого процесса. Проведение подготовки предполагает сбор информации, получение консультативной поддержки, образования, прохождения переобучения на основе обращения субъекта к своему прошлому опыту и осознания своих интересов [Кергу, 2018]. При этом подготовка к выходу на пенсию рассматривается как целенаправленная, однако не всегда систематически осуществляемая деятельность субъекта в профессионально-трудовой, финансовой, здоровьесберегающей областях, направленная на создание условий для успешного прохождения данного этапа жизненного пути. Подготовка к выходу на пенсию предшествует планированию.

Действия по подготовке к выходу на пенсию представляют собой компонент целостной установки. *Установка относительно подготовки к выходу на пенсию* может трактоваться как предрасположенность субъектов к деятельности в профессионально-трудовой, финансовой, здоровьесберегающей и других сферах жизни, направленной на создание условий для жизни на пенсии, при конструировании будущего образа жизни на данном этапе жизненного пути.

Согласно приведенному определению, установка наряду с *поведенческим компонентом*, представленным конкретными действиями по подготовке к выходу на пенсию, содержит когнитивную и аффективную составляющие. *Когнитивный компонент* отражает мнения относительно жизни на пенсии, ожидаемых возможностей и ограничениях в разных сферах жизни. Кроме того, данный компонент содержит знания о возможных направлениях подготовки. *Аффективный компонент* включает в себя отношение к жизни на пенсии, выраженное посредством переживаемых субъектом эмоций и чувств.

**Кто готовится к выходу на пенсию?** Выход на пенсию в России привязан к определенному *возрасту*, именно он выступает основанием для определения субъектов подготовки к выходу на заслуженный отдых. В зарубежных социологических исследованиях в качестве основных таких субъектов рассматриваются индивиды 50 лет и старше [Dennis, Fike, 2012]. Российские исследователи указанных процессов также обращаются преимущественно к индивидам предпенсионного возраста [Никифоров и др., 2018; Лемеш, 2015]. В других исследованиях отправной точкой для финансового предпенсионного планирования является возраст 35 лет [Dua, Rai, 2019]. Имеются примеры исследований, в которых в качестве субъектов подготовки к выходу на пенсию рассматривается молодежь [Аликперова, Марков, 2022].

Акцент на старшей возрастной группе объясняется тем, что именно для нее подготовка к выходу на пенсию – актуальная задача, в то время как для молодежи это – отдаленное событие. По данным ряда исследований [Нуркова и др., 2005], респонденты 18–24 лет не упоминают выход на пенсию среди ожидаемых нормативных событий. Однако в условиях реформирования пенсионной системы в России задача подготовки к нему может оказаться более актуальной для молодых поколений, нежели нынешних предпенсионеров, поскольку их пенсия формируется уже по новым правилам. Таким образом, именно взгляды молодежи относительно жизни на пенсии и подготовки к ней претерпевают изменения и также требуют детального исследования.

Обзор зарубежных исследований позволяет сделать вывод о существовании *гендерных различий* в подготовке к выходу на пенсию: мужчины независимо от возраста лучше планируют финансовые процессы, а женщины – те, которые связаны со здоровьем [Froidevaux et al., 2017]; женщины склонны к тому, чтобы делать сбережения, однако, как

<sup>5</sup> Ненакопительный эффект, или россияне о пенсионных сбережениях. ВЦИОМ. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyy-ehffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezheniyakh> (дата обращения: 27.07.2023).

правило, не принимают инвестиционные решения [Dua, Rai, 2019]. Подготовка к выходу на пенсию имеет специфику у индивидов с разным уровнем образования: образованные люди больше вовлечены в финансовое планирование и заботу о здоровье [Froidevaux et al., 2017]; более заинтересованы в поиске информации о финансовом планировании при подготовке к выходу на пенсию и принимают более взвешенные финансовые решения [Dua, Rai, 2019]. В качестве фактора такой подготовки рассматривается *уровень дохода*: индивиды с высоким уровнем дохода больше вовлечены в финансовое планирование при подготовке к выходу на пенсию [Froidevaux et al., 2017]; склонны к применению сберегающей стратегии, при этом стараются избежать риска при принятии решений и прибегают к долгосрочным инвестициям [Dua, Rai, 2019].

Значимость отмеченных факторов проявляется и в России. Исследователи ВЦИОМ выделяют ряд моделей жизни на пенсии тех, кто еще не достиг пенсионного возраста, и описывают социально-демографические и экономические характеристики респондентов, которые отдали предпочтение тем или иным из них. Сберегательную и инвестиционную модели поведения, предполагающие жизнь на пенсии за счет сбережений и доходов от сдачи недвижимости, реализуют высокообразованные и материально обеспеченные россияне. Трудовую модель как наиболее приемлемую чаще отмечают респонденты со средним образованием и средним уровнем дохода<sup>6</sup> [Киселев и др., 2021]. Особенности проявления описанных закономерностей в современных российских условиях требуют дополнительных исследований. Это вопросы о том, с какого возраста россияне предпочитают начать подготовку к пенсии, существуют ли особенности установок у людей разного возраста, пола, материального достатка, уровня образования. Важным представляется вопрос о том, как связана подготовка к выходу на пенсию с представлениями о жизни в этот период времени.

**Методика исследования.** С целью поиска ответов на поставленные вопросы в Ярославской области в период с 1 апреля по 1 июня 2023 г. сотрудниками кафедры социологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова проведено социологическое исследование методом личного интервью (применялась авторская анкета). Объем выборки составил 652 человека<sup>7</sup>. Выборка – целевая, формируемая в соответствии с принципом равной представленности групп респондентов по полу и возрастным подгруппам (табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по половозрастным группам, чел.

Половозрастные характеристики	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–56 лет (мужчины) 46–51 год (женщины)	57–62 года (мужчины) 52–57 лет (женщины)	Всего
Мужчины	65	66	65	67	59	322
Женщины	66	64	68	66	62	326

Математико-статистическая обработка данных опроса проведена с помощью программы IBM SPSS Statistics 26 посредством составления частотных распределений и таблиц сопряженности с применением описательной статистики, критерия непараметрической статистики  $\chi^2$  Пирсона.

**Содержательная направленность установок относительно подготовки к выходу на пенсию.** Большинство задумывается о подготовке к выходу на пенсию (64,7%); не задумываются о подготовке к данному этапу жизненного пути 35,3%. Различия статистически значимые:  $\chi^2_{(df=1)} = 56,24$ ;  $p = 0,01$ <sup>8</sup>. При этом большинство разделяет убежденность в том, что

<sup>6</sup> Ненакопительный эффект, или россияне о пенсионных сбережениях. ВЦИОМ. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyi-ehffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezhenijakh> (дата обращения: 27.07.2023).

<sup>7</sup> Возраст в анкете указали 648 человек.

<sup>8</sup> С учетом поправки на непрерывность.

подготовку к выходу на пенсию необходимо проводить заранее – 59,5%. Треть (31%) полагает, что заранее готовиться к выходу на пенсию нет никакого смысла; 9,5% опрошенных – затруднились ответить. Различия статистически значимые:  $\chi^2_{(df=2)} = 246,123$ ;  $p < 0,001$ .

Вместе с тем конкретные шаги по планированию жизни на пенсии предпринимает меньшинство – 12,9%. Начинают задумываться о конкретных мерах в области подготовки к пенсии 26,7%. Большинство на момент опроса ничего не планирует в области подготовки к выходу на пенсию (60,4%). Различия статистически значимые:  $\chi^2_{(df=2)} = 232,783$ ;  $p < 0,001$ .

Сочетание ответов на вопросы о том, «имеет ли смысл заранее готовиться к выходу на пенсию?» и «планируете ли вы сейчас свою жизнь на пенсии?», послужило основанием для составления классификации установок относительно подготовки к выходу на пенсию. Ответы сопоставлены с помощью метода логического прямоугольника [Татарова, 1999: 58–72]. Проанализированы все возможные сочетания вариантов ответа на поставленные вопросы. При этом из дальнейшего рассмотрения исключен ответ «затрудняюсь ответить» на первый вопрос и «нет ответа» на второй вопрос, поскольку в данном случае трудно говорить о существовании у респондента определенной установки на подготовку к выходу на пенсию. Доля респондентов с неопределенными установками – 9,7%.

Кроме того, исключены ответы, свидетельствующие о существовании *противоречивых установок* (сочетание ответов «нет, заранее готовиться к пенсии не имеет никакого смысла» и «да, стараюсь все спланировать заранее»). Доля таких респондентов – 0,9%.

На основе оставшихся сочетаний ответов получены четыре обобщенные установки<sup>9</sup> (табл. 2).

Первая установка – «*осуществляют подготовку к выходу на пенсию*» – основывается на убеждении, что к выходу на пенсию необходимо готовиться заранее, и действиях по планированию жизни на пенсии. Подобную установку разделяют 13,2% опрошенных, ее можно определить как «выраженную» или «актуализированную».

Вторая установка – «*задумываются о подготовке к пенсии*» – заключается в том, что респонденты убеждены в целесообразности готовиться к пенсии заранее, но ограничиваются только мыслями о подготовке. Ей следуют 23,3%.

Третья установка – «*отложенная подготовка к выходу на пенсию*» – характерна для относительного большинства опрошенных – 34,4%. Она представлена двумя сочетаниями ответов на анализируемые вопросы. Первое сочетание – убежденность в том, что к пенсии целесообразно готовиться заранее, при отказе от каких бы то ни было действий по

Таблица 2

**Классификация установок респондентов относительно подготовки к выходу на пенсию методом логического прямоугольника**

№	Обобщенные установки на подготовку к пенсии	Есть или нет смысл готовиться к выходу на пенсию заранее?	Планируете ли вы сейчас свою жизнь на пенсии?	%
1	Осуществляют подготовку (выраженная или актуализированная установка)	Да, к выходу на пенсию целесообразно готовиться заранее	Да, стараюсь все спланировать заранее	13,2
2	Задумываются о подготовке	Да, к выходу на пенсию целесообразно готовиться заранее	Начинаю об этом задумываться	23,3
3	Отложенная подготовка	Да, к выходу на пенсию целесообразно готовиться заранее <i>Или</i> Нет, заранее готовиться к пенсии не имеет никакого смысла	Нет, пока не планирую  <i>Или</i> Начинаю об этом задумываться	34,4
4	Отказ от подготовки	Нет, заранее готовиться к пенсии не имеет никакого смысла	Нет, пока не планирую	29,1

<sup>9</sup> На основе ответов 584 респондентов.

подготовке к выходу на пенсию в настоящем. Иначе говоря, респонденты что-то предпримут, но в будущем. Второе сочетание – мнение о том, что заранее готовиться к пенсии не имеет смысла, но человек уже начинает об этом задумываться, хотя и не предпринимает конкретных действий по подготовке. В обоих случаях можно ожидать, что человек рано или поздно предпримет усилия по подготовке к выходу на пенсию. Установку иллюстрируют две паремии, которые респонденты использовали, комментируя свою позицию относительно подготовки к пенсии: «я подумаю об этом завтра» и «предпочитаю жить сегодняшним днем».

Четвертую установку – «отказ от подготовки к выходу на пенсию» – разделяют те, кто полагает, что нет смысла заранее готовиться к данному этапу жизни, и не планирует совершать действия по подготовке. Ей следуют 29,2% респондентов.

Таким образом, большинство опрошенных убеждены, что к выходу на пенсию нужно готовиться, и когда-нибудь они предпримут усилия в этом направлении, однако сейчас необходимости в планировании жизни на этот период времени не видят. Убежденных сторонников к подготовке к жизни на пенсии – меньшинство. Различия статистически значимые:  $\chi^2_{(df=3)} = 57,959$ ;  $p < 0,001$ .

**Факторы формирования установок относительно подготовки к выходу на пенсию.** Приведенный выше обзор результатов исследований позволил предположить, что в качестве факторов формирования установок выступают пол, возраст, образование и материальное положение. Определение установки как включающей когнитивный и аффективный компоненты создает основания для анализа влияния представлений о жизни на пенсии на выбор поведенческой модели подготовки к этому периоду.

Не выявлено влияние *пола* на выбор установки относительно подготовки к выходу на пенсию. Распределение ответов, полученное на выборке в целом, повторяется и у мужчин, и у женщин. Различия не достигают уровня статистической значимости. Имеются различия по *возрасту*. Фактор возраста рассмотрим отдельно для мужчин и женщин (табл. 3).

У мужчин и женщин в возрасте 18–25 и 26–35 лет преобладают установки на отложенную подготовку выхода на пенсию и отказ от подготовки. В возрастной группе 36–45 лет, прежде всего среди женщин, снижается значимость отмеченных установок. При этом начинает расти доля тех, кто задумывается о необходимости подготовки к выходу на пенсию и уже осуществляет его. У мужчин соотношение установок напоминает то, которое наблюдается у молодых респондентов 26–35 лет. У женщин 46–56 лет и у мужчин 46–51 года возрастает доля тех, кто разделяет установку на необходимость подготовки к выходу на пенсию или задумывается о ней.

Среди мужчин и женщин предпенсионного возраста наблюдается самая большая доля тех, кто реализует установку, предполагающую необходимость подготовки к выходу на пенсию. Кроме того, они реже других отказываются от подготовки или откладывают

Таблица 3

**Распределение установок относительно подготовки к выходу на пенсию у мужчин и женщин, по возрастным группам, в %**

Установки	Возраст респондентов											
	мужчины						женщины					
	18–25	26–35	36–45	46–56	57–62	Всего	18–25	26–35	36–45	46–51	52–57	Всего
Осуществляют подготовку	1,7	9,8	9,8	15,3	40,0	14,5	3,3	1,7	8,2	16,4	32,1	12,0
Задумываются о подготовке	13,8	29,5	19,7	37,3	22,0	24,6	18,3	20,3	23,0	27,3	19,6	21,6
Отложенная подготовка	50,0	39,3	39,3	27,1	14,0	34,6	50,0	45,8	31,1	21,8	21,4	34,4
Отказ от подготовки	34,5	21,3	31,1	20,3	24,0	26,3	28,3	32,2	37,7	34,5	26,8	32,0
$\chi^2$ Пирсона	$\chi^2_{(df=12)} = 54,049$ ; $p < 0,001$						$\chi^2_{(df=12)} = 44,149$ ; $p < 0,001$					



ее. Отметим, что в обеих группах доля респондентов, которые готовятся к выходу на пенсию, составляет чуть больше трети опрошенных – 40,0% мужчин и 32,2% женщин. Подавляющее большинство предпенсионеров не готовятся к этому.

Установки различаются у респондентов с разным уровнем образования. Имеющие высшее образование чаще, чем не имеющие его, разделяют установку относительно необходимости готовиться к выходу на пенсию – 16,5 и 10,2% соответственно. Кроме того, респонденты с высшим образованием чаще, чем те, кто его не имеет, задумываются о необходимости такой подготовки – 27,3 и 19,7% соответственно. Таким образом, они реже придерживаются установки, что готовиться к выходу на пенсию нет необходимости (22,3 и 35,1%). Различия статистически значимые:  $\chi^2_{(df=3)} = 16,412$ ;  $p = 0,001$ .

Материальное положение значимо не влияет на выбор установок относительно подготовки к выходу на пенсию. У всех, независимо от уровня материального положения преобладает установка на отложенную подготовку к выходу на пенсию. Исключение составляют респонденты, которые не испытывают материальных затруднений. Среди них преобладают те, кто разделяет установку на отказ от подготовки к выходу на пенсию (36,1%). Различия в частоте выбора установок респондентами с разным уровнем материального положения не достигают уровня статистической значимости.

На выбор установки влияет конструируемый респондентами образ жизни на пенсии. Большинство (50,9%) полагает, что у пенсионеров «есть определенные проблемы, но в целом жизнь вполне сносная». Убеденность в том, что у людей на пенсии «жизнь достаточно благополучная», разделяет меньшинство (15,1%). Однако невелика и доля тех, кто придерживается мнения, что «жизнь у них тяжелая и безрадостная» (17,4%). Отсутствие определенной оценки («трудно сказать, у всех все по-разному») выявлено у 16,6%. Различия статистически значимые:  $\chi^2_{(df=3)} = 233,680$ ;  $p < 0,001$ .

Полученные данные позволяют заключить, что респонденты конструируют *амбивалентный образ жизни на пенсии*, который предполагает, что в это время человека ожидают как положительные события, так и отрицательные, как возможности, так и проблемы<sup>10</sup>. Они связывают преимущества будущей пенсии прежде всего с наличием свободного времени (56,1%), а также с тем, что оно дает возможность уделять время хобби, любимому делу (35,2%), путешествовать, гулять, бывать на природе (35,2%). Кроме того, выход на пенсию ассоциируется с возможностью помогать семье, детям, внукам (32,9%).

Реже всего люди связывают преимущества выхода на заслуженный отдых с получением гарантированного дохода в виде пенсионных и отсутствием необходимости работать (9,2%). Скорее выход на пенсию ассоциируется у большинства со снижением доходов (65,8%), что беспокоит респондентов. При этом будущих пенсионеров редко пугает потеря профессионального статуса (14,1%).

Наряду со снижением доходов в случае выхода на пенсию респондентов тревожат: ухудшение здоровья (46,3%), физическая беспомощность (23,8%) и одиночество, ощущение собственной ненужности и сокращение круга общения (21,8%). Реже всего будущие пенсионеры ожидают неуважения со стороны окружающих (2,9%), т.е. опрошенные не опасаются возможной геронтофобии в обществе.

Амбивалентность образа жизни на пенсии отражена и в тех эмоциях и чувствах, которые люди испытывают, задумываясь о предстоящей пенсии. Она вызывает у россиян широкий спектр эмоций, оставляя равнодушными лишь небольшую долю респондентов (5,5%). Чаще всего это чувства принятия – 32,1%, спокойствия – 31,1% и тревоги – 27,3%. Выход на пенсию ассоциируется также с безысходностью (20,1%) и страхом (20,2%). Реже мысли о пенсии вызывают радость (9,4%) и вдохновение (11,7%). Если суммировать

<sup>10</sup> Заданы вопросы: «Что в перспективе выхода на пенсию и ухода с работы с будущим вас радует?» и «Когда вы представляете свою жизнь на пенсии после ухода с работы, что вас пугает, или по крайней мере, беспокоит?». Респонденты могли выбрать не более трех ответов. Далее в тексте приводится процент наблюдений, рассчитанный путем деления числа ответов на число респондентов.

частоту ответов, обозначающих выбор положительных переживаний (надежда, вдохновение, спокойствие, радость, любопытство, принятие) и отрицательных (страх, отчаяние, тревога, безысходность, тоска), то 53,76% ответов приходится на положительные эмоции и чувства, 43,74% – на отрицательные.

Амбивалентность образа жизни на пенсии, конструируемого респондентами, отражается на их установках по подготовке к выходу на пенсию. Чаще других установку на подготовку к выходу на пенсию разделяют те, кто полагает, что жизнь у пенсионеров достаточно благополучная (19,1%) или сносная, хотя с определенными проблемами (15,7%). У них реже проявляется установка на отказ от подготовки к выходу на пенсию (20 и 27,5%).

Таким образом, ожидание благополучной жизни на пенсии создает мотивацию для подготовки к этому периоду. В свою очередь, убежденные в том, что жизнь на пенсии тяжела и безрадостна, реже других разделяют установку, что к выходу на пенсию нужно готовиться (4,6%). Различия статистически значимые:  $\chi^2_{(df=9)} = 20,584$ ;  $p = 0,015$ . Этот вывод подтверждается данными о связи эмоций и чувств, которые вызывают мысли о предстоящей пенсии, с установками относительно подготовки к ней. Те, кто испытывает положительные эмоции и чувства в связи с ожидаемой пенсией, прежде всего, *надежду, спокойствие, радость, любопытство*, чаще, чем не испытывающие подобных переживаний, разделяют установку на необходимость подготовки к выходу на пенсию. При этом они реже следуют установке на отказ от подготовки. Значение критерия хи-квадрат для комбинации «надежды» с установками на подготовку к пенсии –  $\chi^2_{(df=3)} = 22,223$ ;  $p < 0,001$ ; для «спокойствия»  $\chi^2_{(df=3)} = 9,087$ ;  $p = 0,028$ ; для «радости»  $\chi^2_{(df=3)} = 12,871$ ;  $p = 0,005$ ; для «любопытства»  $\chi^2_{(df=3)} = 9,059$ ;  $p = 0,029$ .

Отметим, что не испытывающие никаких эмоций в связи с выходом на пенсию реже разделяют установку на необходимость готовиться к выходу на пенсию, чем те, что испытывает те или иные эмоции. Они также не задумываются о такой подготовке и чаще предпочитают отказаться от нее,  $\chi^2_{(df=3)} = 15,565$ ;  $p = 0,001$ .

**Заключение.** Несмотря на культивируемый государством запрос на отказ от патернализма в области пенсионного обеспечения и увеличение активности граждан в формировании дохода, поддержании здоровья, профессиональной и социальной сфере после выхода на заслуженный отдых, выраженную установку на подготовку к выходу на пенсию разделяет меньшинство (13,2%). Важным фактором, который определяет направленность установки, выступает возраст. Самая большая доля тех, кто разделяет установку на необходимость такой подготовки, наблюдается среди предпенсионеров. На сегодняшний день только приближающаяся перспектива выхода на пенсию побуждает и мужчин, и женщин начать подготовку к пенсии, ставя ее в ряд первоочередных жизненных задач. Треть опрошенных (34,4%) ориентированы на отложенную подготовку к пенсии. Преобладающее количество такой установки вкпе с существенной долей тех, кто в принципе отрицает целесообразность подготовки (29,1%), вполне ожидаемо в силу таких очевидных причин, как опыт экономических потрясений 1990-х гг., социальная и экономическая турбулентность 2020-х гг., обуславливающие короткий горизонт планирования в современном российском обществе. Но, очевидно, такое положение дел вступает в противоречие с долгосрочными целями государственной пенсионной и социальной политики. Фактически подготовка к выходу на пенсию у большинства совпадает с периодом, на который приходится государственные программы поддержки предпенсионеров в области занятости, заботы о здоровье, в том числе в рамках Федерального проекта «Старшее поколение». Необходимо отметить, что предпенсионеры вряд ли способны осуществить полномасштабную подготовку к выходу на пенсию за отведенные законом пять лет.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аликперова Н.В., Марков Д.И. Как обеспечить будущую старость? Установки и стратегии молодежи // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1(46). С. 154–163. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-154-163.
- Григорьева И.А. Нужен ли в постиндустриальном обществе пенсионный возраст? // Сб. тр. конф. «Жизнь старшего поколения в современном обществе: социокультурные и экономико-демографические аспекты, Москва, 15 марта 2022 г. / Под общ. ред. С.А. Баркова, А.В. Маркеевой. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 34–36. DOI: 10.29003/m2655.978-5-317-06789-2.
- Евсеева Я.В. Теория успешного старения: Современные исследования: Введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2020. № 1. С. 6–13. DOI: 10.31249/rsoc/2020.01.01.
- Здравомыслова Е.А. Позднесоветская социология о старости и гендере: были открытия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 65–91. DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.3.
- Киселев И.Ю., Овчинникова Н.В., Смирнова А.Г., Минь Ю. Траектории занятости предпенсионеров в условиях повышения пенсионного возраста // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 40–49. DOI: 10.31857/S013216250012149-6.
- Лемиш В.В. Подготовка к выходу на пенсию как элемент геронтокультуры // Омский научный вестник. 2015. № 4(141). С. 126–128.
- Ляликова С.В., Назарова И.Б., Карпова В.М. Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 106–117. DOI: 10.31857/S013216250028308-1.
- Нейф Н.М., Богапова М.Р. Стремятся ли граждане обеспечить достойный уровень жизни в старости // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 2 (57). С. 51–57.
- Никифоров Г.С., Водопьянова Н.Е., Гофман О.О. Постановка проблемы психологического обеспечения завершения профессионального пути: теоретический обзор // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 3. С. 86–103.
- Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Автобиографическая память: «сгущения» в субъективной картине мира // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 22–32.
- Рушева А.В. Конкурентоспособность работников старшего поколения // Старшее поколение современной России. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 131–137.
- Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М.: NOTABENE, 1999.
- Цыганов А.А. Пенсионные ожидания жителей России // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 36–42. DOI: 10.31857/S013216250017479-9.
- Dennis H., Fike K. T. Retirement Planning: New Context, Process, Language, and Players // The Oxford Handbook of Work and Aging / Ed. by J.W. Hedge, W.C. Borman. N. Y.: Oxford University Press, 2012. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195385052.013.0159.
- Dua Sh., Rai K. Determinants of Retirement Financial Planning: A review of literature // Journal of The Gujarat Research Society. 2019. Vol. 21. No. 11. P. 182–189.
- Froidevaux A., Baumann I., Maggiori C. et al. Retirement planning: how to deal with different adjustment trajectories? // Career counseling for older people / Ed. by B.-J. Ertelt, M. Scharpf. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017.
- Harahap S., Thoyib A., Sumiati S., Djazuli A. The Impact of Financial Literacy on Retirement Planning with Serial Mediation of Financial Risk Tolerance and Saving Behavior: Evidence of Medium Entrepreneurs in Indonesia // International Journal of Financial Studies. 2022. Vol. 10. No. 66. DOI: 10.3390/ijfs10030066.
- Kerry M. J. Psychological Antecedents of Retirement Planning: A Systematic Review // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. P. 1–17. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01870.
- Noone J. H., Stephens C., Alpass F. The process of RePlanning scale (PRePS): development and validation // Psychological Assessment. 2010. No. 22(3). P. 520–531. DOI: 10.1037/a0019512.
- Ntalianis M., Wise V. The Role of Financial Education on Retirement Planning // Australasian Accounting, Business and Finance Journal. 2011. Vol. 5. No. 2. P. 23–37.
- Pant G. Retirement Planning of Female Faculty Members – An Expense or Saving for the Future // Global Journal of Management and Business Studies. 2013. Vol. 3. No. 5. P. 541–544.

Статья поступила: 06.09.23. Финальная версия: 03.11.23. Принята к публикации: 06.12.23.

## RUSSIANS' ATTITUDES REGARDING PREPARATION FOR RETIREMENT: ITS CONTENT AND FORMATION FACTORS

KISELEV I. Yu.\*, MIKHAILOVA E.V.\*, SMIRNOVA A.G.\*

*Demidov Yaroslavl State University, Russia*

Igor Yu. KISELEV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Chair (igkisselev@mail.ru); Elena V. MIKHAILOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (nmev.649@mail.ru); Anna G. SMIRNOVA, Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. (agsmirnova2001@mail.ru). All – Chair of Sociology, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia.

**Acknowledgements.** The article was prepared within the framework of the internal initiative project (VIP) of Yaroslavl State University “Labor, financial, health-saving strategies of representatives of different age groups in the context of reforming the pension system in Russia” (project VIP-020).

**Abstract.** The article presents the results of empirical study conducted in the Yaroslavl region in April-June 2023. In its content the attitude towards the preparation for retirement is interpreted in the study in accordance with a three-component structure (cognitive, affective and behavioral components) based on the core variable «preparation for retirement». The relevance of the study of attitudes' content, regarding preparation for retirement in various age groups of the population, is substantiated. The orientation towards the search for age-related shifts in the content of such attitudes determined the design of the study sampling.

Using the logical rectangle method, four generalized attitudes regarding the preparation for retirement were identified. The attitude towards the deferred preparation for retirement, which is shared by the relative majority of the respondents, has become the dominant. The actual attitude towards the preparation for retirement, which implies that its supporters do not only consider it expedient to prepare for retirement in advance, but carry out personal planning in this direction as well, characterizes 13.18% of the respondents. The influence of the age factor and the modalities of representations about life in retirement on the content of the attitudes under this study is revealed. The approaching of the retirement date and the positive modality of life representations after the retirement contribute to the formation of the actualized attitude towards preparation for retirement. At the same time, the remoteness of retirement in the life perspective of the respondent, as well as negative representations about life in retirement, block the formation of such attitude.

**Keywords:** attitudes, preparation for retirement, retirement planning, adaptation to life after retirement, factors of attitudes' formation, way of life in retirement.

### REFERENCES

- Alikperova N.V., Markov D.I. (2022) Attitudes and strategies of youth for future old age. *Social'nye i trudovye issledovaniya* [Social and labor research]. No. 3: 154–153. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-154-163. (In Russ.)
- Dennis H., Fike K.T. (2012) Retirement Planning: New Context, Process, Language, and Players In: *The Oxford Handbook of Work and Aging*. Ed. by J.W. Hedge & W.C. Borman. New York, NY: Oxford University Press. DOI:10.1093/oxfordhb/9780195385052.013.0159.
- Dua Sh., Rai K. (2019) Determinants of Retirement Financial Planning: A review of literature. *Journal of The Gujarat Research Society*. Vol. 21. No. 11: 182–189.
- Evseeva Ya.V. (2020) The theory of successful ageing: contemporary studies: Introduction to the thematic section. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11: Sociologiya*. [Social sciences and humanities, domestic and foreign literature. Ser. 11: Sociology]. No. 1: 6–13. DOI: 10.31249/rsoc/2020.01.01. (In Russ.)
- Froidevaux A., Baumann I., Maggiori C. et al. (2017) Retirement planning: how to deal with different adjustment trajectories? In: *Career counseling for older people*. Ed. by B.-J. Ertelt, M. Scharpf. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Grigoryeva I.A. (2022) Does a post-industrial society need a pension age? In: *The elderly generation in the modern society: socio-cultural and economic-demographic aspects. Proceedings of an Intern. scient. conf.* Ed. by S.A. Barkov, A.V. Markeeva. Moscow: MAKS Press: 34–36. DOI: 10.29003/m2655.978-5-317-06789-2. (In Russ.)
- Harahap S., Thoyib A., Sumiati S., Djazuli A. (2022) The Impact of Financial Literacy on Retirement Planning with Serial Mediation of Financial Risk Tolerance and Saving Behavior: Evidence of Medium En-

- trepreneurs in Indonesia. *International Journal of Financial Studies*. Vol. 10. No. 66:???. DOI: 10.3390/ijfs10030066.
- Kerry M.J. (2018) Psychological Antecedents of Retirement Planning: A Systematic Review. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9: 1–17. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01870.
- Kiselev I. Yu., Ovchinnikova N.V., Smirnova A.G., Min You. (2021) Pre-pensioners' employment trajectories under conditions of rising retirement age. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 40–49. DOI: 10.31857/S013216250012149-6.
- Lemish V.V. (2015) Preparation for retirement as element of geriatric culture. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. No. 4(141): 126–128. (In Russ.)
- Lyalikova S.V., Nazarova I.B., Karpova V.M. (2023) Features of perception of elderly people of Russian society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 106–117. DOI:10.31857/S013216250028308–1. (In Russ.)
- Neif N.M., Bogapova M.R. (2015) Do Citizens Seek for Securing a Decent Standard of Living When Old? *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and governance]. No. 2(57): 51–57. (In Russ.)
- Nikiforov G.S., Vodopianova N.E., Gofman O. (2018) Psychological support before and after retirement: A theoretical review. *Organizacionnaya psihologiya* [Organizational Psychology]. Vol. 8. No. 3: 86–103. (In Russ.)
- Noone J.H., Stephens C., Alpass F. (2010) The process of RePlanning scale (PRePS): development and validation. *Psychological Assessment*. No. 22(3): 520–531. DOI: 10.1037/a0019512.
- Ntalianis M., Wise V. (2011) The Role of Financial Education on Retirement Planning. *Australasian Accounting, Business and Finance Journal*. Vol. 5. No. 2: 23–37.
- Pant G. (2013) Retirement Planning of Female Faculty Members – An Expense or Saving for the Future. *Global Journal of Management and Business Studies*. Vol. 3. No. 5: 541–544.
- Rusheva A.V. (2022) Competitiveness of elderly employees. In: *The older generation of modern Russia*. Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University: 131–137. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (1999) *Methodology of data analysis in sociology*. Moscow: NOTABENE. (In Russ.)
- Tsyganov A.A. (2022) Pension expectations and strategies of Russian residents. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 36–42. DOI: 10.31857/S013216250017479-9. (In Russ.)
- Zdravomyslova E.A. (2021) Late Soviet Sociology about Old Age and Gender: There Were Theoretical Insights. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 3: 65–91. DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.3. (In Russ.)

Received: 06.09.23. Final version: 03.11.23. Accepted: 06.12.23.

О.Н. АНТИПИНА, А.Д. КРИВИЦКАЯ

## ДОВЕРИЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИИ

---

АНТИПИНА Ольга Николаевна – доктор экономических наук, профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (antipinaon@my.msu.ru); КРИВИЦКАЯ Анна Дмитриевна – менеджер, ПАО Сбербанк (krivitskaiaanna@gmail.com). Обе – Москва, Россия.

---

**Аннотация.** Рассматривается социальное доверие как один из ключевых элементов в структуре социального капитала. На основе результатов международных и российских исследований раскрывается роль доверия в социально-экономическом развитии общества и его влияние на субъективную удовлетворенность жизнью. Обсуждаются обстоятельства «дефицита доверия» как возможной причины существенного отставания России по уровню счастья от лидирующих по этому показателю стран мира. При проведении эмпирического анализа особое внимание уделяется преодолению проблемы эндогенности, возникающей из-за наличия двухсторонних причинно-следственных связей между доверием и счастьем. С помощью эконометрического моделирования подтверждается гипотеза о значимом положительном влиянии социального доверия на удовлетворенность жизнью в России. Сделан вывод о возможности повышения субъективного благополучия россиян посредством совершенствования институциональной среды через укрепление социального доверия.

**Ключевые слова:** социальный капитал • доверие • субъективное благополучие • счастье • субъективная удовлетворенность жизнью

DOI: 10.31857/S0132162524010042

**Доверие в структуре социального капитала.** В общественных науках доверие рассматривается как один из ключевых элементов социального капитала. Согласно определению Р. Патнэма, в отличие от понятий физического и человеческого капитала – инструментов и результатов обучения, повышающих индивидуальную производительность, – социальный капитал относится к характеристикам социальной организации, таким как сети, нормы и социальное доверие, которые облегчают координацию и сотрудничество для взаимной выгоды [Putnam, 1995]. По определению Ф. Фукуямы, социальный капитал – это специфические неформальные нормы, способствующие сотрудничеству между двумя или более людьми, в основе которых лежит доверие [Fukuyama, 1999]. Европейские ученые выделяют пять составляющих социального капитала: институциональное доверие, социальное доверие, социальные взаимосвязи и волонтерство, гражданское общество и ощущение принадлежности к нему, а также религиозность [Gómez-Balcácer et al., 2022]. Российские исследователи акцентируют внимание на том, что социальный капитал обеспечивает «распространенность норм честности, доверия и кооперации, принятых в обществе/группе/организации» [Аузан и др., 2017: 17], что делает возможным и эффективным взаимодействие индивидов в экономической сфере, а также укрепляет социальные связи.

В зависимости от радиуса социального доверия различают два типа социального капитала – бондинговый и бриджинговый [Аузан, Никишина, 2013]. Бондинговый социальный капитал характеризуется узким радиусом доверия, в пределах которого индивид общается и доверяет только ограниченному числу наиболее похожих на него знакомых людей, в то время как при бриджинговом типе социального капитала индивид формирует социальные взаимосвязи с широким кругом людей, в том числе с менее похожими на него незнакомцами. В новейших исследованиях также рассматривается третий тип

социального капитала – связывающий, к которому относятся взаимодействия индивида с наделенными властью общественными и политическими структурами и доверие к ним [Kyne, Aldrich, 2020].

Для изучения социального доверия, т.е. доверия большинству людей из ближнего и дальнего окружения, используется показатель обобщенного (или генерализированного) доверия, обсуждаемым недостатком которого выступает размытость его смысла и, следовательно, наличие различных толкований в зависимости от культурной, возрастной, религиозной среды. Тем не менее предпочтение этому показателю отдается в силу его универсальности [Алмакаева, 2014; Бахтигараева, Ставинская, 2020], высокой значимости [Majeed, Samgreen, 2021] и удобства работы с накопленными большими массивами данных Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS), Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS), Европейского исследования ценностей (European Values Study, EVS), Евробарометра (Eurobarometer) и других информационных баз<sup>1</sup>.

Результаты исследований показывают, что социальное доверие является одним из необходимых условий для экономического роста, развития предпринимательства, создания новых продуктов и увеличения конкурентоспособности бизнеса [Knack, Keefer 1997; Инглхарт, 2018; Prasetyo et al., 2020]. При этом социальное доверие имеет ценность и для субъективной удовлетворенности жизнью каждого индивида, в которую вносят вклад связи между членами семьи, соседями, коллегами, прихожанами религиозной общины, участниками гражданских ассоциаций, реальными и даже виртуальными друзьями в социальных сетях и мессенджерах в Интернете.

**Влияние доверия на субъективную удовлетворенность жизнью: обзор исследований.** Субъективное благополучие, индивидуальное счастье, субъективная удовлетворенность жизнью – эти термины в социально-экономических исследованиях употребляются как устоявшиеся и взаимозаменяемые, поскольку при анализе индивидуальных оценок восприятия качества жизни они дают в целом непротиворечивые результаты [Антипина, 2017; Кученкова, Татарова, 2019; Helliwell, Putnam, 2004].

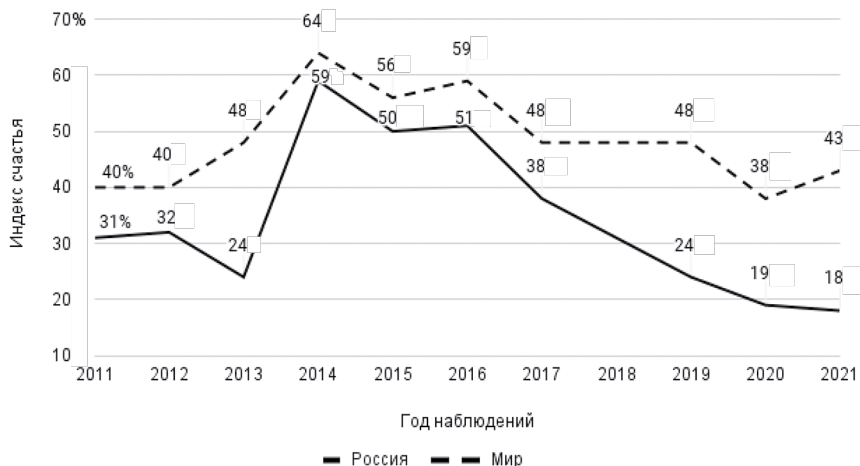
Такие оценки, получаемые в результате опросов (как правило, по предложенной шкале), лежат в основе как национальных индексов счастья<sup>2</sup>, так и международных рейтингов, наиболее известные среди которых – Всемирный доклад о счастье (World Happiness Report), Международный индекс счастья (Happy Planet Index), Индекс лучшей жизни ОЭСР (OECD Better Life Index). Они также содержатся в международных информационных базах (например, Statista)<sup>3</sup>.

Эмпирические работы свидетельствуют, что механизм влияния доверия на удовлетворенность жизнью «работает» через множество каналов: «Брак и семья, связи с друзьями и соседями, связи на рабочем месте, гражданская активность (как индивидуальная, так и коллективная), благонадежность и доверие независимо и прочно связаны со счастьем и удовлетворенностью жизнью как непосредственно, так и через влияние на здоровье» [Helliwell, Putnam, 2004: 1444]. При этом удовлетворенность жизнью выше при сбалансированности бондингового и бриджингового доверия, чем при избытке одного из них [Pugno, Verme, 2012], а позитивный эффект социального доверия на субъективное благополучие устойчиво сохраняется во времени и формирует тренд как на индивидуальном, так и на агрегированном уровне [Glatz, Eder, 2020].

<sup>1</sup> Информация об исследованиях, описание методологии и базы данных доступны на сайтах: <https://www.worldvaluessurvey.org>; <https://www.europeansocialsurvey.org>; <https://europeanvaluesstudy.eu>; <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home>.

<sup>2</sup> В России это, например, Индекс счастья ВЦИОМ, а также оценки уровня счастья россиян, которые осуществляют Фонд Общественное Мнение (ФОМ), исследовательский холдинг «Ромир» и другие исследовательские центры.

<sup>3</sup> Информация об исследованиях, описание методологии и базы данных доступны на сайтах: <https://worldhappiness.report>; <https://happyplanetindex.org>; <https://www.oecdbetterlifeindex.org>; <https://www.statista.com>.



**Рис. 1.** Индекс счастья в России в сравнении со среднемировым индексом счастья в 2011–2021 гг.

Источник: Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1092577/happiness-index-russia/>

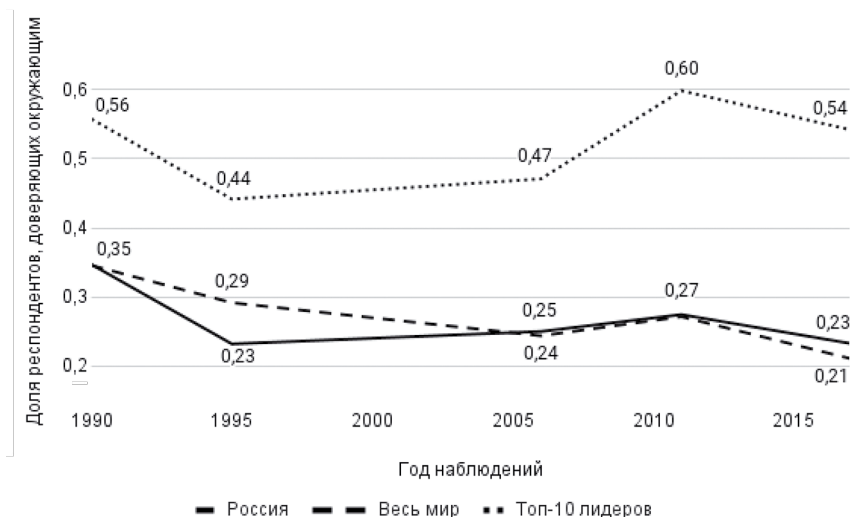
Следует также отметить, что степень влияния на удовлетворенность жизнью неформальных институтов, в том числе базирующихся на доверии норм и правил, – самая высокая в наименее счастливых обществах, в круг которых входят бывшие республики СССР [Peiró-Palomino, Tortosa-Ausina, 2021]. Это повышает актуальность исследования роли социального доверия в удовлетворенности жизнью в России, население которой, по данным исследований, менее счастливо, чем население мира в среднем. Так, индекс счастья, рассчитываемый Statista как разница между долей счастливых и несчастливых людей, в России в 2021 г. составил 18%, упав с 51% в 2016 г. Для сравнения: средний показатель по 44 странам мира в 2021 г. составил 43%, повысившись по сравнению с предыдущим годом (рис. 1). В наиболее часто упоминаемом в научных публикациях рейтинге Всемирного доклада о счастье по количеству баллов, соответствующему субъективным оценкам удовлетворенности жизнью по «лестнице Кантрила»<sup>4</sup>, Россия перемещалась с 49-го места в 2014–2016 гг. на 73-е – в 2017–2019 гг., 80-е – в 2019–2021 гг. и 70-е – в 2020–2022 гг., оставаясь ниже среднего рейтинга стран с сопоставимым уровнем среднедушевого дохода [Helliwell et al., 2017; 2020; 2022; 2023].

Как показало исследование, проведенное в 1997–2017 гг. на основе ежегодных опросов и мониторинга Института социологии РАН, в российской действительности удовлетворенность жизнью в первую очередь зависит от восприятия индивидом своего материального благополучия в целом, в том числе качества питания, одежды, жилищных условий, а также состояния здоровья [Латова, 2017]. Анализ субъективной удовлетворенности жизнью в России на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ<sup>5</sup> за 1994–2019 гг. также обнаружил значимость для уровня удовлетворенности жизнью субъективных характеристик удовлетворенности индивида своим финансовым и профессиональным положением [Антипина, Кривицкая, 2022]. У россиян лишь «по мере повышения уровня жизни на первый план выходят

<sup>4</sup> «Лестница Кантрила» – это методология, в соответствии с которой индивид оценивает свою удовлетворенность качеством жизни в текущий момент по шкале от 0 до 10, где 0 обозначает худший (наименее счастливый), а 10 – лучший (наиболее счастливый) вариант из всех возможных.

<sup>5</sup> Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rims/>





**Рис 2.** Уровень доверия в России в сравнении со средним показателем по миру в целом и по топ-10 странам-лидерам в 1990–2017 гг.

Источник: Всемирное исследование ценностей. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp> (дата обращения: 01.10.2022)

нематериальные обстоятельства, помогающие людям чувствовать себя счастливыми» [Козырева и др., 2015: 120].

Что касается уровня обобщенного доверия, то после его значительного снижения в 1990-е гг., обусловленного распадом накопленного в советский период социального капитала, и последующего лишь частичного и медленного подъема в первой декаде 2000-х гг., Россия стала «средней» – однако очень сильно отстающей от лидеров, – страной по доле одновременно доверяющих и большинству людей, и незнакомцам [Алмакаева, 2014; Кученкова, 2016; Андреевкова, 2018; Бахтигараева, Ставинская, 2020] (рис. 2).

При этом среди россиян, доверяющих большинству людей, среднее значение уровня счастья выше, чем среди тех, кто придерживается противоположного мнения [Козырева и др., 2016]. Наиболее высоким уровнем доверия в России отличаются связи между родственниками и друзьями, они более других важны и для счастья, являясь при любых обстоятельствах «своего рода якорем, позволяющим пережить все жизненные бури» [Латова, 2017: 76]. Далее следуют связи с коллегами. Так, среди работников, полностью доверяющих сослуживцам и руководству, доля считающих себя счастливыми в полтора раза больше, чем среди других занятых [Козырева и др., 2016]. Показатели доверия незнакомцам и межличностного доверия в целом в России самые низкие [Кученкова, 2016].

Однако относиться с осторожностью к полученным в эмпирических исследованиях результатам заставляет проблема эндогенности<sup>6</sup>, проистекающая из наличия двухсторонних причинно-следственных связей между доверием и счастьем. Эта нерешенная проблема – не только главное направление критики, но и «одновременно главный вызов, с которым сталкиваются исследователи» [Аузан и др., 2020: 79] в области социокультурной тематики в целом. Поэтому, исследуя влияние доверия на субъективное благополучие в России, мы предприняли попытку ответа на отмеченный вызов.

<sup>6</sup> Эндогенность – нарушение предпосылки об экзогенности регрессоров вследствие того, что регрессоры и случайные ошибки модели коррелированы.

### Влияние доверия на субъективное благополучие в России: эмпирический анализ.

Целью нашего исследования является проверка гипотезы о положительном влиянии доверия на удовлетворенность жизнью. Потенциальный механизм влияния доверия на удовлетворенность жизнью, который мы проверяем, заключается в том, что высокий уровень социального доверия способствует наращиванию социальных контактов, ощущению безопасности и вовлеченности, что в итоге повышает уровень удовлетворенности жизнью.

Источниками данных стали Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ) и Всемирное исследование ценностей (World Values Survey, WVS).

Для РМЭЗ, масштабного по охвату респондентов (более 400 тыс. наблюдений за все время проведения) лонгитюдного исследования, данные собираются ежегодно по различным субъектам РФ с 1994 г. WVS содержит данные по большинству стран мира за период с 1981 г., в том числе около 10 тыс. наблюдений по России за 5 волн исследования – 1990, 1995, 2006, 2011 и 2017 гг. Оба источника данных имеют свои ограничения, влияющие на наш анализ. Так, РМЭЗ содержит по большей части вопросы экономического, социального и демографического характера, а WVS включает вопросы о ценностях и культуре; в то же время объем данных по России в WVS как по количеству респондентов, так и по количеству волн существенно меньше, чем в РМЭЗ.

Основным методом в нашей работе является эконометрическое моделирование. Панельная структура наборов данных позволяет использовать панельные модели с контролем на год наблюдений. Характер зависимой переменной – уровень удовлетворенности жизнью<sup>7</sup> – обуславливает использование моделей дискретного выбора, в частности – логит модели.

Для того чтобы избежать смещенности<sup>8</sup> оценки при переменной уровня социальной доверия<sup>9</sup> вследствие возможной эндогенности, мы используем двухшаговый метод оценки с применением инструментальных переменных, учитывая эндогенность фактора доверия. В качестве инструментов для оценки доверия рассматривается набор переменных, предложенный в работе [Growiec, Growiec, 2014]: количество детей, религиозность, показатели субъективной оценки положения в обществе (уровня богатства, обладания властью, уважения со стороны окружающих) – для данных РМЭЗ<sup>10</sup>; количество детей, религиозность, интерес к политике, членство в общественных организациях, а также качества в поведении и характере детей, которые индивид считает наиболее важными, для данных WVS<sup>11</sup>.

<sup>7</sup> Вопрос «Насколько вы удовлетворены вашей жизнью в целом в настоящее время?» с ответами по шкале от 1 – «полностью удовлетворены» до 5 – «совсем не удовлетворены» для данных РМЭЗ и аналогично сформулированный вопрос, но с ответами по шкале от 1 – «совсем не удовлетворены» до 10 – «полностью удовлетворены» – для данных WVS.

<sup>8</sup> Свойство несмещенности является одним из ключевых при построении оценки некоторого параметра методами, базирующимися на математической статистике, и означает, что математическое ожидание оценки параметра совпадает с истинным значением параметра, что позволяет делать выводы о причинно-следственной связи на основе полученной оценки.

<sup>9</sup> Вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?» с ответами «большинству людей можно доверять», «в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным» и «и то и другое, в зависимости от человека, условий» для РМЭЗ и аналогичный вопрос с ответами «большинству людей можно доверять» и «необходимо быть очень осторожным» – для WVS.

<sup>10</sup> Вопросы: «Сколько всего у вас детей?», «Каково ваше отношение к религии?» (по обратной шкале от 1 – «очень религиозен» до 5 – «совсем не религиозен»), «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?» (аналогично с «...где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть...» и с «...где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей – те, кого очень уважают...»).

<sup>11</sup> Вопросы: «Сколько всего у вас детей?»; «Как часто вы посещаете религиозные мероприятия?», «Насколько важна религия в вашей жизни?», «Вы религиозный человек?»; «Как часто вы обсуждаете политику с друзьями?», «Насколько политика вас интересует?»; «Для каждой из перечисленных

В упомянутой работе [Growiec, Growiec, 2014] приводятся следующие механизмы влияния: факторы, связанные с фертильностью, положительно влияют на бондинговое доверие благодаря укреплению семейных связей; посещение религиозных мероприятий, а также участие в других общественных организациях оказывают положительное влияние благодаря развитию социальных связей внутри религиозных, профессиональных и других групп; интерес к политике также способствует социальным связям, поскольку политика является одной из самых обсуждаемых тем во многих обществах и, помимо того, включает в себя не только голосование, но и участие в политических организациях и вовлеченность индивида в социально-политическую жизнь общества. Влияние же на доверие тех качеств в поведении детей, которые индивид считает важными, варьируется: если индивид во главу угла ставит социально значимые качества (хорошие манеры, послушание и трудолюбие), то это положительно сказывается на доверии, если же его ценности имеют более индивидуалистский характер (независимость и воображение), то влияние отрицательное. В связи с этим можно предположить, что основной акцент в данном показателе делается не на том, что это касается именно детей, а на ценностях как таковых.

В ходе предобработки данных шкала измерения удовлетворенности жизнью на данных РМЭЗ была приведена к более каноничному варианту: от 1 – «совсем не удовлетворены» до 5 – «полностью удовлетворены», а шкала измерения доверия на данных РМЭЗ была «схлопнута» к двум значениям: 1 – «доверяет» (ответ «большинству людей можно доверять») и 0 – «не доверяет» (ответы «в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным» и «и то и другое, в зависимости от человека, условий»). На первом шаге моделируется зависимость уровня доверия (эндогенная переменная интереса) от инструментальных и контрольных переменных. Используется логит-регрессия, так как переменная уровня доверия является бинарной. На втором шаге моделируется зависимость уровня удовлетворенности жизнью от предсказанных на первом шаге экзогенных значений уровня доверия и контрольных переменных. Используется модель упорядоченного логита, так как зависимая переменная удовлетворенности жизнью дискретная упорядоченная. С целью сопоставления результатов, получаемых с использованием инструментов и без них, также приведены регрессии, в которые вместо значений с первого шага включена первоначальная эндогенная переменная доверия.

Результаты первого шага моделирования приведены в табл. 1 и 2. Для датасета РМЭЗ (табл. 1), в соответствии с предполагаемыми механизмами влияния инструментов на доверие, дети, религиозность и высокий субъективный общественный статус (субъективные оценки уровней обладания властью, уважения со стороны окружающих, богатства) повышают уровень доверия. Для датасета WVS (табл. 2), также в соответствии с описанными выше механизмами, религиозность, интерес к политике, участие в профсоюзах и профессиональных общественных организациях, а также развитие в детях такого качества, как незгоистичность, ассоциированы с более высоким доверием. Остальные инструменты на данных WVS оказались незначимы.

Согласно результатам моделирования второго шага для датасетов РМЭЗ (табл. 3) и WVS (табл. 4), социальное доверие, оцененное без применения инструментов, значимо положительно влияет на уровень удовлетворенности жизнью. При этом социальное доверие, оцененное методом инструментальных переменных, имеет значимый положительный коэффициент только для датасета РМЭЗ, а в случае датасета WVS оно теряет значимость. Возможная причина заключается в относительно небольшом размере выборки WVS. Так, аналогичные модели, построенные на полном объеме выборки WVS без ограничения на страну, дали значимый положительный коэффициент уровня доверия (табл. 5).

---

организаций ответить, являетесь ли вы активным ее членом, бывшим членом или не состоите в ней?»; «Какие из списка качеств, которые семья воспитывают в детях, вы считаете наиболее важными? Выберете не более 5 качеств!».

Таблица 1

## Регрессия первого шага на данных РМЭЗ

Переменная	Оценка коэффициента
Количество детей	0,132*** (0,011)
Религиозность	-0,058*** (0,011)
Субъективная оценка уровня обладания властью	0,099*** (0,008)
Субъективная оценка уровня уважения со стороны окружающих	0,016* (0,007)
Субъективная оценка уровня богатства	0,056*** (0,009)
Количество наблюдений	122 385
Rmse	0,36

Таблица 2

## Регрессия первого шага на данных WVS по России

Переменная	Оценка коэффициента
Религиозность	0,111** (0,041)
Интерес к политике	0,104* (0,041)
Участие в профсоюзах	0,174* (0,080)
Участие в профессиональных общественных организациях	0,445** (0,169)
Развитие качества неэгоистичности в детях	0,275*** (0,077)
Количество наблюдений	8524
Rmse	0,44

Таблица 3

## Регрессия второго шага на данных РМЭЗ

Переменная	Без инструментов	С инструментами
Социальное доверие	0,514*** (0,015)	0,817*** (0,016)
Количество наблюдений	122 385	122 385
Rmse	3,31	3,31

Таблица 4

## Регрессия второго шага на данных WVS по России

Переменная	Без инструментов	С инструментами
Социальное доверие	0,319*** (0,043)	0,084 (0,060)
Количество наблюдений	8524	8524
Rmse	6,15	6,15

Регрессия второго шага на полной выборке WVS

Переменная	Без инструментов	С инструментами
Социальное доверие	0,199*** (0,007)	0,075*** (0,009)
Количество наблюдений	377 904	377 904
Rmse	7,03	7,03

Примечания к таблицам 1–5. В круглых скобках под значением коэффициента приведено значение соответствующей ему стандартной ошибки, значимость коэффициентов отмечена условными обозначениями: “\*\*\*\*” – значимость на уровне 0.1%, “\*\*\*” – значимость на уровне 1%, “\*\*” – значимость на уровне 5%.

В качестве контрольных переменных в регрессии на данных РМЭЗ включены: год проведения исследования, статус населенного пункта, возраст и величина отклонения возраста от среднего<sup>12</sup>, положение индивида по отношению к рынку труда (имеет работу, студент, пенсионер или домохозяйка), пол, семейный статус, образование, бедность или богатство относительно референтной группы, реальный доход.

В качестве контрольных переменных в регрессии на данных WVS включены: год проведения исследования, жизненные ценности (семья, друзья, работа), возраст и величина отклонения возраста от среднего, участие в общественных организациях (спортивных, религиозных, природоохранных), положение индивида по отношению к рынку труда (имеет работу, студент, пенсионер или домохозяйка), пол, семейный статус, образование, субъективная оценка собственного уровня материального достатка.

Учитывая относительно небольшой размер датасета WVS, при интерпретации результатов эмпирического анализа мы в первую очередь ориентируемся на результаты, полученные на датасете РМЭЗ, и таким образом принимаем гипотезу о значимом положительном влиянии обобщенного социального доверия на удовлетворенность жизнью в России.

**Заключение.** Полученные нами результаты встраиваются в широкий контекст международных исследований социального капитала, которые направлены на установление вклада социального доверия как неформального института в субъективные оценки качества жизни. На российских данных они подтверждают вывод о том, что увеличение социального капитала через укрепление социального доверия в масштабах всего общества оказывает однозначно положительное влияние на субъективное благополучие.

С учетом низких позиций России в мировых рейтингах уровня счастья полученные нами результаты, во-первых, могут объяснить существенное отставание от ведущих по этому показателю стран мира через недостаточное качество институциональной среды, в частности низкий уровень социального капитала вследствие «дефицита доверия», во-вторых, наши выводы показывают, что решить задачу повышения уровня счастья россиян можно посредством укрепления социального доверия. Однако при этом необходимо учитывать инертность доверия в сторону повышения и в целом низкую скорость изменений неформальных институтов. Уровень доверия устойчив во времени, но под влиянием негативных внешних шоков он может довольно резко упасть за несколько лет, а накопление доверия происходит медленно, требуя десятилетий.

Отсюда остро встает вопрос о путях и возможностях повышения доверия. Положительную роль может сыграть трансформация неформальных институтов, среди которых базирующиеся на доверии нормы и правила. Несмотря на то что неформальные институты изменяются медленно, ряд эффективных каналов воздействия на них – через

<sup>12</sup> Показатель рассчитывается как логарифм квадрата отклонения возраста респондента от среднего возраста респондентов в выборке в году проведения опроса и позволяет моделировать U-образную кривую зависимости счастья от возраста.

университетское образование [Бахтигараева, Ставинская, 2020], персональные черты характера лидеров в трудовых коллективах [Tran et al., 2020], социальные сети [Hagun, Ahmad, Sabri, 2021], проектирование «промежуточных» институтов для дальнейшего перехода к желаемым институтам [Полтерович, 2016] – обсуждается в научных публикациях.

Одним из ограничений со стороны имеющихся данных, с которым мы столкнулись в силу доступного набора вопросов, а также их наполняемости, стало отсутствие возможности исследования влияния на субъективное благополучие отдельных типов социального капитала – бондингового и бриджингового. В направлении преодоления этого ограничения необходимо развивать дальнейшие исследования, посвященные взаимосвязи социального доверия и индивидуального счастья.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алмакаева А. М. Измерение генерализированного (обобщенного) доверия в кросс-культурных исследованиях // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 32–43.
- Андреенкова А. В. Стабильность и изменения социальных установок россиян и европейцев в 2002–2016 гг. // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 66–76. DOI: 10.31857/S013216250002159-7.
- Антипина О. Экономика, культура и счастье: есть ли взаимосвязь? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 7. С. 35–44. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-35-44.
- Антипина О. Н., Кривицкая А. Д. Экономика и счастье в России: эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 48–67. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-48-67.
- Аузан А. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А. и др. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-75-91.
- Аузан А. А., Никишина Е. Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 48–57.
- Бахтигараева А. И., Ставинская А. А. Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 92–107. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-92-107.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
- Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 120–132.
- Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 66–76.
- Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 26–36.
- Кученкова А. В., Татарова Г. Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43. DOI: 10.31857/S013216250006135-1.
- Латова Н. В. Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997–2017) // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 65–78. DOI: 10.7868/S0132162517120078.
- Полтерович В. М. Институциональные реформы и гражданская культура // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2/2. С. 225–238. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-225-238.
- Социокультурные факторы инновационного развития и успешного внедрения институциональных преобразований. М.: ЦСР, 2017. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/f63/f635b8ff6dbc50dd4160d5142966675c.pdf> (дата обращения: 16.07.2023).
- Fukuyama F. Social Capital and Civil Society // Conference on Second Generation Reforms. IMF Institute and the Fiscal Affairs Department. IMF Headquarters, Washington, D.C. November 8–9, 1999. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm> (дата обращения: 16.07.2023).
- Glatz C., Eder A. Patterns of Trust and Subjective Well-Being Across Europe: New Insights from Repeated Cross-Sectional Analyses Based on the European Social Survey 2002–2016 // Social Indicators Research. 2020. No. 148. P. 417–439. DOI: 10.1007/s11205-019-02212-x.
- Gómez-Balcácer L., Somarriba Arechavala N., Gómez-Costilla P. The Importance of Different Forms of Social Capital for Happiness in Europe: A Multilevel Structural Equation Model (GSEM) // Applied Research Quality Life. 2023. No. 18. P. 601–624. DOI: 10.1007/s11482-022-10097-1.

- Growiec K., *Growiec J.* Trusting Only Whom You Know, Knowing Only Whom You Trust: The Joint Impact of Social Capital and Trust on Happiness in CEE Countries // *Journal of Happiness Studies*. 2014. No. 15. P. 1015–1040. DOI: 10.1007/s10902-013-9461-8.
- Harun R., Ahmad S., Sabri S.M. The Influence of Social Media on Social Capital: Development of Small Business Growth // *Proceedings of the 2nd International Conference on Multi-Disciplinary Research*. 2021. Langkawi, Malaysia. eISBN: 978-967-2963-03-5.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D. (eds) *World Happiness Report 2017*. N. Y.: Sustainable Development Solutions Network, 2017.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D. et al. (eds) *World Happiness Report 2023*. N. Y.: Sustainable Development Solutions Network, 2023.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D., De Neve J-E. (eds). *World Happiness Report 2020*. N. Y.: Sustainable Development Solutions Network, 2020.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D. et al. (eds) *World Happiness Report 2022*. N. Y.: Sustainable Development Solutions Network, 2022.
- Helliwell J.F., Putnam R.D. The Social Context of Well-Being // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2004. No. 359(1449). P. 1435–1446. DOI: 10.1098/rstb.2004.1522.
- Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. No. 112(4). P. 1251–1288.
- Kyne D., Aldrich D.P. Capturing Bonding, Bridging, and Linking Social Capital through Publicly Available Data // *Risk, Hazards & Crisis in Public Policy*. 2020. No. 11(1). P. 61–86. DOI: 10.1002/rhc3.12183.
- Majeed M.T., Samreen I. Social Capital as a Source of Happiness: Evidence from a Cross-Country Analysis // *International Journal of Social Economics*. 2021. No. 48(1). P. 159–179. DOI: 10.1108/IJSE-10-2019-0602.
- Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Formal and Informal Institutions as Drivers of Life Satisfaction in European Regions // *Social Capital and Subjective Well-Being: Insights from Cross-Cultural Studies* / Ed. by A. Almakaeva, A. Moreno, R. Wilke. Cham: Springer. 2021. P. 159–174. DOI: 10.1007/978-3-030-75813-4.
- Prasetyo P.E., Setyadharna A., Kistanti N.R. The Role of Social Capital in New Products Development and Business Competitiveness Enhancement // *International Journal of Scientific & Technology Research*. 2020. No. 9(3). P. 1838–1843.
- Pugno M., Verme P. Life Satisfaction, Social Capital and the Bonding-Bridging Nexus // *The World Bank. Policy Research Working Paper*. 2012. No. 5945. DOI: 10.1596/1813–9450–5945.
- Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. 1995. No. 6(1). P. 65–78.
- Tran D.T., Lee L.Y., Nguyen P.T., Srisittiratkul W. How Leader Characteristics and Leader Member Exchange Lead to Social Capital and Job Performance // *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. 2020. No. 7(1). P. 269–278.

Статья поступила: 01.08.23. Финальная версия: 05.02.24. Принята к публикации: 07.02.24.

## TRUST AS A DETERMINANT OF SUBJECTIVE WELL-BEING IN RUSSIA

ANTIPINA O.N.\*, KRIVITSKAYA A.D.\*\*

\*Lomonosov MSU, Russia; \*\*Sberbank, Russia

---

Olga N. ANTIPINA, *Doc. Sci. (Econ.), Prof., Faculty of Economics, Lomonosov MSU* (antipinao@my.msu.ru);  
Anna D. KRIVITSKAYA, *Manager, Sberbank* (krivitskaiaanna@gmail.com). Both – Moscow, Russia.

---

**Abstract.** The article considers social trust as a key element in the structure of social capital. Based on the results of international and Russian research, the role of trust in socioeconomic development and its impact on subjective life satisfaction is revealed. We discuss the circumstances of the “trust deficit” as a possible reason for Russia’s significant lag behind the leading countries in world happiness ratings. The data sources for our empirical research are the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE) and the World Values Survey. In our empirical analysis, special attention is paid to overcoming the problem of endogeneity, which arises as a result of two-way causal relationships between trust and happiness. The hypothesis of a significant positive effect of generalized social trust on life satisfaction in Russia is confirmed by the results of econometric modelling. Our results fit into the broad context of international studies of the social capital impact on subjective assessments of the quality of life. Based on Russian data, we confirm the conclusion that the impact of increasing social capital on subjective well-being across the whole society is strongly positive. The conclusion of our work concerns the possibility of raising the subjective well-being of Russians by improving informal institutions by means of social trust strengthening.

**Keywords:** social capital, trust, subjective well-being, happiness, subjective life satisfaction.

## REFERENCES

- Almakaeva A.M. (2014) Measuring Generalized Trust in Cross-Cultural Studies. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 32–43. (In Russ.)
- Andreenkova A.V. (2018) Stability and Change in Social Attitudes of Russians and Europeans in 2002–2016s. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 66–76. DOI: 10.31857/S013216250002159-7. (In Russ.)
- Antipina O. (2017) Economy, Culture and Happiness: Is There Interconnection? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 61. No. 7: 35–44. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-35-44. (In Russ.)
- Antipina O.N., Krivitskaya A.D. (2022) Economy and Happiness in Russia: Empirical Analysis. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 8: 48–67. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-48-67. (In Russ.)
- Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A. et al. (2020) Sociocultural Factors in Economics: Milestones and Perspectives. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 7: 75–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-75-91. (In Russ.)
- Auzan A.A., Nikishina E.N. (2013) Economic Dynamics in the Long Run: The Role of Informal Institutions. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [The Russian Journal of Economic Theory]. No. 4: 48–57. (In Russ.)
- Bakhtigaraeva A.I., Stavinskaya A.A. (2020) Can Trust Become a Factor of Economic Growth? Dynamic Changes in the Level of Trust of Russian Youth. *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 7: 92–107. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-92-107. (In Russ.)
- Fukuyama F. (1999) *Social Capital and Civil Society. Conference on Second Generation Reforms*. IMF Institute and the Fiscal Affairs Department. IMF Headquarters, Washington, D.C. November 8–9, URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm> (accessed 16.07.2023).
- Glatz C., Eder A. (2020) Patterns of Trust and Subjective Well-Being Across Europe: New Insights from Repeated Cross-Sectional Analyses Based on the European Social Survey 2002–2016. *Social Indicators Research*. Vol. 148: 417–439. DOI: 10.1007/s11205-019-02212-x.
- Gómez-Balcácer L., Somarriba Arechavala N., Gómez-Costilla P. (2023) The Importance of Different Forms of Social Capital for Happiness in Europe: A Multilevel Structural Equation Model (GSEM). *Applied Research Quality Life*. Vol. 18: 601–624. DOI: 10.1007/s11482-022-10097-1.
- Growiec K., Growiec J. (2014) Trusting Only Whom You Know, Knowing Only Whom You Trust: The Joint Impact of Social Capital and Trust on Happiness in CEE Countries. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 15: 1015–1040. DOI: 10.1007/s10902-013-9461-8.



- Harun R., Ahmad S., Sabri S.M. (2021) The Influence of Social Media on Social Capital: Development of Small Business Growth. In: *Proceedings of the 2nd International Conference on Multi-Disciplinary Research*. Langkawi, Malaysia. EISBN: 978-967-2963-03-5.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D. et al., eds. (2023) *World Happiness Report 2023*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D. et al., eds. (2022) *World Happiness Report 2022*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D., de Neve J-E., eds (2020) *World Happiness Report 2020*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D., eds. (2017) *World Happiness Report 2017*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Helliwell J.F., Putnam R.D. (2004) The Social Context of Well-Being. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 359. No. 1449: 1435–1446. DOI: 10.1098/rstb.2004.1522.
- Inglehart R.F. (2018) *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Knack S., Keefer P. (1997) Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 112. No. 4: 1251–1288.
- Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. (2015) Happiness and its Determinants. Part 1. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 120–132. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. (2016) Happiness and its Determinants. Part. 2. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 66–76. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V. (2016) Interpersonal Trust in Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 26–36. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2019) «Life-cycle Stage» as a Determinant of Personal Subjective Wellbeing. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 30–43. DOI: 10.31857/S013216250006135–1. (In Russ.)
- Kyne D., Aldrich D.P. (2020) Capturing Bonding, Bridging, and Linking Social Capital through Publicly Available Data. *Risk, Hazards & Crisis in Public Policy*. Vol. 11. No. 1: 61–86. DOI: 10.1002/rhc3.12183.
- Latova N.V. (2017) Dynamics and Factors of Life Satisfaction of Russians (1997–2017). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 65–78. DOI: 10.7868/S0132162517120078. (In Russ.)
- Majeed M.T., Samreen I. (2021) Social Capital as a Source of Happiness: Evidence from a Cross-Country Analysis. *International Journal of Social Economics*. Vol. 48. No. 1: 159–179. DOI: 10.1108/IJSE-10-2019-0602.
- Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. (2021) Formal and Informal Institutions as Drivers of Life Satisfaction in European Regions. In: Almakaeva A., Moreno A., Wilke R. (eds) *Social Capital and Subjective Well-Being: Insights from Cross-Cultural Studies*. Cham: Springer: 159–174. DOI: 10.1007/978-3-030-75813-4.
- Polterovich V.M. (2016) Institutional Reforms and Civil Culture. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Ideas]. Vol 8. No. 2/2: 225–238. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-225-238. (In Russ.)
- Prasetyo P.E., Setyadharna A., Kistanti N.R. (2020) The Role of Social Capital in New Products Development and Business Competitiveness Enhancement. *International Journal of Scientific & Technology Research*. Vol. 9. No. 3: 1838–1843.
- Pugno M., Verme P. (2012) Life Satisfaction, Social Capital and the Bonding-Bridging Nexus. *The World Bank. Policy Research Working Paper*. No. 5945. DOI: 10.1596/1813–9450–5945
- Putnam R.D. (1995) Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. Vol. 6. No. 1: 65–78.
- Sociocultural Factors of Innovative Development and Successful Implementation of Institutional Reforms*. (2017) Moscow: CSR. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/f63/f635b8ff6dbc50dd4160d5142966675c.pdf> (accessed 16.07.2023) (In Russ.)
- Tran D.T., Lee L.Y., Nguyen P.T., Srisittiratkul W. (2020) How Leader Characteristics and Leader Member Exchange Lead to Social Capital and Job Performance. *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. Vol. 7. No. 1: 269–278.

М.В. ЗОТОВА, А.С. ЗИНОВЬЕВ

## СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

---

*ЗОТОВА Мария Владимировна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, доцент НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (zotova@igras.ru); ЗИНОВЬЕВ Андрей Станиславович – старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (a.zinoviyev@spbu.ru).*

---

**Аннотация.** В статье приведен сопряженный анализ условий жизни и субъективного благополучия населения Калининградской области, характеризующихся усилением роли границы как разделительного маркера на фоне еще недавно интенсивных трансграничных взаимодействий. Исследование основано на сравнении социально-экономических показателей соседних приграничных районов России, Польши и Литвы с количественными (репрезентативный опрос) и качественными данными (открытые групповые дискуссии и полуструктурированные интервью), полученными авторами в ходе исследований в Калининградской области в 2020–2021 гг. Показано, что субъективное благополучие и сравнение собственного уровня жизни с достигнутым в соседних Польше и Литве определяются социально-экономической поляризацией области и неоднородностью калининградского социума, в том числе различиями в образе жизни, мобильности и активности жителей. Выявлен дисбаланс между относительным материальным благополучием жителей эксклава и их плохим социальным самочувствием, вызванным в том числе неблагоприятным сравнением себя с соседними странами ЕС. Различия через границу оцениваются в первую очередь через призму общего восхищения Европой, зависти благам и комфорту несмотря на то, что большинство респондентов оказываются незнакомыми с реалиями жизни по ту сторону границы. В то же время основными референтами неблагоприятных сравнений становятся не только соседи, но и наиболее обеспеченные успешные группы населения области.

**Ключевые слова:** трансграничные сравнения • восприятие соседей • Калининградская область • Литва • Польша • уровень жизни • субъективное благополучие

DOI: 10.31857/S0132162524010055

Благодаря эксклавному положению Калининградская область на протяжении постсоветского периода отличалась от других российских приграничных регионов характером связей с соседними странами [Плюхин, 2009]. С начала 2000-х гг. регион выделялся более интенсивной динамикой взаимодействий с соседями, в первую очередь с Польшей, благодаря реализации программ приграничного сотрудничества и снижению барьерности границы в результате масштабного действия режима местного приграничного передвижения (МПП)<sup>1</sup>. Регулярные и тесные контакты частично нивелировали периферийное положение приграничных регионов [Пальмовский, Федоров, 2020]. Формирование трансгранично-го российско-польского региона, с одной стороны, способствовало созданию общего

---

Статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ № 20-05-00697 и ГЗ ИГ РАН № «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы», FMWS-2024-0008.

<sup>1</sup> Режим, позволяющий при получении специального разрешения посещать без визы приграничные районы соседнего государства сроком не более 30–60 дней за одну поездку и не более 90 дней за полгода.

пространства взаимодействия, с другой – вынуждало жителей регулярно сравнивать свою жизнь с жизнью соседей.

Граница становится в том числе социально-экономическим разломом, когда восприятие реальности и конструирование идентичности в ходе повседневных социальных практик происходит через систему «инклюзии» и «эксклюзии» [Houtum, Naerssen, 2002]. Оценивая свою жизнь и благополучие, люди часто прибегают к сравнению себя с «другими», в качестве которых, как правило, выступают представители ближайшего социального окружения [Мареева, 2018]. В случае калининградцев в качестве подобных референтов могут выступать жители соседних стран. Оценка своей жизни часто происходит через оценку положения соседей, а жизнь по ту сторону границы – через призму слабых мест собственной. При этом сравнение может происходить автоматически как во время личных контактов в ходе трансграничных практик, так и опосредованно, в процессе восприятия различной информации о соседях, транслируемой СМИ, социальными сетями, а также родственниками или знакомыми, регулярно пересекающими границу. Несоответствие уровня жизни в своей стране представлениям о жизни соседей может стать источником внутреннего диссонанса, затрудняющего и понижающего оценку ощущаемого благополучия.

Цель данного исследования состоит в изучении и сравнении объективных показателей уровня жизни с его субъективным восприятием населением Калининградской области. С одной стороны, сравниваются объективные различия между соседними регионами по основным социально-экономическим характеристикам развития территории и уровня жизни населения. С другой – сделана попытка выявить, насколько объективные контрасты соответствуют представлениям калининградцев о жизни в своем регионе и в соседних странах; насколько восприятие соседей зависит от трансграничных практик, их интенсивности и места проживания. Подобные субъективные оценки во многом определяют общественные настроения и характер идентичности, а также специфику отношения к своей стране и к соседям. Другие факторы, в том числе пол, возраст и образование респондентов не показали никаких закономерностей.

Кроме того, мы опирались на обостренное чувство социальной несправедливости, негативной самооценки и неудовлетворенности калининградцами своей жизнью, названного феноменом «живем хорошо, но чувствуем себя плохо»<sup>2</sup>[Вендина, 2015]. Поэтому одна из задач статьи заключалась в выявлении причин подобных настроений и характера их связи с объективными различиями с соседями.

**Методология и методика исследования.** Несмотря на то что исследования уровня жизни населения и его восприятия актуальны и распространены, до сих пор нет общепризнанной методики оценки. Данное теоретическое поле обширное и междисциплинарное. Самым емким понятием можно считать *благополучие*. Оно включает как условия жизни и материальное положение [Сибирев, Головин, 2020], так и удовлетворенность жизнью, уровень счастья и пр. [Карабчук, Сальникова, 2016]. В связи с этим исследуются не только объективные статистические показатели (например, комплексная оценка уровня жизни), но и субъективные составляющие благополучия (оценки восприятия условий жизни, социальные установки, ценности), либо по отдельности [Żemojtel-Piotrowska, 2017], либо одновременно [Леонтьев, 2020; Алмакаева, 2021]. Для оценки объективной стороны жизни, как правило, используют такие понятия, как уровень жизни, качество жизни, комфортность среды [Дубровская и др., 2022] и др. Под качеством жизни обычно понимают объективную оценку условий жизни человека с точки зрения степени удовлетворенности его потребностей [Савченко, Головина, 2006]. В исследовательской области социальной

---

<sup>2</sup> Исследование социального самочувствия населения в городах Архангельск, Псков и Калининград. Центр социальных измерений «Фокус». 2012. URL: <http://center.ngogarant.ru/Flipbook/files/inc/1329570966.pdf> (дата обращения: 12.12.2022); «Живем хорошо, но чувствуем себя плохо»: что узнали о калининградцах сотрудники РАН. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/23952176-zhivem-khorosho-no-chuvstvuem-sebya-plokho-chto-udalos-uznat-o-kaliningradtsakh-sotrudnikam-ran.html> (дата обращения: 03.03.2023).

географии чаще используется понятие «уровень жизни» и применяется исследователями для оценки региональных различий в достигнутом уровне доходов и обеспеченности населения материальными благами и услугами [Зубаревич, 2003].

В свою очередь субъективную оценку жизни обычно описывают такими понятиями, как субъективное благополучие, социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью, уровень счастья и др. [Вендина, Зиновьев, 2022]. Один из наиболее распространенных методов оценки уровня субъективного благополучия населения в региональном разрезе – расчет различных индексов и рейтингов социального самочувствия, в том числе индекс субъективного благополучия, предложенный Р. Инглхартом [Inglehart, 1990] и основанный на данных социологических опросов<sup>3</sup>. В таких работах анализируется взаимосвязь уровня личного дохода, богатства региона, уровня жизни и субъективного благополучия, а также ощущения субъективного неравенства [Немировская, Соболева, 2020]. Социальное самочувствие зависит не только от уровня неравенства в обществе, но и от того, с какими группами индивид себя сравнивает [Yitzhaki, 1982].

В статье объективная и субъективная сторона жизни населения Калининградской области рассматривается с помощью понятий *уровень жизни* и *субъективное благополучие* как индикаторов, отражающих, с одной стороны, материальную оценку того, насколько хорошо живет людям в области [Вендина, Зиновьев, 2022], а с другой – эмоциональную составляющую самочувствия людей [Carlan, 2009].

Принимая во внимание специфику жизни в эксклавному регионе, зависимость уровня жизни и субъективного благополучия определяется географическим положением населенного пункта (близости к границе) и трансграничного опыта индивидов. В ходе исследования было выдвинуто три гипотезы, объясняющие специфику негативного восприятия местным сообществом своего благополучия:

- 1) уровень социально-экономического развития и жизни населения калининградцев существенно уступает соседним регионам;
- 2) населению эксклава присуща низкая субъективная оценка своего места жизни и благополучия и высокие миграционные установки;
- 3) область характеризуется высокой внутренней дифференциацией по уровню развития, а население – по образу жизни.

Для последовательного рассмотрения обозначенных выше гипотез были собраны и сопоставлены официальные социально-экономические показатели, характеризующие развитие муниципальных образований Калининградской области, приграничных воеводств Польши (Варминьско-Мазурского и Поморского) и приграничных уездов Литвы (Клайпедского, Мариямпольского и Таурагского). Для изучения субъективного благополучия использовались данные социологического опроса, проведенного в рамках проекта РФФИ<sup>4</sup>. При составлении опросника использованы методики, разработанные в рамках международных сравнительных исследований WVS и European Social Survey (ESS). Методика оценки субъективного уровня жизни, используемая многими авторами (напр., [Алмакаева, 2021]), была дополнена такими показателями, как восприятие доступности потребительских товаров

<sup>3</sup> World Values Survey (WVS) или Всемирное исследование ценностей – социологический проект, направленный на изучение ценностей и их воздействия на социальную и культурную жизнь, организованный с 1981 г. социологом Р. Инглхартом. Информация об методологии и результатах опросов доступна на интернет-сайте: [worldvaluessurvey.org](http://worldvaluessurvey.org).

<sup>4</sup> Репрезентативный опрос, проведенный авторами в ходе проекта РФФИ № 20-05-00697 при содействии агентства «КМГ» в 2020 г. Опрос проводился методом личных интервью по месту жительства. Опрошены жители Калининградской области старше 18 лет, постоянно проживающие на территории региона (N = 1000). Репрезентативность выборки обеспечивалась трехступенчатым отбором респондентов в соответствии со структурой генеральной совокупности населения. Контролировались пол, возраст и уровень образования. Было опрошено 475 жителей Калининграда, 308 – городов области и 217 – сельских населенных пунктов. Доверительная точность данных составила 95% при ошибке выборки 2,84%.

и жилья, уровня оплаты труда, экологической обстановки<sup>5</sup>. К количественным данным были добавлены качественные исследования: серия открытых групповых дискуссий (ОГД)<sup>6</sup> и полуструктурированных интервью с калининградскими экспертами<sup>7</sup>.

**Социально-экономические контрасты.** Юго-восточное побережье Балтики представляет собой единый полицентричный ареал, объединенный не только общей историей и географией, но и сходством многих демографических, социально-экономических процессов, при этом физически и символически разделенный государственными границами. Региональные центры и их пригороды выделяются миграционной привлекательностью, положительной динамикой численности населения, более высокими доходами, активным строительством жилья, а периферийные и сельские районы – депопуляцией, сравнительной бедностью и низким уровнем предпринимательской активности (рис. 1). Наиболее сильным экономическим и демографическим фокусом оси «Гданьск – Калининград – Клайпеда» является агломерация Гданьска, которая концентрирует более миллиона человек и открывает множество возможностей, характерных для крупных урбанизированных территорий.

Размер заработков по ППС (по данным на 2019 г.)<sup>8,9</sup> в Калининграде, Светлом и Янтарном, характеризующихся положительной экономической динамикой за счет стабильно работающих предприятий, соответствует периферийным, относительно слабым в экономическом отношении приграничным литовским муниципалитетам, но уступает соседним региональным центрам (Клайпеда, Гданьск) (рис. 1в). В то же время душевые показатели ввода жилья заметно выше в приморских курортных муниципалитетах российского эксклава (рис. 1г).

Однако события последних лет: введение европейских санкций в 2014 г., прекращение действия режима МПП в 2016 г. и эпидемические ограничения в 2020–2021 гг. оказали негативное влияние на все юго-восточное побережье Балтики. В первую очередь они отразились на секторе услуг приграничных районов Польши, которые были ориентированы на спрос со стороны жителей Калининградской области. Разрыв контактов и сокращение числа российских покупателей создали дополнительные трудности для местных экономик.

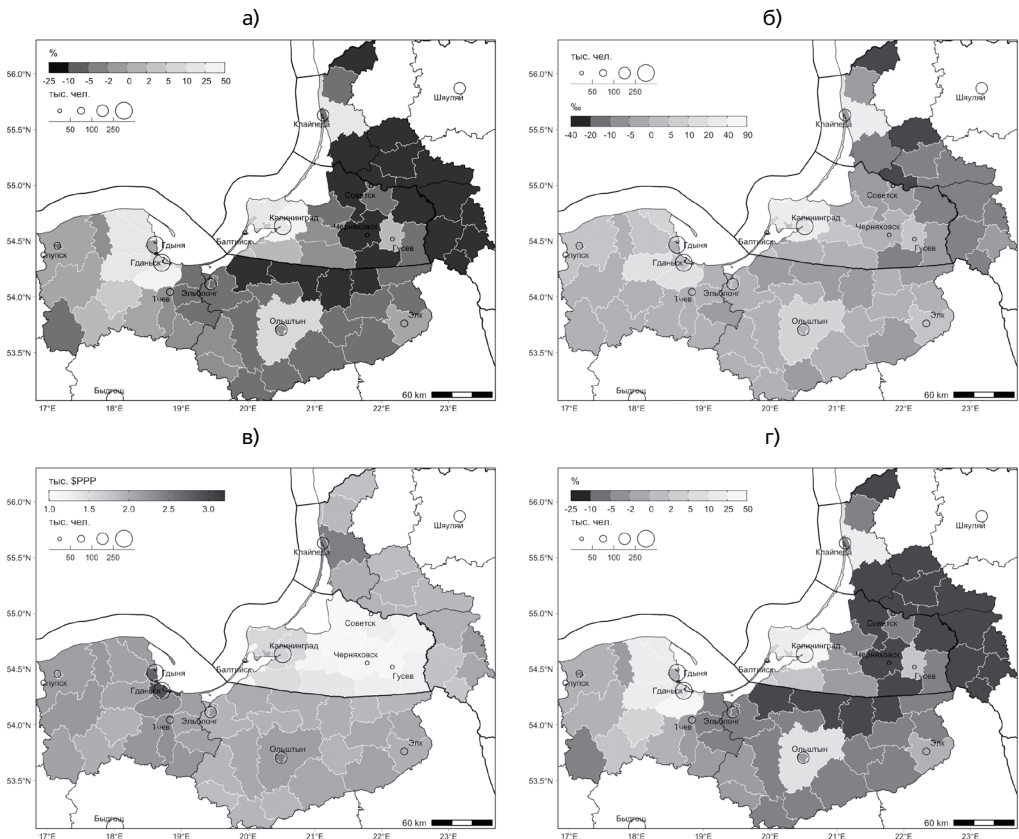
<sup>5</sup> Итоговая оценка уровня жизни в населенном пункте проводилась по следующему перечню характеристик: комфортность среды, качество и доступность медицинских и образовательных услуг, возможность культурного отдыха, доступность цен на потребительские товары и жилье, возможность трудоустройства, уровень оплаты труда, экологическая обстановка.

<sup>6</sup> В 2021 г. в ключевых городах области (Калининграде, Зеленоградске, Советске, Черняховске, Нестерове, Мамоново, Гусеве и Гурьевске) при участии социологов агентства «КМГ» и А. Левинсона авторами была проведена серия из 10 открытых групповых дискуссий (ОГД). Количество групп в каждом населенном пункте варьировалось в зависимости от численности населения и специализации города. Респонденты рекрутировались методом «снежного кома». Фокус-группы были проведены: в Калининграде с представителями 1) поколения «миллениалов» (25–35 лет), 2) поколения «застоя» (45–55 лет), 3) предпринимателями и 4) работниками бюджетной сферы); в курортном Зеленоградске с 1) уроженцами города и старожилами и 2) новоселами, приехавшими в город из других регионов страны не более 10 лет назад; в Советске, расположенном на границе с Литвой, с 1) занятыми в местной промышленности и 2) местной интеллигенцией, работниками сферы культуры и образования; в Черняховске с профессиональными военными и в Нестерове с местными жителями. Все респонденты представляли экономически активную часть населения в возрасте 25–55 лет.

<sup>7</sup> В ходе полевых исследований летом 2020 и 2021 гг. авторами было проведено более 40 полуструктурированных интервью с журналистами, социологами, гражданскими активистами, предпринимателями, сотрудниками государственных и общественных организаций Калининградской области.

<sup>8</sup> В связи с тем, что, во-первых, опрос населения области был проведен осенью 2020 г., во-вторых, события 2020–2022 гг. значительно искажают общую картину, для анализа использовались данные 2019 г.

<sup>9</sup> Существует дефицит данных для проведения международных сравнений, связанный как с существенными ограничениями российской муниципальной статистики, так и со сложностью подбора сопоставимых индикаторов сразу для трех стран. Поэтому для анализа использовались данные по уровню оплаты труда, скорректированные на паритет покупательной способности (ППС), т.е. соотношение двух валют, основанное на ценах на аналогичные товары этих стран.



**Рис. 1.** а) Изменение численности населения за 2011–2021 гг., %; б) Коэффициент миграционного прироста (среднее за 2016–2021 гг.), %; в) среднемесячная заработная плата, долл. по ППС (2019 г.); г) строительство жилья, м<sup>2</sup>/чел. (2018 г.)

*Источник:* Statistics Lithuania, Statistics Poland, Калининградстат. Карты выполнены А.В. Шелудковым по материалам авторов.

Сохранение межстрановых градиентов социально-экономического развития смягчается заметными различиями в стоимости жизни по разные стороны границы. Сравнение цен на базовые товары и услуги на основе данных портала Numbeo<sup>10</sup> показывает, что некоторые продукты питания (молоко, сыр, яблоки, помидоры), одежда и обувь оказываются дешевле в приграничных муниципалитетах Польши, а сигареты, бензин, напитки в кафе, а также хлеб, яйца, мясо и некоторые овощи – в Калининградской области. Калининградцы также существенно меньше тратят на оплату коммунальных услуг, сотовой связи, Интернета, транспортных и образовательных услуг, аренду жилья.

Ценовые различия между Калининградом и соседними уездами Литвы оказываются более значительными, так как после перехода страны на евро цены на большинство товаров выросли примерно на 30%. В приграничных польских муниципалитетах оказываются дешевле только отдельные товары и услуги, которые и пользовались особым спросом

<sup>10</sup> В связи с ограниченностью доступных для международных сравнений данных и нерелевантности показателей с поправкой на ППС для муниципального уровня мы вынуждены использовать также косвенные методы оценки, такие как сравнение базовых цен на товары и услуги, например, на портале Numbeo. Cost of living: URL: <https://www.numbeo.com/cost-of-living/> (дата обращения: 22.04.2023).

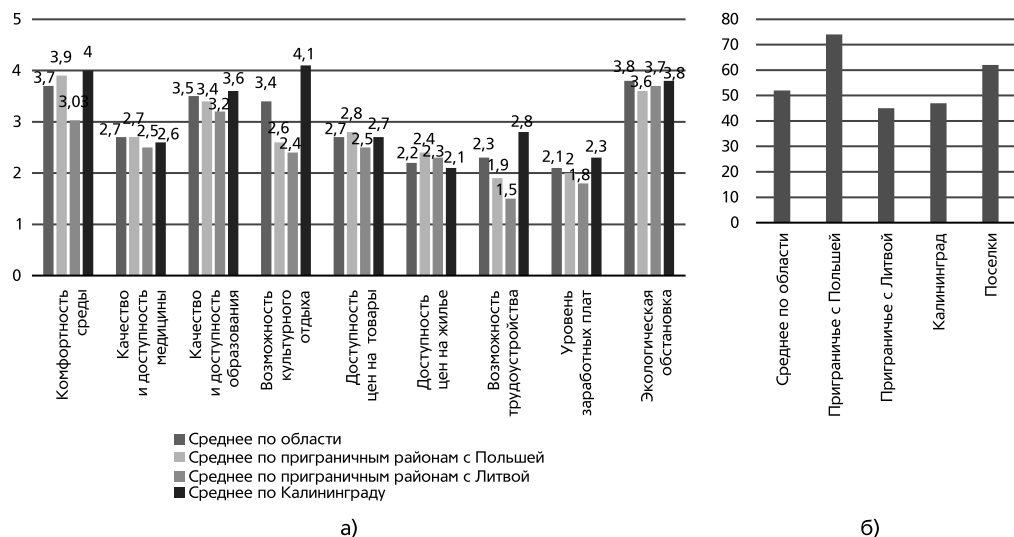


Рис. 2. Индексы субъективного уровня жизни\* (а) и благополучия\*\* (б) по разным типам населенных пунктов Калининградской области

*Примечания.* \* Для каждой группы регионов рассчитывалось взвешенное среднее исходя из оценки респондентов каждой характеристики по 5-бальной шкале от 1 (очень плохое) до 5 (очень хорошее). \*\* Индекс строился на основе ответов респондентов на вопрос: «В жизни бывает всякое: и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, вы счастливы или нет?» Рассчитывается как разница суммы положительных ответов («определенно да», «скорее да») и отрицательных ответов («скорее нет», «определенно нет»). Индекс измерялся в населенных пунктах и мог колебаться в диапазоне от -100 до 100. Чем выше значение индекса, тем счастливее опрошенные себя ощущают.

среди калининградцев. Стоимость жизни в Калининграде в целом оказывается чуть ниже, чем в соседних центрах Польши и Литвы. Анализ данных портала в начале 2023 г. показал, что тенденция в целом сохранилась. Таким образом, различия в уровне жизни населения хотя и есть, но они не фундаментальны, особенно принимая во внимание более низкую стоимость жизни в эксклаве по сравнению с Литвой и Польшей.

**Субъективная оценка уровня жизни и благополучия.** Жители Калининградской области в целом довольно высоко оценивают комфортность среды, экологическую обстановку, доступность образовательных услуг и возможности культурного отдыха в месте проживания (рис. 2а). Региональный центр выгодно отличается от других городов и районов региона. В региональной столице заметно выше оценка комфортности среды проживания, возможностей для культурного отдыха и трудоустройства, а также уровня оплаты труда. Калининградцы чуть больше удовлетворены жизнью (среднее значение<sup>11</sup> = 7,09), имея возможность пользоваться преимуществами плотной и разнообразной городской среды. В меньшей степени удовлетворено уровнем жизни население приграничных с Литвой районов (среднее значение = 6,00), что связано со стагнацией и большим запустением приграничных городов на северо-востоке области: Советска, Славска, Ясно-го, Нестерова, Краснознаменска и др. Особенно недовольны жители уровнем развития рынка труда, медицинских услуг, возможностями культурного отдыха.

<sup>11</sup> Для каждой группы районов индекс субъективного уровня жизни рассчитывался как взвешенное среднее значение ответа на вопрос: «Удовлетворены ли вы положением дел в вашем населенном пункте состоянием инфраструктуры, работой предприятий, уровнем жизни населения?», исходя из оценки респондентов по 10-бальной шкале от 0 (совершенно не удовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен).

При этом уровень счастья, отражающий субъективное благополучие населения, как правило, не имеет прямой связи с реальным экономическим положением<sup>12</sup>. Более чем для 70% опрошенных наиболее важными сторонами жизни является душевное спокойствие, состояние здоровья и ощущение безопасности. Представления о счастье в значительной степени определяются высокой значимостью семейных ценностей, жизнью в кругу близких и друзей, ощущением стабильности и уверенностью в завтрашнем дне, привязанностью к «малой родине», взаимопомощью и уважением окружающих. Более счастливыми себя ощущают жители поселков и небольших городов, в том числе расположенных у границы с Польшей (рис. 2б). Повседневные заботы и семейные ценности приводят к довольно позитивным оценкам калининградцами своего места жизни (подробнее см. [Вендина, Зиновьев, 2022]). Так, 87% опрошенных не планируют менять место жительства и переезжать из области в ближайшие два года. Таким образом, для калининградского сообщества характерна довольно высокая субъективная оценка своего места жизни и собственного благополучия, а также низкие миграционные установки.

**Высокая внутренняя дифференциация эксклава.** С одной стороны, восприятие уровня жизни определяется внутренней пространственной неравномерностью развития Калининградской области. Многочисленные исследования отмечали центр-периферийный градиент в развитии эксклава, выраженный в пространственной дихотомии «запад-восток» [Кузнецова, Сибирева, 2020]. Западные районы сформировали «пространство потоков», воспользовавшись выгодным приморским ЭГП и близостью к областному центру. С другой стороны, данные о трансграничной активности и мобильности людей говорят о высокой степени дифференциации калининградского сообщества. Так, по мнению наиболее активных граждан, близость области к странам Европы давала возможность жителям часто путешествовать. Регулярно выезжающие за границу люди распространяли свое представление на значительную часть калининградского сообщества и были уверены, что большая часть населения области имеет заграничный паспорт, и делали вывод о гипертрофированной мобильности калининградцев: *«Вообще, 85% жителей Калининградской области имеют заграничные паспорта. Примерно от этого процента 70% имеют шенгенские визы. Кто раз хотя бы имел шенгенскую визу, тот раз выезжал за границу. Здесь ездят очень постоянно»* (муж., сотрудник БФУ им. Канта, 45 лет, Калининград).

Однако такой распространённый в местном сообществе нарратив о тесных связях с европейскими странами и подвижности населения идет вразрез опросам и статистическим данным. Исследования показывают, что в интенсивные трансграничные обмены вовлечена лишь небольшая доля населения региона (не более 16–25% по разным оценкам) [Себенцов, Зотова, 2018]. По данным опроса, проведенного авторами в 2020 г., только у 21% респондентов имелась действующая шенгенская виза, 50% – никогда не выезжали за границу, 58% – никак не почувствовали отмену МПП, поскольку либо не ездили в Польшу (46%), либо ничего о нем не знали (12%). Чуть более мобильны жители Калининграда и ряда городов области с положительной экономической динамикой (Гурьевска, Янтарного, Светлого), 40% которых до пандемии бывали за границей несколько раз в месяц. Менее мобильны – жители стагнирующей периферии, в том числе приграничных районов (Нестеровского, Неманского, Черняховского, Гусевского, Советского и др.), где более 60% людей никогда не выезжали за рубеж. Однако при общей невысокой мобильности населения не реже нескольких раз в месяц бывали за границей 10% жителей приграничных с Польшей районов, что заметно выше, чем в других районах области и даже в Калининграде. При этом социальный портрет часто пересекавших границу граждан существенно различался.

<sup>12</sup> Индекс счастья. ВЦИОМ (URL: [https://wciom.ru/news/ratings/indeks\\_schastyia](https://wciom.ru/news/ratings/indeks_schastyia)) (дата обращения: 22.07.2022).



Таблица

**Частота поездок за границу в зависимости от материального положения  
семьи респондентов, 2020 г., в %**

	Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	Деньг хватает на продукты и на одежду, но вот покупка вещей длительного пользования	Мы можем без труда приобрести вещи длительного пользования	Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – квартиру, дачу и другое	Затруднились ответить/отказ	Итого
Бывал несколько раз в месяц	1,5	10,3	36,7	45,6	5,9	0	100
Не реже 1 раза в полгода	1,1	7,2	37,0	47,5	5,5	1,7	100
1 раз в год	3,6	8,1	42,3	37,9	3,6	4,5	100
1 раз в несколько лет	6,1	12,9	40,9	33,3	1,5	5,3	100
Не приходилось выезжать за границу	5,8	17,2	47,1	27,1	1,6	1,2	100
Затруднились ответить / отказ	22,2	11,1	33,4	11,1	0	22,2	100

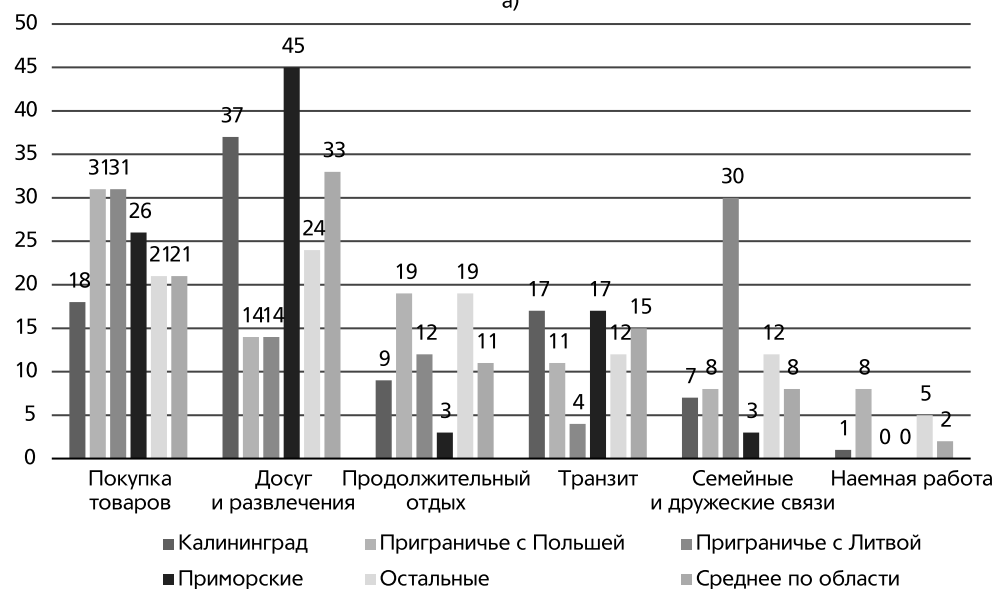
В области можно выделить две группы жителей, для которых поездки за рубеж, в первую очередь в Польшу, были важной составляющей повседневной жизни (проведение досуга, шопинга и т.д.). Первая – более обеспеченные граждане (табл. 1). Вторая – представлена менее обеспеченными жителями, значительная доля доходов которых формировалась за счет теневой трансграничной торговли и контрабанды, т.е. основная цель поездок – покупка товаров (в т.ч. для перепродажи) (рис. 3). Таким образом, мотивы трансграничной активности двух наиболее мобильных групп варьируются от стремлений к разнообразию и развлечениям до «выживания». При этом первая группа выступает негласным референтом для всех остальных при оценке субъективного благополучия, поведенческих практик и стандартов потребления.

Кроме того, само восприятие соседей у каждой из этих групп калининградского социума заметно различается. Люди, которые никогда не были в соседних странах, воспринимают жизнь соседей исходя из стереотипов и предположений. Например, более 90% уверенных, что в Калининградской области экономическое положение значительно лучше, чем в Польше и Литве, ни разу там не были. Более половины полагающих, что экономика российского эксклава хуже, чем в соседних странах, имеют реальный опыт знакомства с ними. При этом около 40% опрошенных не смогли сравнить экономическое положение эксклава и соседних стран, а около 60% затруднились дать ответ. Высокий удельный вес затруднившихся ответить свидетельствует, что жители области в целом мало знакомы с приграничными районами соседних стран. Согласно опросам, выше степень знакомства с соседними странами у жителей региональной столицы, чаще выезжавших туда, что было подтверждено и в ходе интервью.

Принимая во внимание распространенность нарратива о благополучии соседей, продвигаемого местными жителями, часто пересекавшими границу, восприятие жизни за границей формировалось в первую очередь через призму оценки достатка, комфорта проживания и имеющихся возможностей трудоустройства. Объяснительная схема фактически построена на традиционной ассоциации Европы с богатством и высоким уровнем комфорта [Kolosov, Zotova, 2013]. Вхождение Литвы и Польши в Евросоюз автоматически,



а)



б)

Рис. 3. Основная цель поездок жителей разных районов Калининградской области в а) Польшу и б) Литву (2020 г., % от числа тех, кому приходилось бывать в этих странах)

в понимании калининградцев, распространило на местных жителей европейские блага и возможности. В ходе рассуждений о жизни в Литве в рамках ОГД жители Советска говорили о более высоком уровне жизни в Европе в целом, под которым понимается психологический комфорт и спокойствие, уверенность в завтрашнем дне, высокий уровень доходов, доступность отдыха, обеспеченность качественными услугами: «Европа одетая,

более достаток. На психологическом уровне. Уровень жизни у них все равно выше, чем наш /.../ Более доступен отдых какой-то, даже та же самая медицина, все остальное. Человек может себе позволить больше /.../ У них доступнее, они работают за границей, получают больше денег, могут себе позволить на отдых, на себя потратить. У них достаток, они не переживают, будет работа, не будет работы» (2021 г., ОГД, Советск, рабочие).

Рассуждая на тему, кто в большей степени является европейцем, часть респондентов, в первую очередь жители периферийных приграничных городов, отмечала, что к таковым скорее можно отнести москвичей, чем калининградцев или петербуржцев. За подобным выбором очевидно стоит связь европейскости с богатством и широкими возможностями. Такая позиция объясняется спецификой их ценностных представлений, а именно концентрацией на материальных ценностях и «выживании», и связана с периферийностью, неустроенностью и ощущением заброшенности [Вендина, Зиновьев, 2022]. Сами респонденты не считают себя европейцами: «Мы не имеем доступ к Европе /.../ Ну, наверно до этого <европейского> уровня мы не дотягиваем, особенно наш Советск. Может в других, конечно, городах не лучше, вот мелких таких, но наш Советск пришел в упадок» (2021 г., ОГД, Советск, рабочие).

У второй группы респондентов, преимущественно жителей региональной столицы, европейскость связана скорее с уровнем культуры и культурными ценностями, толерантностью, поддержанием чистоты и благоустройством окружающей территории, качеством инфраструктуры. Согласно этим параметрам, их можно отнести к европейцам: «Я так считаю, да. Мы европейцы. // Мне кажется, что у нас более культурные люди. Соблюдение вот этих традиций, обустройство приусадебного участка, палисадника, клумбочки. // Мне кажется, еще перенимаемое, именно сортировка мусора. То, что у нас в Калининграде очень чисто, что за этим всем смотрят, убирают. В Европе они так же за этим следят» (2021 г., ОГД, Калининград, бюджетники, 30–50 лет).

Наконец, третья группа относилась калининградцев к Европе географически, обосновывая свое мнение близостью области к странам Евросоюза и возможностями погружения в европейскую среду, отказывая им в европейскости ментально, в том числе ссылаясь на низкий уровень развития гражданского общества и инициативного участия в защите своих прав и свобод: «По менталитету абсолютно нет /.../ Географически частично /.../ Ну, чисто по внутренним ощущениям, ну, россиянин, как отдельная какая-то» (2021 г., ОГД, Калининград, молодежь, 25–35 лет, 05.08.2021).

Субъективные оценки благополучия и его сравнение с соседями определяются характером повседневных и локальных проблем, представлений и ощущений людей. Участники ОГД, имеющие богатый опыт жизни или работы по ту сторону границы, более глубокий, чем полученный в ходе поездок за покупками и проведением досуга, критичнее смотрят на положение соседей: «Я считаю, что ему <жителю Литвы> живется так же. Просто он подстраивается под свои какие-то определенные моменты. У каждого есть свои какие-то рамки /.../ У них тоже свои трудности. Как бы сейчас он больше думает, уже волос не осталось. Потому что у них сейчас тоже проблем очень много. И народ, я бы не сказала, живет лучше. Кто-то да, живет хорошо, кто-то вышел, вот, допустим, с какими мы общались, у них очень большие трудности...» (ОГД, Советск, рабочие, 10.08.2021).

**Заключение.** Авторами была поставлена задача выявить характер существующих различий в достигнутом уровне жизни с соседями и субъективном благополучии населения Калининградской области.

Структура рассматриваемого в статье приграничья отличается сильной внутренней дифференциацией, а также проблемы доступности и сопоставимости муниципальной статистики усложняют прямые сопоставления уровня экономического развития и уровня жизни между соседями. Развитие крупных центров Польши и Литвы (Трехградья, Клайпеды) опережает Калининград, который, в свою очередь, сопоставим по социально-экономическим показателям и уровню жизни с соседской периферией. При этом различия в уровне доходов компенсирует более высокая стоимость жизни в странах ЕС,

хотя цены на отдельные группы товаров оказываются ниже только в польских магазинах-дискаунтерах, расположенных у границы с Россией. Различия через границу люди оценивают в первую очередь через призму общего восхищения Европой, благами и комфортом. При этом большинство респондентов лично не знакомы с реалиями жизни по ту сторону границы. В результате возникает дисбаланс между относительным материальным благополучием жителей эксклава и их плохим социальным самочувствием, вызванный преимущественно негативной самоидентификацией и неблагоприятным сравнением себя с соседними странами ЕС. Важной отправной точкой сравнения, референтной группой, некой системой отчета становится позиция соседа. Сравнение с Польшей и Литвой является не столько оценкой жизни соседей, сколько оценкой собственной жизни. Как и при формировании идентичности, отчет осуществляется от некоего значимого другого.

Субъективная оценка уровня жизни в российском эксклаве описывается центр-периферийной логикой. Удовлетворенность средой проживания в периферийных и приграничных муниципалитетах, с одной стороны, оказывается ниже, чем в региональном центре. С другой – оценки субъективного благополучия фактически не различаются между Калининградом и другими населенными пунктами региона. Жители Калининградской области в целом склонны скорее позитивно оценивать собственную успешность.

Проведенный анализ показывает несводимость рассуждений о неблагоприятных сравнениях себя с «другими» к статистическим индикаторам. Испытываемые людьми эмоции, расстановка ценностных приоритетов и их восприятие приводят к когнитивным искажениям картины окружающего мира. Оценки «хуже/лучше» не всегда возникают благодаря знанию и опыту, сколько в результате проецирования собственных проблем на других, поиска соответствий и недоучета трудностей «заграничной» жизни. Не особенности геополитического положения, а локальный контекст приобретает большое значение в жизни людей. При схожей объективной ситуации (соотношение уровня доходов и стоимости жизни) негативная окраска, выявленная в ответах респондентов при сравнении жизни в Калининградской области с соседями, связана с неблагоприятной оценкой собственных условий проживания.

Определенное противоречие также связано с заметным диссонансом между негативными представлениями об общих настроениях жителей своего поселения и позитивным оценками людей собственного эмоционального состояния. Особенно это проявилось в городах, потерявших свое прошлое значение и превратившихся из центральных в периферийные. Компенсация подобной негативной самоидентификации выражалась в том числе в погружении в повседневные заботы и семейные ценности. Важным параметром дифференциации калининградского социума по оценке собственного благополучия, удовлетворенности жизнью и сравнения с соседями выступала мобильность, которая определяется размером населенного пункта, его положением и образом жизни социума.

Ограничение реальных контактов под влиянием роста барьерности границ и изоляции региона в новых обстоятельствах может привести к усилению негативных сравнений. Трансграничные практики пока приостановились и в ближайшей перспективе вряд ли возобновятся. Объект сравнения станет удаленным, а знания – менее конкретными. Нарушение привычного порядка жизнедеятельности и взаимоотношений приграничных сообществ очевидно приведет к усилению мифов и стереотипов, росту их роли в формировании субъективных ощущений местных жителей. Вероятно, повышение уровня жизни и условий проживания на муниципальном уровне – рост уровня доходов, обеспеченности качественными услугами, улучшение среды – могут сбалансировать душевное и материальное состояние калининградцев.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алмакаева А.М. Субъективное благополучие и субъективно воспринимаемое качество жизни как показатели территориального развития // Социодиггер. 2021. Апрель. Т. 2. Вып. 4(9). С. 12–20.
- Вендина О.И. Калининград: планирование будущего и запросы молодежи // Известия РАН. Сер. географическая. 2015. № 4. С. 95–106.
- Вендина О.И., Зиновьев А.С. Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 31(2). С. 118–143.
- Дубровская С.А., Ряхов Р.В., Павлейчик В.М. Оценка потенциала развития комфортности урбанизированных геосистем Волгограда и Оренбурга // Известия ИГУ. Сер. Науки о Земле. 2022. Т. 42. С. 29–40.
- Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. УРСС, 2003.
- Карачук Т.С., Сальникова Д.В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 96–109.
- Кузнецова Т.Ю., Сибирева Н.И. Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1. С. 43–55.
- Марева С.В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695–707.
- Немировская А.В., Соболева Н.Э. Детерминанты субъективного благополучия в России: региональная перспектива // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 54–81.
- Пальмовский Т., Федоров Г.М. Российско-польское пограничье: проблемы и перспективы развития трансграничных связей // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 178–191.
- Плюхин М.Ю. Приграничное сотрудничество Калининградской области – проблемы и перспективы // Балтийский регион. 2009. № 1(1). С. 77–80.
- Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: ИП РАН, 2006.
- Себенцов А.Б., Зотова М.В. Калининградская область: вызовы эксклавноности и пути ее возможной компенсации // Балтийский регион. 2018. № 1. С. 86–106.
- Сибирев В.А., Головин Н.А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296–315.
- Caplan B. Against the Human Development Index // The Library of Economics and Liberty. May 22, 2009.
- van Houtum H., van Naerssen H. Bordering, Ordering and Othering // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. No. 93(2). P. 125–136.
- Inglehart R.F. Culture Shift in Advanced Industrial Societies. Princeton University Press, Princeton, 1990.
- Kolosov V.A., Zotova M.V. Geopolitical Worldview of Russian Students // Regional Research of Russia. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 265–276.
- Meinhof U.H. Migrating borders: An introduction to European identity construction in process. // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2003. № 29(5). P. 781–796.
- Yitzhaki S. Relative deprivation and economic welfare // European Economic Review 1982. No. 17 (1). P. 99–113.
- Żemajtėl-Piotrowska M. et al. Measurement Invariance of Personal Well-being Index (PWI8) Across 26 Countries. // Journal of Happiness Studies. 2017. Vol. 18. No. 6. P. 1697–1711.

Статья поступила: 26.04.23. Финальная версия: 21.07.23. Принята к публикации: 24.01.24.

## SUBJECTIVE WELL-BEING AND STANDARD OF LIVING IN THE KALININGRAD REGION

ZOTOVA M.V.\*, ZINOVYEV A.S.\*\*

\*Institute of Geography of RAS; HSE University, Russia; \*\*St. Petersburg State University, Russia

Maria V. ZOTOVA, Cand. Sci. (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography of RAS; Assoc. Prof., HSE University, Moscow, Russia (zotova@igras.ru); Andrey S. ZINOVYEV, Senior lecturer, St.-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (a.zinovyev@spbu.ru)

**Acknowledgements.** The article was prepared with the support of RFBR project No. 20-05-00697, State Assignment IG RAS No. AAAA-A19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008)

**Abstract.** The article provides a conjugated analysis of an objectified picture of the living conditions and subjective well-being of the population in the Kaliningrad region as one of the Russian border regions, characterized by the strengthening of the role of the border as a dividing marker against the background of intense cross-border interactions in the recent past. The study is based on a comparison of the socio-economic indicators of the neighboring border regions of Russia, Poland, and Lithuania with quantitative (representative survey) and qualitative sociological data (focus groups and semi-structured interviews) obtained by the authors in Kaliningrad region in 2020–2022. It is shown that subjective well-being and perception of the quality of life, as well as a comparison of one's own standard of living with that achieved in neighboring Poland and Lithuania, are determined by the socio-economic polarization of the region and the heterogeneity of the Kaliningrad society, including differences in lifestyle, mobility, and activity of residents. An imbalance between the relative material well-being of the inhabitants of the exclave against the background of other Russian regions and their poor social well-being caused by an unfavorable comparison of themselves with neighboring EU countries was revealed. Differences across the border are assessed primarily through the prism of general admiration for Europe, envy of goods and comfort, although most respondents are not familiar with the realities of life on the other side of the border. At the same time, the main referents of unfavorable comparisons are not only neighbors, but also the most wealthy and successful groups of the population.

**Keywords:** quality of life, cross-border comparisons, perception of neighbors, subjective well-being, Kaliningrad region, Lithuania, Poland.

## REFERENCES

- Almakaeva A.M. (2021) Subjective well-being and subjectively perceived quality of life as indicators of territorial development. *SocioDigger*. April 2021. Vol. 2. Iss. 4(9): 12–20. (In Russ.)
- Caplan B. (2009) *Against the Human Development Index*. The Library of Economics and Liberty.
- Dubrovskaya S.A., Ryakhov R.V., Pavleychik V.M. Evaluation of the Comfort Development Potential in Urbanized Geosystems of Volgograd and Orenburg. *Izvestiya IGU. Ser. Nauki o zemle* [Herald of ISU. Series Earth Sciences]. 2022. Vol. 42: 29–40. (In Russ.)
- Inglehart R.F. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- van Houtum H., van Naerssen H. (2002) Bordering, Ordering and Othering. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. No. 93(2): 125–136.
- Karabchuk T.S., Salnikova D.V. (2016) Objective and subjective well-being: experience of comparative analysis of the countries of Central Asia, Russia and Belarus. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 5: 96–109. (In Russ.)
- Kolosov V.A., Zotova M.V. (2013) Geopolitical Worldview of Russian Students. *Regional Research of Russia*. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 265–276.
- Kuznetsova T. Yu., Sibireva N.I. (2020) Economic and demographic differences between the municipalities of the Kaliningrad region. *Vestnik BFU im. I. Kanta. Ser.: Estestvennye i medicinskie nauki* [Bulletin of BFU named after I. Kant. Ser.: Natural and medical sciences]. No. 1: 43–55. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2018) Zones of subjective well-being and trouble in Russian society. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiy* [RIDN Journal of Sociology]. Vol. 18. No. 4: 695–707. (In Russ.)
- Meinhof U.H. (2003) Migrating borders: An introduction to European identity construction in process. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. No. 29(5): 781–796.
- Nemirovskaya A.V., Soboleva N.E. Subjective well-being determinants in Russia: a regional perspective. *Vestnik instituta sotziologii* [[Bulletin of the Institute of Sociology]. 2020. Vol. 11. No. 2: 54–81. (In Russ.)

- Palmovsky T., Fedorov G.M. (2020) Russian-Polish borderland: problems and prospects for the development of cross-border relations. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. No. 2: 178–191. (In Russ.)
- Plyukhin M. Yu. (2009) Cross-border cooperation of the Kaliningrad region – problems and prospects. *Baltiyskiy region* [Baltic region]. No. 1(1): 77–80. (In Russ.)
- Savchenko T.N., Golovina G.M. (2006) *Subjective quality of life: approaches, assessment methods, applied research*. Moscow: IP RAN. (In Russ.)
- Sebentsov A.B., Zotova M.V. (2018) Kaliningrad region: challenges of exclaviness and ways of its possible compensation. *Baltiyskiy region* [Baltic region]. No. 1: 86–106. (In Russ.)
- Sibirev V.A., Golovin N.A. (2020) Intergenerational differences in life satisfaction and happiness in Russia (on the materials of the European Social Survey). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. No. 1: 296–315. (In Russ.)
- Vendina O.I. (2015) Kaliningrad: planning for the future and the needs of youth. *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya* [Herald of RAS. Geographical Series]. No. 4: 95–106. (In Russ.)
- Vendina O.I., Zinoviev A.S. (2022) Borderliness and Periphery: On the Question of the Context of the Formation of Kaliningrad Identity. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 31(2): 118–143. (In Russ.)
- Yitzhaki S. Relative deprivation and economic welfare. *European Economic Review*. 1982. No. 17 (1): 99–113.
- Żemojtel-Piotrowska M. et al. (2017) Measurement Invariance of Personal Well-being Index (PWI8) Across 26 Countries. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 18. No. 6: 1697–1711.
- Zubarevich N.V. (2003) *Social development of Russian regions: problems and trends in the transition period*. URSS. (In Russ.)

Received: 26.04.23. Final version: 21.07.23. Accepted: 24.01.24.

© 2024 г.

А.В. СЕМЕНОВ, Я.А. СНАРСКИЙ, Т.Ю. ТКАЧЕВА

## ДИНАМИКА И КРОСС-РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЯН (2007–2021)

---

СЕМЕНОВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник (andre.semenoff@gmail.com); СНАРСКИЙ Ярослав Александрович – бакалавр политологии, стажер-исследователь (yagoslav1861@gmail.com); ТКАЧЕВА Татьяна Юрьевна – PhD, научный сотрудник (tkacheva.tatyana@gmail.com). Все – Лаборатория сравнительных социальных исследований, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия.

---

**Аннотация.** Экологическое движение в России является одной из наиболее институционализированных форм коллективного действия: появившись и набрав силу в советский период, оно пережило трансформации 1990-х гг. и изменения 2000–2010-х гг. Статья представляет результаты исследования кросс-региональной вариации коллективных действий в защиту окружающей среды. Основываясь на трех массивах данных, авторы прослеживают эволюцию экопротестов за 15 лет (2007–2021), отражающую изменение структуры политических возможностей. Представлена типология регионов по степени интенсивности и устойчивости экологических протестов. Интенсивность протестов увеличивается, несмотря на сужающуюся структуру политических возможностей, однако экологическая протестная активность распределена неравномерно. Предложенная типология позволяет описать существующую вариацию и задать новые вопросы о природе и факторах экологической протестной активности в регионах России.

**Ключевые слова:** экологическая активность • экологические движения • экологические конфликты • состязательная политика • регионы России

DOI: 10.31857/S0132162524010069

**Постановка исследовательской задачи.** Россия гетерогенна с точки зрения региональной активности граждан в области экологии. Несмотря на общественный консенсус в том, что загрязнения окружающей среды существенно угрожают человечеству, представление об источниках экологических проблем варьируется у разных территориальных групп. В частности, исследование ВЦИОМ в марте 2023 г. демонстрирует региональную специфику экологических проблем: уральцев и сибиряков больше всего волнует деятельность промышленных компаний, южан – плохая очистка воды, жителей Северо-Западного и Центрального федеральных округов – плотность городской застройки<sup>1</sup>. Многообразие климатических зон, неравномерное распределение промышленных кластеров, наличие

---

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-18-00661.

<sup>1</sup> Экологическая ситуация в России: мониторинг // ВЦИОМ. 2023. 9 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения: 27.06.2023).



уникальных природных объектов – все это обуславливает вариацию представлений россиян о характере экологических проблем и трансляции этих представлений в действия.

Исследователи уделяют внимание организационным аспектам экологической активности [Henry, 2010; Yanitsky, 1999], отдельным случаям экологической мобилизации [Туровец, 2014; Evans, 2012; Kuzmina, 2022] или общим трендам в регулировании защиты окружающей среды [Demchuk и др., 2022; Tysiachniouk и др., 2023]. Несмотря на широкий спектр работ о российских экологических движениях, до сих пор нет их систематического сравнения на уровне регионов.

Для заполнения данной лакуны мы рассматриваем коллективные действия как динамический процесс, где стороны конфликта обмениваются требованиями в рамках «структуры политических возможностей». Будет продемонстрировано, что эта структура существенно менялась со временем, обуславливая всплески и падения экологического активизма. Основываясь на нескольких базах данных, фиксирующих экологические протесты в российских регионах в 2007–2021 гг., мы проследим эволюцию экологической активности, выявляя темпоральные и кросс-региональные паттерны, и типологизируем регионы по степени интенсивности и устойчивости экологических протестов. Наше исследование вносит вклад в понимание гетерогенности российского социально-политического пространства и ставит новые вопросы о причинах и следствиях экологического активизма в регионах.

**Экологический активизм и состязательная политика.** Мы рассматриваем экологический активизм как часть «состязательной политики» (contentious politics) – процесса публичного оспаривания действий одного актора другим, где государство выступает объектом, стороной или медиатором конфликта [Tilly, Tarrow, 2015]. В отличие от «экологической активности», категория «экологического активизма» охватывает в первую очередь коллективные действия, направленные на противодействие вмешательству в окружающую среду со стороны корпоративных или государственных акторов. Наиболее видимой частью экологического активизма являются «экологические протесты» – публичные коллективные действия с набором требований, относящихся к экологической повестке [Гольбрайх, 2016].

Экологический активизм является предметом обширного корпуса исследований [Lubell, 2002; Marquart-Pyatt, 2012; Mihaylov, Perkins, 2015]. Как и любые другие формы коллективных действий, экологический активизм сталкивается с тем же набором проблем: «дилеммой безбилетника» и селективных стимулов [Olson, 1971], проблемой ресурсной обеспеченности [McCarthy, Zald, 1977], индивидуальной/коллективной эффективности [Яницкий, 2012] и др. В то же время экологический активизм имеет свои особенности.

Во-первых, он неизбежно касается коллективных прав, поскольку экологические проблемы, как правило, охватывают целые территориальные сообщества. В отличие от повестки, затрагивающей индивидуализированные социальные или политические права, экологические вопросы потенциально охватывают неопределенный круг лиц.

Во-вторых, экологический активизм зачастую имеет ярко выраженное пространственное измерение и связан с локальной/территориальной идентичностью. Для местных/региональных сообществ мобилизация в ответ на вырубку парка, загрязнение сточных вод или прокладку дороги через лес является выражением их привязанности к конкретному месту проживания [Тулаева, Снарский, 2022].

Наконец, особую роль в экологических протестах играет локальное знание – «знание о "месте" и для "места"», которое «ситуативно, многомерно и может быть пространственно интерпретировано» [Яницкий, 2007: 14]. Наличие сообществ и организаций, аккумулирующих такое локальное знание, может стать основанием для мобилизации [Цепилова, Гольбрайх, 2020].

Любые коллективные действия являются динамическим процессом: в ходе их разворачивания акторы обмениваются сигналами о возможной эскалации или уступках, реагируя на действия друг друга. Ключевой аналитической категорией в изучении состязательной политики является «структура политических возможностей» [Яницкий, 2012]. Данный концепт, являясь одним из наиболее разработанных в социологии социальных

движений, остается дискутируемым. Существуют две традиции осмысления «структуры политических возможностей». Первая подчеркивает структурные аспекты – наличие ресурсов, особенности институтов, выступающих медиаторами между гражданами и политическими органами, а также насыщенность среды другими организациями и движениями [Kitschelt, 1986]. Вторая традиция обращает внимание на «агентский» аспект: наличие могущественных союзников либо существенные изменения в балансе сил на национальном уровне [Comparative Perspectives on Social Movements, 1996]. Кросс-страновой и кросс-региональный анализ показывает, что оба аспекта оказывают значимое влияние на институционализацию экологических движений [Kitschelt, 1986; McAdam, Boudet, 2012; Van Der Heijden, 1997], но единого мнения об операционализации этого концепта не существует.

Авторы статьи для анализа национальной динамики экопротестов обращают внимание на взаимодействие с государственными институтами: в частности, на изменения в законодательстве и в характере отношений с государственной властью, а также на роль международных и российских экологических неправительственных организаций как ключевых элементов структуры политической возможности на национальном уровне. Государственные институты – ключевой элемент структуры политических возможностей, который задает базовые условия для коллективных действий (прежде всего, размеры издержек и выгод). Неправительственные организации также являются частью структуры политических возможностей, поскольку оказывают информационную и организационную помощь активистам. Такие организации аккумулируют опыт общественных кампаний в защиту окружающей среды и нередко оказываются в их центре [Kitschelt, 1986].

Помимо указанных элементов структуры политических возможностей есть и другие факторы (уровень экологических рисков, наличие крупных промышленных кластеров и природоохраненных зон, сильная региональная идентичность), которые могут определять различия в уровне мобилизации и характер экологической активности. В данной статье не ставится задача исследовать роль всех этих факторов, фокусировка сделана в основном на эвристические возможности теории политического процесса для объяснения национальной динамики и кросс-региональной вариации в экопротестах.

**Развитие экологического активизма в постсоветской России.** Первые низовые инициативы, направленные на защиту окружающей среды, такие как Дружины охраны природы (ДОП), появились в СССР на рубеже 1950–1960-х гг. [Халий, 2008]. В 1970-х гг., с увеличением числа ДОП по всей стране, происходит их объединение в Движение дружин охраны природы (ДДОП), которые были встроены в существующие структуры официальных организаций [Фомичев, 1992; Яницкий, 1995]. Тесное взаимодействие с государством дало возможность экозащитникам увидеть масштабы антиэкологических практик в СССР, что со временем вело к накоплению протестного потенциала [Яницкий, 1995]. Экологические проблемы и появление на Западе «зеленых» партий, которое изменило представления советских экоактивистов о возможных каналах политического влияния, столкнули природозащитников с государством [Матвеева, 2010]. В результате в конце 1980-х гг. экологическое движение стремительно политизируется, активно вовлекает граждан в экологические инициативы и выстраивает диалог с властью [Халий, 2008].

С распадом СССР появляются новые механизмы и возможности для общественных инициатив, формируются устойчивые практики взаимодействия с властями, а роль гражданских объединений в политической системе страны закрепляется на законодательном уровне. В то же время происходит постепенное снижение активности и массовости экологического движения [Фомичев, 1992; Шубин, 1992]. Новые политические силы не оправдали надежд, а попытки независимого участия в политической жизни за счет создания партий и участия в выборах не увенчались успехом [Матвеева, 2010]. В результате популярность экологических движений снижается.

Во второй половине 1990-х гг. меняются отношения экоактивистов с государственным аппаратом, который стремится усилить над ними контроль. Несмотря на формальное продолжение взаимодействия с властными структурами, возможности прямого

политического действия сокращаются [Халий, 2008]. Ключевой задачей экологического движения в конце 1990-х гг. становится его самосохранение, а основным инструментом для этого – профессионализация и бюрократизация с последующим переходом в сетевой формат существования [Yanitsky, 1999]. В этот период главными медиаторами в отношениях со структурами власти становятся локальные экообъединения, фокус смещается на поддержание местных экоинициатив и решение локальных экологических проблем за счет более тесного и регулярного взаимодействия с гражданами [Халий, 2008].

В 2000-х гг. реформа системы управления природоохранной деятельностью привела к деградации госуправления в области экозащиты. Дальнейшие шаги под предлогом укрепления гражданского общества были восприняты активистами как стремление оппортунизировать движение и принимать решения без консультации с ними [Халий, 2008: 135]. Отсутствие устойчивых механизмов взаимодействия и согласования интересов между экоактивистами и властью потребовало от движения поиска альтернативных путей политического влияния. Формируются каналы взаимодействия российского экодвижения с международными природоохранными организациями. Несмотря на слабую консолидацию, экодвижениям удается расширить участие в разработке ключевых документов и сотрудничество с местными администрациями [Матвеева, 2010]. В некоторых случаях, благодаря лоббистским способностям местных экоактивистов и особенностям политических систем регионов, удается разрешать важные локальные эко-конфликты [Гнатенко, 2010].

В 2010-е гг. такие законодательные инициативы, как закон «об иностранных агентах», стимулируют переход от формальных способов организации к коллективной мобилизации через неформальные группы и сети [Sundstrom et al., 2022]. Даже наиболее устойчивые формальные объединения обращаются к альтернативным формам организации во избежание усиливающихся финансовых и политических ограничений. Из-за смещения фокуса на решение локальных экопроблем движение привлекает на свою сторону не только профессиональных экоактивистов, но и равнодушных граждан как изнутри локального сообщества, так и за его пределами [ibid.]. Важную роль начинают играть социальные сети и цифровые платформы, расширяющие традиционный репертуар коллективных действий [Гольбрайх, 2019; Цепилова, Гольбрайх, 2020] и позволяющие эффективнее привлекать политических союзников [Каминская и др., 2019].

Таким образом, начавшись как добровольные объединения, помогавшие госструктурам, экологическое движение в России переросло в основной инструмент выражения общественного недовольства по экологическим вопросам, став независимым политическим актором. С трансформацией структуры политических возможностей в постсоветский период экологическое движение ослабевает, переориентируясь на взаимодействие с населением и поиск альтернативных способов встраивания в политические структуры. К концу 2000-х гг. экологические движения в России приобретают сетевой формат, а последние тенденции в развитии экоактивизма в России показывают все большую трансформацию движения в сторону неформальных структур. Помимо общих тенденций, наблюдаются значительные вариации на региональном и локальном уровнях: экологические активисты по-разному реагируют на широкие изменения в структуре политических возможностей национального уровня.

**Кросс-региональная вариация в экологической активности.** Для анализа кросс-региональных паттернов мы опираемся на три массива данных. Массив LARuPED содержит информацию с сайта Namarsh.ru о 4 225 протестных событиях за 2007–2016 гг., 414 из которых классифицированы как «экологические» и прошли в 45 регионах<sup>2</sup>. Из него использовались только данные за 2007–2011 гг., поскольку за 2012–2016 гг. есть более точный каталог «Состязательная политика в России» (CPR), собранный в Центре сравнительных исторических и политических исследований. Этот массив охватывает

<sup>2</sup> Подробнее о кодировочной схеме LARuPED см.: Lankina Russian protest event dataset // LSE Research Online. 2018. 3 октября. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/90298/> (дата обращения: 27.06.2023).

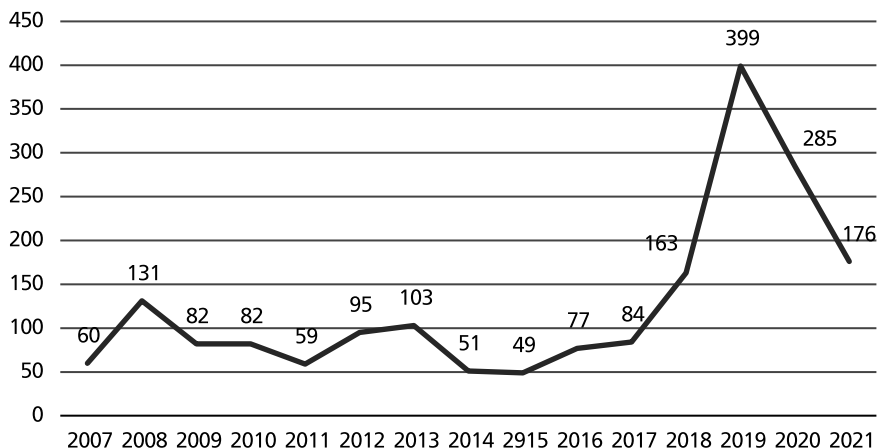


Рис. 1. Общее число экопротестов в 2007–2021 гг.

более 8 000 событий, включая 384 экопротеста в 58 регионах. Он отличается большей инклюзивностью, поскольку основан на поисковых запросах в системе Integrum, а также более строгими критериями отнесения событий к экологической тематике. Третий массив – «Экологические протесты в российских регионах» (EPRR) – основан на данных Activatica.org и изначально предполагал агрегацию событий, связанных с экологической активностью. База данных охватывает период 2017–2021 гг. и включает 1 107 экологических акций в 59 регионах.

Общая динамика экологических акций протеста (рис. 1) показывает волновой характер экологического активизма<sup>3</sup>. Первый пик приходится на 2008 г., когда на фоне глобального экономического кризиса развернулись экологические кампании в Иркутской и Московской областях, а также в Краснодарском крае. Вторая волна приходится на 2012–2013 гг. в связи с событиями вокруг защиты Прихонерья и протестов против строительства Томинского горно-обогатительного комбината, которые частично совпали по времени с протестной кампанией «за честные выборы». Третья приходится на 2018–2020 гг. с пиком активности в 2019 г.: это – протесты против строительства полигона на станции Шиес в Архангельской области, встретившие широкую поддержку в других регионах, а также антимусорные протесты.

В 2007–2011 гг. высокая активность (более четырех протестных акций за весь период) наблюдалась в 17 регионах (субъектах РФ), в 38 не было зафиксировано ни одного случая. Наиболее крупные эпизоды экологической мобилизации развернулись в регионах со строительством инфраструктурных объектов, а также в городах федерального значения (рис. 2).

Так, в Московской обл. (42 акции) и Москве (104) в 2007–2010 гг. развернулась борьба против строительства шоссе, предполагавшего вырубку просеки в Химкинском лесу длиной в три километра. В ответ на эти планы в 2007 г. было сформировано «Движение в защиту Химкинского леса», в 2010 г. оно провело ряд крупных (по несколько тысяч участников) акций<sup>4</sup>. Вокруг движения сформировалась сеть экологических инициатив,

<sup>3</sup> Мы принципиально не фокусируемся на объяснении наблюдаемых трендов в данной статье, отдавая предпочтение их фиксации и типологизации наблюдаемых паттернов.

<sup>4</sup> Юрий Шевчук на митинге-концерте в защиту Химкинского леса // РИА-Новости. 2010. 23 августа. URL: <https://ria.ru/20100823/268068268.html> (дата обращения: 27.06.2023); На концерт на Пушкинской площади запретили проносить аппаратуру // РИА-Новости. 2010. 22 августа. URL: <https://ria.ru/20100822/267867212.html> (дата обращения: 27.06.2023).



Рис. 2. Экопротестная активность в регионах России, 2007–2011 гг., по LARuPED

которые в 2011 г. провели гражданский форум «Антиселигер». Активисты столкнулись с жестким противодействием со стороны групп интересов, поддержавших строительство трассы: в 2007 г. неизвестные подожгли машину редактора «Химкинской правды», освещавшего строительство, а на него самого было совершено нападение. В конечном счете планы по строительству были скорректированы, но сама трасса построена.

В Краснодарском крае (28 событий) основным поводом экологической активности в этот период стала подготовка к проведению Олимпиады. Активисты выступили против строительства на особо охраняемых природных территориях и в буферной зоне Кавказского заповедника. Мобилизация включала петиционные кампании<sup>5</sup>, круглые столы и массовые акции протеста. Наиболее массовым стал митинг в Туапсе 18 июля 2010 г. против строительства в городском порту терминала компании «Еврохим», а также за отказ от добычи нефти на Черноморском шельфе<sup>6</sup>. Коллективные действия в Краснодарском крае собрали более 15 тыс. человек – больше, чем в других регионах за 2007–2011 гг.

В Калининградской области (17 событий) в тот период главной причиной активизации экологического сопротивления становится соглашение о строительстве в регионе атомной электростанции, подписанное правительством региона и «Росатомом» в 2008 г. Ключевым актором со стороны экологического движения стала организация «Экозащита», а основными методами борьбы – демонстрации, пикеты и перформансы с привлечением СМИ [Гнатенко 2010]. Кампания не привела к успеху, строительство АЭС началось. По экономическим причинам в 2014 г. стройка была приостановлена, а в 2018 г. и вовсе официально заморожена распоряжением «Росатома».

В Иркутской области (17 событий) поводом для постоянной мобилизации стали споры вокруг Байкальского целлюлозно-бумажного комбината: активисты требовали закрытия производства, ставшего основным загрязнителем Байкала<sup>7</sup>. Несмотря на поддержку

<sup>5</sup> «Круглый стол» с острыми углами. В Красной Поляне прошло обсуждение экологических проблем олимпийского строительства // Экологическая Вахта по Северному Кавказу. 2011. 10 ноября. URL: <http://ewnc.org/node/133> (дата обращения: 27.06.2023).

<sup>6</sup> Митинг в шортах. На экологический митинг в Туапсе вышли 2 тыс. человек // Газета.ру. 2010. 19 июля. URL: [https://www.gazeta.ru/politics/2010/07/19\\_a\\_3399002.shtml](https://www.gazeta.ru/politics/2010/07/19_a_3399002.shtml) (дата обращения: 27.06.2023).

<sup>7</sup> Иркутский бунт // Твой Иркутск. 2011. 3 июня. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20110603/rebel/> (дата обращения: 27.06.2023).



Рис. 3. Экопротестная активность в регионах, 2012–2016 гг., по CPR

политических элит и группы жителей Байкальска<sup>8</sup>, производство на комбинате было полностью остановлено в 2013 г.

В 2012–2016 гг. регионы-лидеры по абсолютному числу экологических протестов менялись (рис. 3). В лидерах оказалась Воронежская область (39 событий), где прошла крупная кампания по защите национального парка Хопер. Кампания продолжалась больше года и развивалась как по конвенциональному сценарию (сбор подписей, митинги и другие публичные мероприятия), так и в драматическом ключе (разгром палаточного лагеря активистов и поджог лагеря геологов)<sup>9</sup>. Особенностью стало участие широкого идеологического спектра организаций, образовавших ядро движения «Стоп-никель», включая казаков, ученых и представителей демократической оппозиции [Туровец, 2014].

По схожему сценарию развивался конфликт вокруг строительства Томинского горно-обогатительного комбината (ГОК) Русской Медной Компании (РМК) в Челябинской области, предполагавшего вырубку части леса. Общественная кампания, которая кристаллизовалась вокруг движения «Стоп ГОК», включала сбор подписей, организацию участия в общественных слушаниях, митинги, экологические экспертизы и т.д.<sup>10</sup> Челябинцы были возмущены не только нарушением экологических стандартов и потенциальной угрозой региону, и так испытывающему серьезные нагрузки на экологию, но и отказом руководства РМК (при поддержке властей региона) идти на какой-либо диалог с жителями и экологами<sup>11</sup>. В конце концов комбинат был построен в 2020 г. и введен в эксплуатацию в 2021 г.<sup>12</sup>

В 2017–2021 гг. лидером по числу экопротестов становится Москва (244 события), где жители выступали против строительства на особо охраняемых природных территориях и оспаривали инфраструктурные решения властей в отношении зеленых зон: например, активно

<sup>8</sup> 13 февраля в Иркутске встретились митингующие за и против БЦБК // Твой Иркутск. 2010. 14 февраля. URL: <https://www.irk.ru/news/20100214/meeting/> (дата обращения: 27.06.2023).

<sup>9</sup> Экологи дерутся за Хопер // Газета.ru. 2013. 14 мая. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/05/14/5320933.shtml> (дата обращения: 27.06.2023).

<sup>10</sup> Люди гибнут за металл: как в Челябинске борются против строительства Томинского ГОКа // Совет при Президенте Российской Федерации по правам человека (СПЧ). 2019. 23 августа. [http://www.president-soviet.ru/presscenter/press/lyudi\\_gibnut\\_zh\\_metal\\_kak\\_v\\_chelyabinske\\_boryutsya\\_protiv\\_stroitelstva\\_tominskogo\\_goka/](http://www.president-soviet.ru/presscenter/press/lyudi_gibnut_zh_metal_kak_v_chelyabinske_boryutsya_protiv_stroitelstva_tominskogo_goka/) (дата обращения: 27.06.2023).

<sup>11</sup> Хозяева Медной горы // Open Democracy. 2017. 7 августа. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/gok-stop/> (дата обращения: 27.06.2023).

<sup>12</sup> На Томинском ГОКе начали добывать руду, но предприятие еще не запущено // 74.ру. 2020. 22 августа. URL: <https://74.ru/text/business/2020/08/22/69431020/> (дата обращения: 27.06.2023).



Рис. 4. Экопротестная активность в регионах, 2017–2021 гг., по EPRR

развивались протесты против строительных работ в парке «Покровское-Стрешнево»<sup>13</sup> и в Битцевском лесу<sup>14</sup>. В Санкт-Петербурге (117 событий) был схожий спектр проблем: так, после нескольких лет борьбы активистам удалось признать незаконным разрешение на постройку в Муринском парке второго спорткомплекса «Nova Arena»<sup>15</sup>.

В Московской области (187 акций) в 2017–2018 гг. прошли масштабные митинги против полигонов твердых бытовых отходов и мусоросжигательных заводов (МСЗ). Каждый третий житель Волоколамска вышел на крупнейший в области митинг против выбросов свалочного газа<sup>16</sup>. Строительство полигона для мусорных отходов неподалеку от станции Шиес также стало поводом для крупнейшей за этот период экологической кампании в Архангельской области (98 акций) и Республике Коми. После продолжительных протестов местных жителей соглашение между правительством Архангельской области и ООО «Технопарк» было расторгнуто, компанию обязали рекультивировать испорченный участок<sup>17</sup>.

В Татарстане (52 события) в этот период основной проблемой стали планы по строительству МСЗ. Так, в селе Осиново на протяжении нескольких лет местные жители сопротивлялись решению построить МСЗ, но строительство все же началось в июне 2020 г.<sup>18</sup> Аналогичные протесты наблюдались в Кировской и Ленинградской областях, а также в Удмуртии.

В Республике Башкортостан в 2020 г. прошла кампания в защиту шихана Куштау – горы, состоящей из известняка, который Башкирская содовая компания использует для

<sup>13</sup> Природный парк «Покровское-Стрешнево» закрыли на благоустройство, против которого протестовали москвичи // Москва онлайн. 2022. 7 апреля. URL: <https://msk1.ru/text/gorod/2022/04/07/71239136/> (дата обращения: 27.06.2023).

<sup>14</sup> Продолжение борьбы за Битцевский лес // Официальный сайт Московской городской организации КГРФ. 2022. 17 июня. URL: <https://msk.kprf.ru/2023/06/17/238986/> (дата обращения: 27.06.2023).

<sup>15</sup> Суд признал незаконным разрешение на строительство второго спорткомплекса «Nova Arena» в Муринском парке // Собака.ру. 2020. 8 декабря. URL: <https://www.sobaka.ru/city/city/120814> (дата обращения: 01.07.2023).

<sup>16</sup> Каждый третий житель Волоколамска вышел на митинг против свалки // Ведомости. 2018. 1 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/04/01/755513-miting-protiv-svalki> (дата обращения: 27.06.2023).

<sup>17</sup> Инвестиционный проект «Шиес» приказал долго жить // ИА Северные Новости. 2020. 7 июня. URL: <https://newsnord.ru/investitsionnyj-proekt-shies-prikazal-dolgo-zhit/> (дата обращения: 27.06.2023).

<sup>18</sup> «В поставке оборудования отказано»: власти рассказали, что происходит с мусоросжигательным заводом под Казанью // Казань Онлайн. 2023. 20 апреля. URL: <https://116.ru/text/gorod/2023/04/20/72237236/> (дата обращения: 27.06.2023).

Таблица

**Матрица типов российских регионов с точки зрения устойчивости  
и интенсивности экологической протестной активности**

Показатели		Интенсивность экологической мобилизации	
		низкая	высокая
Устойчивость экологической мобилизации	Низкая	<b>Регионы с неустойчивым и низким уровнем протестов</b> (Белгородская обл., Липецкая обл., Респ. Алтай, ХМАО, Курганская обл. и др.) N = 15	<b>Регионы с неустойчивым и высоким уровнем протестов</b> (Архангельская обл., Коми, Приморский край, Удмуртия, Воронежская обл. и др.) N = 19
	Высокая	<b>Регионы с устойчиво низким уровнем протестов</b> (Амурская обл., Калужская обл., Респ. Саха, Тверская обл., Респ. Бурятия, Хакасия и др.) N = 22	<b>Регионы с устойчиво высоким уровнем протестов</b> (Москва, Санкт-Петербург, Иркутская обл., Московская обл., Новосибирская обл. и др.) N = 16

**Регионы без видимых протестов:** Респ. Ингушетия, Респ. Калмыкия, Магаданская обл., Смоленская обл., ЯНАО и др., N = 11

*Источник:* LARuPED, CPR, EPRR, расчеты авторов

производства соды. Активисты добились отзыва лицензии на разработку горы, шихан получил охранный статус<sup>19</sup>.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода (2007–2021 гг.) мы наблюдаем значительную вариацию в паттернах экологической активности: в некоторых регионах ее практически нет, в других она возникает спорадически и имеет низкую интенсивность, в третьих проходят массовые кампании, которые сменяются затишьем. Две отдельные группы состоят из регионов, в которых экологический активизм носит постоянный характер, но отличается степенью интенсивности.

На основе этого наблюдения мы создали типологию российских регионов по двум ключевым индикаторам – устойчивости и интенсивности экологической мобилизации. Интенсивность экологической мобилизации измерялась по трехчастной шкале: без протестов, от одного протестного события до границы третьего/четвертого квартилей (низкая интенсивность) и по числу протестов в четвертом квартиле (высокая активность). Устойчивость мы операционализируем как наличие в регионе экологических акций минимум в двух периодах наблюдений.

Итоговая типология (табл.) представляет собой матрицу, где выделены регионы с 1) устойчиво высоким уровнем экоактивности, 2) с низким и устойчивым уровнем экопротестов, 3) со спорадической интенсивной и 4) со спорадической слабой экологической мобилизацией. Отдельно выделяются регионы без заметных экопротестов, где акции по защите окружающей среды в 2007–2021 гг. не проходили.

В нашей типологии оказалось 35 регионов с высоким уровнем экоактивности, в 19 из них экологическая активность неустойчива, менее трети российских регионов оказались в центре экологического движения. 37 регионов вошли в группу слабоактивных: в 22 регионах – устойчиво низкий уровень активности, в 15 – только спорадический. Наконец, в 11 регионах экологической активности не обнаружено.

**Выводы.** Предыдущие исследования экодвижения в России выявили несколько основных этапов его развития. Зародившись в 1960-х гг. как добровольное объединение

<sup>19</sup> Гора Куштау получила статус памятника природы // Ведомости. 2020. 2 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/09/02/838568-gora-kushtau-poluchila-status-pamyatnika-prirodi> (дата обращения: 27.06.2023).



отдельных активистов и встроенное в госаппарат, в позднесоветский период движение приобрело массовый характер, став к началу 1990-х гг. влиятельным независимым политическим актором. В процессе трансформации структуры политических возможностей, вызванной распадом СССР, движение постепенно стало терять свою силу, двигаясь к новым формам и каналам политического участия. В 2000-е гг. это привело к приоритетности локальных экопроблем. В результате с конца 2000-х гг. наблюдаются переход экозащитников к альтернативным способам защиты интересов, рост сетевизации и цифровизации низовой мобилизации.

Мы продемонстрировали, каким образом экологическая активность, определяемая как коллективные действия, направленные на защиту окружающей среды, распределена между российскими регионами на наиболее позднем этапе своего развития. Аналитически авторы опирались на теорию политического процесса, которая предсказывает волнообразный характер коллективных действий, что подтверждается эмпирическими данными. Действительно, на протяжении 2007–2021 гг. мы наблюдаем всплески, вызванные крупными региональными экологическими кампаниями. Только шесть регионов (Москва, Санкт-Петербург, Московская, Иркутская, Новосибирская и Свердловская области) демонстрируют последовательно высокий уровень экологической мобилизации.

Исследование показывает, что с конца 2000-х гг. жители регионов часто мобилизуются против крупных проектов, наносящих ущерб окружающей среде. Попытки государственных и корпоративных акторов реализовать эти проекты без учета мнения жителей встречали интенсивное сопротивление. Не везде это сопротивление привело к желаемым для активистов результатам, но, учитывая разницу в ресурсах противоборствующих сторон и тенденцию сужения политических возможностей, можно отметить, что отдельные успехи экологических кампаний демонстрируют сохраняющиеся возможности эффективных коллективных действий в сфере экологии.

Предложенная нами классификация регионов позволяет задать ряд вопросов для будущих исследований: что определяет степень интенсивности и устойчивости экологической мобилизации? какие факторы способствуют развитию экодвижения в одних регионах и исчезновению эоактивности в других? Такая проблематизация представляется важной ввиду растущего масштаба экологической протестной активности в условиях все более сужающейся структуры политических возможностей в России.

Наше исследование, безусловно, имеет ряд ограничений. Во-первых, данные собраны из разных источников и имеют разнонаправленное смещение. Дальнейшая работа по гармонизации данных позволит провести более последовательный анализ с использованием количественных методов. Во-вторых, хронологические ограничения не позволяют напрямую сравнить период после 2007 г. с мобилизацией в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг., что позволило бы выявить долгосрочные тенденции в экологическом активизме. Наконец, мы используем общее количество протестов в качестве основной метрики, схватывающей масштаб экологической мобилизации. Учет количества участников, размера населения региона и других важных характеристик мобилизации позволит в будущем создать более точную картину пространственной дифференциации экологического активизма в России.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гнатенко А.А. Ресурсы экологического лоббирования: сокращающиеся каналы влияния? (На примере НКО «Экозащита», Калининградская область) // Политическая наука. 2010. № 2. С. 203–217.
- Гольбрайх В.Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74–85.
- Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Власть и элиты. 2016. Т. 3. С. 98–120.

- Каминская Т.Л., Помигуев И.А., Назарова Н.А. Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 382–407.
- Матвеева Е.В. Экологическое движение в России: этапы становления и развития // Вестник Пермского ун-та. 2010. № 3. С. 31–39.
- Тулаева С., Снарский Я. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2022. Т. 14. № 3. С. 4–33.
- Туровец М.В. Протест как рациональное действие // *Политическая наука*. 2014. № 4. С. 236–252.
- Фомичев С.Р. Зеленые: взгляд изнутри // *Полис. Политические исследования*. 1992. № 1. С. 238–245.
- Халий И.А. Экологическое общественное движение и власть: формы взаимодействия // *Полис. Политические исследования*. 2008. № 4. С. 130–139.
- Цепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23. № 4. С. 136–162.
- Шубин А. Экологическое движение в СССР и вышедших из него странах // *Экологические организации на территории бывшего СССР. Справочник / Под ред. Е.Н. Кофановой, Н.И. Кротова*. М.: РАУ-Пресс, 1992.
- Яницкий О.Н. Акторы и ресурсы социально-экологической модернизации // *Социологические исследования*. 2007. № 8. С. 139–145.
- Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // *Социологические исследования*. 2012. № 6. С. 3–12.
- Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures and Cultural Framings / Ed. by D. McAdam, J.D. McCarthy, M.N. Zald. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Demchuk A., Mišić M., Obydenkova A., Tosun J. Environmental conflict management: a comparative cross-cultural perspective of China and Russia // *Post-Communist Economies*. 2022. Т. 34. No. 7. С. 871–893.
- Evans A. Protests and civil society in Russia: The struggle for the Khimki Forest // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Т. 45. № 3. С. 233–242.
- van der Heijden H. Political opportunity structure and the institutionalisation of the environmental movement // *Environmental Politics*. 1997. Vol. 6. No. 4. С. 25–50.
- Henry L. Red to Green: Environmental Activism in Post-Soviet Russia. Cornell University Press, 2010. Iss. 1.
- Kitschelt H. Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16. No. 1. С. 57–85.
- Kuzmina Y. "The Defenders of Shiyes": traditionalism as a mobilisation resource in a Russian protest camp // *East European Politics*. 2022. Vol. 39. No. 2. С. 260–280.
- Lubell M. Environmental Activism as Collective Action // *Environment and Behavior*. 2002. Vol. 34. No. 4. С. 431–454.
- Marquart-Pyatt S.T. Explaining Environmental Activism Across Countries // *Society & Natural Resources*. 2012. Vol. 25. No. 7. С. 683–699.
- McAdam D., Boudet H. Putting Social Movements in their Place: Explaining Opposition to Energy Projects in the United States, 2000–2005. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- McCarthy J., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. No. 6. С. 1212–1241.
- Mihaylov N., Perkins D. Local environmental grassroots activism: contributions from environmental psychology, sociology and politics // *Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 5. No. 1. С. 121–153.
- Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups, With a New Preface and Appendix. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.
- Sundstrom L.M., Henry L.A., Sperling V. The Evolution of Civic Activism in Contemporary Russia // *East European Politics and Societies*. 2022. Vol. 36. No. 4. С. 1377–1399.
- Tilly C., Tarrow S. Contentious Politics. Oxford, New York: Oxford University Press, 2015. 2<sup>nd</sup> ed, New to this Edition.
- Tysiachniouk M.S., Tulaeva S.A., Kotilainen J. and Henry L. Liberal spaces in an illiberal regime: environmental NGOs, state sovereignty and the struggle for nature // *Territory, Politics, Governance*. 2023. Vol. 0. No. 0. С. 1–20.
- Yanitsky O. The Environmental Movement in a Hostile Context: The Case of Russia // *International Sociology*. 1999. Vol. 14. No. 2. С. 157–172.

## TEMPORAL AND CROSS-REGIONAL VARIANCE IN ENVIRONMENTAL PROTEST ACTIVITY OF RUSSIANS (2007–2021)

SEMENOV A.V., SNARSKI Ya.A., TKACHEVA T. Yu.

HSE St. Petersburg, Russia

Andrei V. SEMENOV, *Cand. Sci. (Pol.)*, Senior Research Fellow (andre.semenoff@gmail.com); Yaroslav A. SNARSKI, *Research Assistant* (yaroslaw1861@gmail.com); Tatiana Yu. TKACHEVA, *PhD, Research Fellow* (tkacheva.tatyana@gmail.com). All – *Laboratory for Comparative Social Research, HSE St. Petersburg, St. Petersburg, Russia*

**Acknowledgements:** the study was supported by RSF grant No. 23-18-00661.

**Abstract.** The environmental movement in Russia has been a most institutionalized form of collective action. Originating from the Soviet period and gaining momentum in late 1980s, it survived the 1990s' dramatic transformations as well as the changes in political opportunity structure in the 2000–2010s. Extant scholarship on environmental activism in Russia has been largely focused on case-studies of regional mass-mobilization, such as environmental campaigns at Shiyes station in Archangelsk. The paper represents the first systematic study of cross-regional variance in environmental collective action in Russia. Drawing on three datasets, we trace the general evolution of environmental protests in the period from 2007 to 2021 and provide a typology of Russian regions. The latter allows us to classify Russian regions by intensity and sustainability of eco-mobilisation. We demonstrate that, despite narrowing opportunities, the intensity of environmental protests during the last decade has been on the rise. The typology allows us to describe the existing variance and suggest new questions on the nature and factors of environmental protest activity in Russian regions.

**Keywords:** environmental activity, environmental movement, environmental conflicts, contentious politics, Russian regions.

## REFERENCES

- Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings.* (1996) Ed. by McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Cambridge: Cambridge University Press.
- Demchuk A.L. et al. (2022) Environmental conflict management: a comparative cross-cultural perspective of China and Russia. *Post-Communist Economies*. Vol. 34. No. 7: 871–893.
- Evans A.B. (2012) Protests and civil society in Russia: The struggle for the Khimki Forest. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 45. No. 3: 233–242.
- Fomichev S.R. (1992) The greens: a look from inside. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 1: 238–245. (In Russ.)
- Gnatenko A.A. (2010) Resources of ecological lobbying: reducing channels of influence? (Evidence from the "Ecoprotection" NGO, Kaliningrad region). *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 2: 203–217. (In Russ.)
- Golbraikh V.B. (2016) Ecological activism: new forms of political participation. In: *Vlast i elity* [Power and elites]. Vol. 3: 98–120. (In Russ.)
- Golbraikh V.B. (2019) Ecoconflicts in Russia and Digital Networks Participation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 74–85. (In Russ.)
- van der Heijden H. (1997) Political opportunity structure and the institutionalisation of the environmental movement. *Environmental Politics*. Vol. 6. No. 4: 25–50.
- Henry L.A. (2010) *Red to Green: Environmental Activism in Post-Soviet Russia*. Cornell University Press.
- Kaminskaya T.L., Pomiguyev I.A., Nazarova N.A. (2019) Digital environmental activism as an instrument of influence on government decisions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 382–407. (In Russ.)
- Khalii I.A. (2007) Environmental social movement and power: forms of interactions. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4: 130–139. (In Russ.)
- Kitschelt H.P. (1986) Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies. *British Journal of Political Science*. Vol. 16. No. 1: 57–85.
- Kuzmina Y. (2022) "The Defenders of Shiyes": traditionalism as a mobilisation resource in a Russian protest camp. *East European Politics*. Vol. 39. No. 2: 260–280.
- Lubell M. (2002) Environmental Activism as Collective Action. *Environment and Behavior*. Vol. 34. No. 4: 431–454.

- Marquart-Pyatt S.T. (2012) Explaining Environmental Activism Across Countries. *Society & Natural Resources*. Vol. 25. No. 7: 683–699.
- Matveeva E.V. (2010) Ecological movement in Russia: stages of formation and development. *Vestnik Perm-skogo un-ta* [Bulletin of Perm University]. No. 3: 31–39. (In Russ.)
- McAdam D., Boudet H. (2012) *Putting Social Movements in their Place: Explaining Opposition to Energy Projects in the United States, 2000–2005*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCarthy J.D., Zald M.N. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*. Vol. 82. No. 6: 1212–1241.
- Mihaylov N.L., Perkins D.D. (2015) Local environmental grassroots activism: contributions from environmental psychology, sociology and politics. *Behavioral Sciences*. Vol. 5. No. 1: 121–153.
- Olson M. (1971) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups, With a New Preface and Appendix*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Shubin A. (1992) Ecological movement in the USSR and the seceding countries. In: *Ecological organizations of the ex-USSR territory*. A handbook. Ed. by E.N. Kofanova, N.I. Krotov. Moscow: RAU-Press. (In Russ.)
- Sundstrom L.M., Henry L.A., Sperling V. (2022) The Evolution of Civic Activism in Contemporary Russia. *East European Politics and Societies*. Vol. 36. No. 4: 1377–1399.
- Tilly C., Tarrow S. (2015) *Contentious Politics*. Oxford, New York: Oxford University Press. 2<sup>nd</sup> ed.
- Tsepilova O., Golbraih V. (2020) Environmental activism: mobilizing resources from “garbage” protests in Russia in 2018–2020. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 23, No. 4: 136–162. (In Russ.)
- Tulaeva S., Snarski Y. (2022) Green nationalism in a resource-based state: environmental agenda and national identity in Russian regions. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 14. No. 3: 4–33. (In Russ.)
- Turovets M.V. (2014) Protest as a rational action. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 4: 236–252. (In Russ.)
- Tysiachniouk M.S. et al. (2023) Liberal spaces in an illiberal regime: environmental NGOs, state sovereignty and the struggle for nature. *Territory, Politics, Governance*. Vol. 0. No. 0: 1–20.
- Yanitsky O. (1999) The Environmental Movement in a Hostile Context: The Case of Russia. *International Sociology*. Vol. 14. No. 2: 157–172.
- Yanitsky O.N. (2007) Actors and resources of socio-ecological modernization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 139–145. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2012) Mass mobilization: problems of theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 6: 3–12. (In Russ.)

Received: 21.09.23. Final version: 05.01.24. Accepted: 16.01.24.

Е.К. БАСАЕВА, Е.С. КАМЕНЕЦКИЙ, Д.Г. КАГРАМАНЯН

## СВЯЗЬ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ С ДИНАМИКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

---

БАСАЕВА Елена Казбековна – кандидат физико-математических наук, заведующая кафедрой прикладной математики и информатики, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия (elena\_basaeva@mail.ru); КАМЕНЕЦКИЙ Евгений Самойлович – доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник (eskamenetsky@mail.ru); КАГРАМАНЯН Диана Гаригиновна – аспирант (diisha@mail.ru). Оба – Южный математический институт ВНЦ РАН, Владикавказ, Россия.

---

**Аннотация.** Авторами проведена апробация на материалах стран Юго-Восточной Азии 2006–2016 гг. метода прогнозирования крупных конфликтов, основанного на предположении о росте социальной напряженности в последние годы перед событием. Хотя социальная напряженность не связана однозначно с протестной активностью, она способствует социально-политической или этнополитической мобилизации, которая может привести к дестабилизации общества, поэтому при высоких темпах роста напряженности вероятность серьезных конфликтов в стране возрастает. Для количественной оценки социальной напряженности в странах Юго-Восточной Азии наиболее релевантным статистическим индикатором является количество самоубийств. Пятилетние темпы роста этого индикатора, превышающие пороговое значение, свидетельствуют о высокой возможности крупных протестов. Расчеты для семи стран Юго-Восточной Азии позволили ретроспективно оценить вероятность крупных конфликтов с точностью, близкой к точности методов машинного обучения. Предложенный авторами индикатор массовых социально-политических протестов позволяет их прогнозировать, таким образом, в странах с очень различными экономическими, демографическими, политическими и культурными характеристиками.

**Ключевые слова:** прогнозирование конфликтов • социальная напряженность • индикатор социальной напряженности • уровень конфликтности • Юго-Восточная Азия

DOI: 10.31857/S0132162524010074

**Методика предсказания внутригосударственных конфликтов.** С XX века обществоведы предпринимают попытки прогнозирования нестабильности государств и внутренних конфликтов в них. Во многих работах с этой целью используются факторы, способствующие дестабилизации, количество которых может исчисляться десятками. Например, система раннего предупреждения конфликтов EAWARN<sup>1</sup> учитывает 46 факторов [Тишков, Степанов, 2004]. Обычно в качестве дестабилизирующих факторов анализируют социально-экономические и демографические характеристики общества.

В последние годы для прогнозирования конфликтов широко используются методы машинного обучения (см., напр.: [Celiku, Graay, 2017; Hegre et al., 2019; Li, Yao, 2018; Медведев и др., 2022]). При этом лучшие из существующих моделей машинного обучения имеют

---

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, соглашение № 075-02-2023-939.

<sup>1</sup> Сеть этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), основанная на базе Института этнологии и антропологии РАН в 1993 г., – научная организация, которая осуществляет регулярный мониторинг межэтнических отношений и конфликтов в регионах России и ряде постсоветских государств.

чувствительность (способность правильно предсказать реально произошедшее конфликтное событие) около 90–95%, но при этом неверно сигнализируют о конфликте в 30–40% неконфликтных эпизодах. Кроме того, применение данных методов требует больших объемов данных и существенного времени на выбор оптимальной модели и ее обучение.

В связи со сказанным выше, перспективным представляется метод прогнозирования конфликтных событий, предложенный в работе [Басаева и др., 2022: 96]: рост нестабильности государства предлагается прогнозировать, рассматривая не причины возможных событий, а их предикторы. Такой подход позволяет предсказывать конфликты, даже когда их причины не очевидны.

Согласно данному подходу, предрасположенность общества к дестабилизации определяется неудовлетворенностью социальных групп своим положением. Неудовлетворенность может описываться с помощью понятия «относительная депривация» [Гарр, 2005: 51] или близкого по смыслу концепта «социальная напряженность». Понимание этого термина в настоящей работе наиболее близко к следующему определению: «напряженность – это комплексный системный феномен, который интегрально характеризует социально-политические процессы с социально-психологической стороны, отражающий неудовлетворенность больших масс людей существующей системой социальных, экономических и политических отношений» [Внукова и др., 2014: 32–33].

Высокому уровню социальной напряженности общества, как правило, сопутствует anomia. Согласно Э. Дюркгейму [1994], anomia – состояние общества, характеризуемое распадом норм, регулирующих социальное взаимодействие. При этом объективно наблюдаемым явлением, вызванным anomией, принято считать массовое девиантное поведение – рост не только самоубийств, но и и других негативных социальных отклонений (наркомании, алкоголизма, преступности и т.п.).

Социальная напряженность не связана однозначно с протестной активностью, она лишь способствует социально-политической или этнополитической мобилизации, которая может привести к дестабилизации общества. Высокие темпы роста социальной напряженности – хороший предиктор социально-политической нестабильности и возможных конфликтов. Для возникновения широкомасштабного конфликта, помимо роста социальной напряженности, необходимо наличие события-триггера. Поскольку такие события часто случайны, невозможно точное предсказание конфликта.

Прямое измерение социальной напряженности тоже невозможно, поэтому для ее количественной оценки будем использовать статистические индикаторы. Наиболее информативным индикатором изменения социальной напряженности в обществе считается динамика количества (или уровня) убийств и самоубийств [Юревич и др., 2009: 2–5]. Еще в XIX в. Э. Дюркгейм показал, что во время экономических кризисов и резких социальных изменений в обществе наблюдается стремительный рост самоубийств: «В момент общественной дезорганизации – будет ли она происходить в силу болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований – общество оказывается временно не способным проявлять нужное воздействие на человека, и в этом мы находим объяснение... резких повышений кривой самоубийств...» [Дюркгейм, 1994: 126].

Таким образом, динамика количества самоубийств тесно связана с социально-политическими кризисами, так что ее высокие темпы роста могут служить их предикторами. Использование для оценки динамики социальной напряженности не самого индикатора, а его темпов роста позволяет уменьшить ошибки, связанные с недостоверностью статистических данных и влиянием культурных особенностей общества. Чтобы уменьшить влияние на индикатор случайных ошибок, в качестве оценки динамики социальной напряженности мы берем пятилетние темпы роста индикатора, аппроксимированного с использованием линейной регрессии.

Предлагается гипотеза, что пятилетние темпы роста показателя, которые интерпретируются как индикатор роста социальной напряженности, как *уровень конфликтности*,

превышающие некое пороговое значение, свидетельствуют о высокой вероятности массовых протестов/беспорядков. В данной работе пороговым будем гипотетически считать значение уровня конфликтности, равное 5%. Эта гипотеза далее будет проверяться на странах Юго-Восточной Азии (ЮВА).

**Социальная напряженность и протесты в странах ЮВА.** Несмотря на почти постоянно существующие угрозы стабильности в большинстве государств ЮВА, регион с конца XX в. считали местом, где мир и социальный порядок позволяли большинству стран иметь устойчиво высокие темпы экономического роста. Однако тренды последних лет позволяют предположить, что ближайшее будущее региона может и не оправдать былого оптимизма [Цветов, 2019]. Полизитичность и поликонфессиональность государств региона, а также наличие спорных территорий увеличивают вероятность конфликтов, хотя культурные различия делают маловероятным сценарий, подобный Арабской весне [Канаев, Демиденко, 2019], во время которой значительные протестные выступления прокатились одновременно во всех странах региона.

ЮВА включает в себя 11 стран: Вьетнам, Лаос, Камбоджа (Кампучия), Мьянма (Бирма), Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Сингапур, Бруней и Восточный Тимор. Исключим из рассмотрения малые страны Бруней и Восточный Тимор, в которых случайные флуктуации существенно влияют на значения индикатора, а также Филиппины, где тянувшаяся с 1960-х гг. «малая» гражданская война в некоторых сельских регионах страны оказывает существенное влияние на характер изменения социальной напряженности. Оставшиеся восемь государств имеют очень разные социально-демографические и экономические характеристики: здесь есть и «постиндустриальный» Сингапур, и «новые индустриальные» страны (прежде всего, Таиланд и Малайзия), и отстающие аграрные страны (Мьянма/Бирма и Лаос).

Проанализировав имеющиеся статистические данные, авторы пришли к выводу, что наиболее информативным статистическим индикатором социальной напряженности для стран ЮВА является динамика (темп прироста в процентах) количества самоубийств. Статистические данные по количеству самоубийств за 2000–2015 гг. были взяты с сайта [Countryeconomy.com](http://Countryeconomy.com) (раздел Socio-Demography)<sup>2</sup>.

Информация о событиях (протестах, беспорядках, переворотах и т.п.), взята из СМИ, научных работ и, самое главное, трех баз данных – WP (World Protests [Ortiz et al., 2022]<sup>3</sup>), CNTS (Межнародный архив данных временных рядов (1815–2022 гг.))<sup>4</sup> и RED (Набор данных «революционных эпизодов» [Beissinger, 2022]<sup>5</sup>). Из всех событий, описанных в указанных ранее источниках, отобраны наиболее значительные конфликтные события, происходившие в 2006–2016 гг.: массовые протесты и/или протесты с беспорядками, революции, перевороты и гражданские войны.

По характеру изменения уровня конфликтности в 2006–2016 гг. рассматриваемые страны делятся на три группы: первая – Вьетнам, Лаос, Камбоджа и Сингапур; вторая – Таиланд и Индонезия; третья – Мьянма и Малайзия.

**Первая группа стран ЮВА.** Для первой группы стран в таблице 1 приведены наиболее существенные конфликтные события, а на рисунке 3 – расчетная динамика уровня конфликтности.

Массовые протесты во Вьетнаме начались в 2008 г., а в 2014 г. переросли в погромы, которые первоначально описывались в СМИ как антикитайские [Thu, 2014]. Протесты по разным поводам продолжались в этой стране по крайней мере до 2018 г. включительно,

<sup>2</sup> Socio-Demography. Intentional self-harm. URL: <https://countryeconomy.com/demography/mortality/causes-death/suicide> (дата обращения: 14.11.2022).

<sup>3</sup> World Protests. URL: <https://worldprotests.org/> (дата обращения: 08.05.2023).

<sup>4</sup> Cross-National Time-Series Data (CNTS). URL: <https://www.cntsdata.com/> (дата обращения: 08.05.2023).

<sup>5</sup> Revolutionary Episodes Dataset. URL: <https://mbeissinger.scholar.princeton.edu/revolutionary-episodes-dataset> (дата обращения: 08.05.2023).

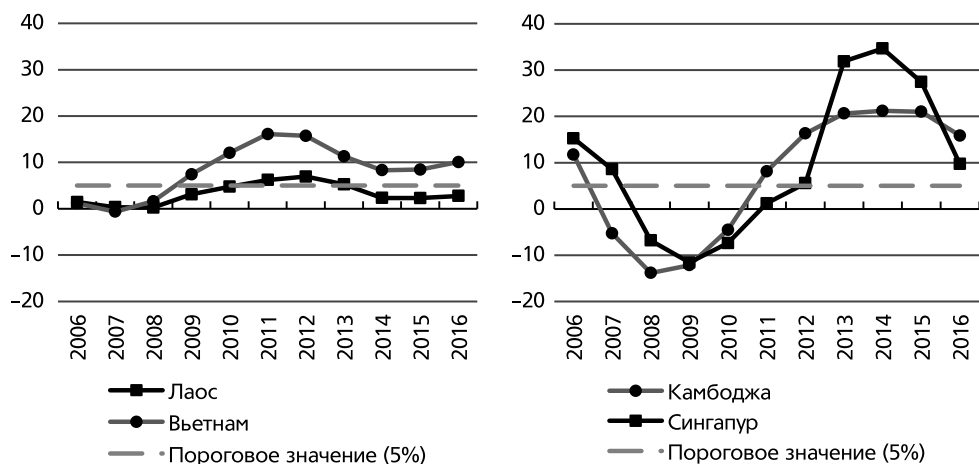


Рис. 1. Динамика уровня конфликтности для первой группы стран ЮВА, 2006–2016 гг., %

Таблица 1

#### Протесты и беспорядки в странах первой группы

Год(ы)	События	Источник
Вьетнам		
2014	Массовые протесты, погромы	WP
2016	Протесты, беспорядки	WP, CNTS
Камбоджа		
2013–2014	Протесты, беспорядки	CNTS
2016	Протесты, беспорядки	CNTS
Сингапур		
2013	Протесты, беспорядки	WP, CNTS

в 2016–2017 гг. они сопровождались беспорядками [Wischermann et al., 2023]. Отметим, что социальные протесты во Вьетнаме аполитичны и не ставят своей целью смещение с властных позиций конкретных руководителей или групп. В условиях монополии на власть Коммунистической партии Вьетнама выдвигать политические лозунги с точки зрения протестующих бессмысленно: в отсутствие альтернатив такие требования во Вьетнаме тождественны протестам против самой государственности и конституционного строя [Цветов, Цветов, 2018].

Лаос близок к Вьетнаму территориально, по уровню жизни населения и также управляется коммунистами (Народно-революционной партией Лаоса). Поэтому рост социальной напряженности во Вьетнаме вызывал одновременный, хотя и существенно меньший, рост социальной напряженности и в соседнем Лаосе.

В Камбодже крупные протесты начались в декабре 2013 г., продолжились в 2014 г. и сопровождались столкновениями с полицией [Бектимирова, 2014]. В 2016–2017 гг. фермеры по всей стране протестовали из-за низких цен на овощи. Также в 2016 г. массовые протесты и жесткие столкновения были вызваны земельными спорами: десятки тысяч кхмеров были выселены, чтобы освободить место для иностранных и отечественных компаний [Мосси, 2017].

В 2013 г. в Сингапуре около 400 иммигрантов приняли участие в беспорядках, в результате столкновений тогда пострадали 18 человек, в основном – сотрудники



правоохранительных органов. Таким образом, социальная напряженность в Сингапуре была велика именно в среде иммигрантов. Отметим, что аналогичная ситуация наблюдалась и в арабских государствах Персидского залива во время Арабской весны [Басаева и др., 2022]. Высокий уровень социальной напряженности в странах с высоким процентом иммигрантов, как правило, отражает напряженность среди иммигрантов, некоренного населения, и редко сопровождается массовыми протестами коренного населения.

В Камбодже и Сингапуре минимум и максимум уровня конфликтности наблюдались примерно на два года позже, чем во Вьетнаме и Лаосе. Это можно объяснить тем, что социальная напряженность во Вьетнаме провоцировала рост социальной напряженности в трех соседних странах. В самом Вьетнаме социальная напряженность в значительной мере была связана с забастовками и погромами на предприятиях, принадлежащих иностранным (преимущественно китайским) бизнесменам, протесты направлялись против предоставления льгот иностранным инвесторам и роста числа иностранных предприятий [Siu, Chan, 2015]. Эти предприятия, особенно на территории свободных экономических зон, были фактически полностью подконтрольны зарубежным инвесторам, имевшим право применять свои законы и нормы, в том числе самостоятельно определять минимальный уровень зарплаты и не следовать в некоторых моментах местному трудовому законодательству. Одним из крупнейших иностранных инвесторов в экономику Вьетнама в рассматриваемый период был Сингапур. Вероятно, это и объясняет влияние событий во Вьетнаме на рост социальной напряженности в Сингапуре. Не исключено, что события 2013–2016 гг. – погромы во Вьетнаме и беспорядки в Камбодже и Сингапуре – явились косвенным следствием Арабской весны 2010–2012 гг. [Коротаяв и др., 2020].

**Вторая группа стран ЮВА.** Если в странах первой группы хорошо заметна «вспышка» конфликтов в 2013–2016 гг., то в странах второй группы протестные события более равномерно рассредоточены по всему периоду и имеют более высокую ожесточенность (табл. 2). В то же время показатели уровня конфликтности демонстрируют нисходящую динамику (рис. 2).

В Индонезии в 2000–2005 гг. основным источником социальной напряженности были этнорелигиозные конфликты [Кузнецов, Золотухин, 2011]. Еще в 1998 г. возникло сепаратистское движение даяков – коренных жителей о. Калимантан. В 2000 г. их социальный протест принял форму этнорелигиозного конфликта: сожженный дом местного даяка стал причиной цепи погромов в отношении мигрантов-мусульман, общее число жертв составило более 500 человек. Правительством Индонезии были предприняты большие усилия для урегулирования конфликта: большая часть мигрантов-мусульман депортирована, в результате в 2005 г. в этом регионе удалось достичь договоренностей о прекращении насилия. В том же 2000 г. на Молукках мусульманско-христианские столкновения стали перерастать в вооруженные стычки с использованием не только ножей и других подручных средств, но и огнестрельного оружия. Хотя в 2002 г. удалось добиться

Таблица 2

**Массовые протесты, беспорядки, конфликты в странах второй группы**

Год(ы)	События	Источник
Индонезия		
2006–2012	Этноконфессиональный конфликт, протесты	CNTS, WP
2013–2014	Протесты и беспорядки	CNTS, WP
2016	Протесты и беспорядки	CNTS, WP
Таиланд		
2006	Военный переворот	CNTS
2008–2010	Массовые протесты, беспорядки	CNTS, WP
2012–2013	Протесты, беспорядки, конфессиональный конфликт	CNTS, WP
2014	Протесты, беспорядки, военное положение	CNTS, RED



Рис. 2. Динамика уровня конфликтности во второй группе стран ЮВА, 2006–2016 гг., %

мирного соглашения, однако силовое противостояние сторон продолжалось до конца 2012 г. В ходе насильственных столкновений погибли 529 человек, более 4 тыс. ранено, разрушены 2,3 тыс. домов [Петрова, 2020]. В последующие годы в Индонезии было много протестных выступлений, но их участники являлись сравнительно малочисленными, хотя и довольно агрессивными [Социальный протест..., 2016: пар. 4.2].

В Таиланде в этот период характер изменения уровня конфликтности – такой же, как и для Индонезии, но существенно выше. Причиной является борьба за власть между представителями аграрного северо-востока страны и промышленного юга. Военные в Таиланде пытаются играть роль арбитра между противоборствующими сторонами, но, как только они передают власть гражданскому правительству, столкновения между северянами и южанами начинаются вновь. В частности, военный переворот 2006 г. был следствием радикального раскола общества на сторонников премьер-министра Таксина Чиннавата, представлявших северные аграрные регионы страны, и представителей мало затронутых экономическими программами правительства южных провинций, три из которых населены в основном мусульманами [Социальный протест..., 2016: 179–180]. В результате проблема сепаратизма на юге страны, казавшаяся в начале 1990-х гг. решенной, вновь обострилась [Симонёнок, Витко, 2017]. По данным Deep South Watch<sup>6</sup>, в 2004–2015 гг. более 6,5 тыс. человек погибли и почти 12 тыс. получили ранения в этот период в ходе сепаратистского мятежа, контролируемого сторонниками радикального джихада, тайскоязычным буддийским меньшинством и местными мусульманами. Переворот 2006 г. не снял всей остроты политических противоречий. Уже летом 2008 г. тысячи сторонников массового движения «Народный союз за демократию» блокировали здание правительства и международный аэропорт Бангкока, требуя отставки кабинета министров, который был вынужден ввести в стране режим чрезвычайного положения. В последующие годы протесты и беспорядки продолжались. Так, в 2009 г. массовые акции протеста тайландской оппозиции сорвали саммит АСЕАН, военные при разгоне акции протеста в Бангкоке применяли слезоточивый газ и стреляли по протестующим. В ходе беспорядков, начавшихся в конце 2009 г. и достигших своего пика в мае 2010 г., погибли около 90 человек (в основном – гражданское население), около 1,9 тыс. были ранены [Фомичева, 2009; 2011: 268]. Когда в 2011 г. в Таиланде произошло крупное катастрофическое наводнение, протесты временно прекратились, но в конце 2012 г. они возобновились, приведя к десяткам убитых и тысячам

<sup>6</sup> Deep South Watch (DSW). URL: [www.deepsouthwatch.org](http://www.deepsouthwatch.org) (дата обращения: 07.08.2023).

раненных [Фомичева, 2012; 2014]. Ввиду угрозы гражданской войны в мае 2014 г. в стране было объявлено военное положение. После проведения выборов военные сохранили контроль за правительством и, по крайней мере временно, обеспечили стабилизацию обстановки в стране [Фомичева, 2014; Колдунова, 2015].

Такая череда конфликтов в Таиланде и Индонезии связана с тем, что это – крупные страны, население которых сильно фрагментировано (полиэтнично и многоконфессионально). Бурный экономический рост приводит к разному уровню модернизации в разных регионах, что разжигает конфликты внутри регионов и между ними.

**Третья группа стран ЮВА.** В третьей группе стран заметны две «вспышки» конфликтов – в 2007 г. и в 2011–2016 гг. (табл. 3). Что касается динамики уровня конфликтности, она в этих странах носит восходящий характер (рис. 3).

В 2007–2016 гг. в Куала-Лумпуре, столице Малайзии, протестная коалиция BERSIH<sup>7</sup> организовала пять массовых митингов, в каждом из которых приняли участие десятки тысяч человек. В 2007 и 2011 гг. против манифестантов использовался слезоточивый газ и водометы, были пострадавшие [Teik, 2021]. Кроме того, в 2007 г. были зафиксированы протесты индийского меньшинства против дискриминации<sup>8</sup>. В августе 2015 г. во

Таблица 3

Массовые протесты и беспорядки в странах третьей группы

Год(ы)	События	Источник
Малайзия		
2007	Массовые протесты, беспорядки	WP
2011–2012	Протесты, беспорядки	CNTS
2013	Массовые протесты	WP, CNTS
2015, 2016	Массовые протесты	WP, CNTS
Мьянма		
2007	Антиправительственные протесты	WP, CNTS, RED
2011–2016	Протесты, беспорядки, этноконфессиональный конфликт	WP, CNTS

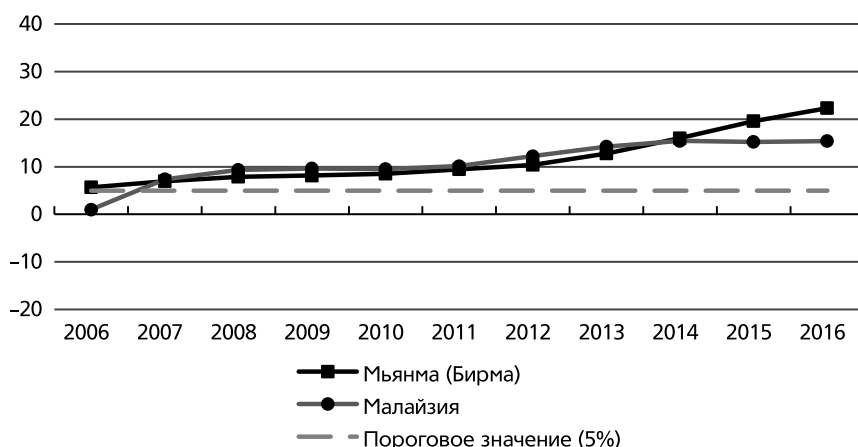


Рис. 3. Динамика уровня конфликтности в третьей группе стран ЮВА, 2006–2016 гг., %

<sup>7</sup> BERSIH – коалиция за чистые и справедливые выборы – политическое движение, требующее демократической реформы избирательной системы Малайзии.

<sup>8</sup> Полиция Малайзии разогнала многотысячный митинг этнических индийцев, протестующих против дискриминации // Trend news agency. 25.11.2007. URL: <https://www.trend.az/world/other/1082447.html> (дата обращения: 06.01.2024).

время празднования Дня независимости в Куала-Лумпуре и крупных городах Северного Калимантана состоялись крупные акции протеста, выражающие недоверие премьер-министру страны Наджибу Разаку. Более мелкие протестные акции в рассматриваемый период происходили в Малайзии почти ежегодно. Этот высокий фон конфликтов связан с тем, что в Малайзии ни у власти (в лице Национального Фронта, ядро которого составляет Объединенная малайская национальная организация), ни у оппозиции (межэтнической коалиции Пакатан Ракьят) нет решения главной дилеммы местной политики: что делать с конституционными привилегиями малайцев, если коренное население страны категорически не хочет расставаться с ними, а некоренное (представленное в основном китайцами и индийцами) требует их отмены.

Социальная напряженность в Мьянме (Бирме) вызвана социально-экономической политикой правящего с 1988 г. военного режима. В связи с повышением цен на топливо 19 августа 2007 г. начались антиправительственные демонстрации, в столице около 500 участников вышли на улицы. Несмотря на аресты, мирные демонстрации в Янгоне продолжались всю вторую половину августа, а затем распространились по всей стране. В демонстрациях активно участвовали буддийские монахи, по цвету одежды которых эти протесты названы «шафрановой революцией». В дальнейшем мирный протест против повышения цен перерос в широкомасштабную акцию гражданского неповиновения. Для разгона демонстраций в ход были пущены слезоточивый газ, водометы, резиновые пули, дубинки. Несколько десятков протестующих погибли, сотни получили травмы [Кайгородова, 2020]. Проведенные в 2010 г. выборы изменили всего лишь фасад военного режима, поэтому в 2011–2014 гг. в Мьянме прошла серия протестов против деятельности правительства [Buschmann, 2018: Tab. 1]. Существенным источником социальной напряженности в Мьянме является ее многонациональность: примерно 70% населения – собственно бирманцы, более четверти – другие коренные этнические группы. Регионы проживания небирманских этносов на протяжении всего периода независимости страны были ареной сепаратистских движений и мятежей. Особенно серьезные проблемы возникли в случае с рохинджа, индийцами-мусульманами, которые не интегрированы в бирманское общество. В результате время от времени возникают кровавые столкновения между бирманцами-буддистами и мусульманами-рохинджа. Так, 22 марта 2012 г. было введено чрезвычайное положение после двухдневных антимусульманских погромов. В результате столкновений в 2012–2016 гг. погибло более тысячи человек и более 500 тыс. стали вынужденными переселенцами [Mohajan, 2018].

Хотя Малайзия и Мьянма резко отличаются по уровню экономического развития, обе эти страны характеризуются тем, что относительно небольшие группы населения аккумулируют основные властные полномочия: в Мьянме – военная элита, в Малайзии – элита коренного населения.

**Результаты проверки гипотезы.** Согласно рис. 1, суммарное число страно-лет, в течение которых уровень конфликтности во Вьетнаме превышал пороговое значение, равно 8, а число страно-лет, в течение которых наблюдались протесты с беспорядками – 2 (табл 2). Таким образом, в 25% случаев превышение уровнем конфликтности порогового значения предшествует существенным конфликтным событиям (т.е. точность предсказания конфликтных событий равна 25%). Ни разу протесты с беспорядками не наблюдались в годы, когда уровень конфликтности был меньше порогового значения (т.е. чувствительность предсказания – 100%).

Аналогично были вычислены метрики качества прогнозов для остальных шести стран (исключая Сингапур, в котором социальная напряженность и беспорядки связаны с иммигрантами). В таблице 4 приведены чувствительность (recall), точность (precision), достоверность (accuracy) прогнозов по отдельным странам и по региону в целом.

Заметим, что от выбора порогового значения уровня конфликтности зависит соотношение точности и чувствительности прогнозов. Повышая пороговое значение, мы можем повысить точность предсказания конфликтных событий и достоверность

Таблица 4

## Качество прогнозов по странам и группам стран

Страны	Количество правильно предсказанных протестных событий (TP)	Количество правильных предсказаний отсутствия протестных событий (TN)	Количество ошибочно предсказанных протестных событий (FP)	Количество ошибочных предсказаний отсутствия протестных событий (FN)	Recall	Precision	Accuracy
Вьетнам	2	3	6	0	1	0,25	0,45
Лаос	0	8	3	0	–	0	0,73
Камбоджа	3	4	4	0	1	0,43	0,63
Индонезия	6	1	0	4	0,6	1	0,64
Таиланд	7	1	3	0	1	0,7	0,73
Мьянма	8	0	3	0	1	0,73	0,73
Малайзия	5	1	5	0	1	0,5	0,55
Все страны	31	18	24	4	0,89	0,56	0,64

*Примечание.* Recall =  $TP/(TP+FN)$  – чувствительность, т.е. способность правильно предсказать реально произошедшее конфликтное событие; Precision =  $TP/(TP+FP)$  – точность предсказания конфликтных событий; Accuracy =  $(TP+TN)/(TP+TN+FP+FN)$  – достоверность предсказаний, т.е. доля правильных предсказаний от общего числа предсказаний.

предсказаний, но понизим чувствительность метода. В нашей ситуации чувствительность существенно важнее точности и достоверности, так как лучше предсказать конфликт, который не произойдет, чем не предсказать произошедший конфликт.

Предложенный метод основан на использовании уровня конфликтности и не предполагает анализа причин возникновения конфликтных ситуаций. Он может рассматриваться как первое приближение для применения существующих методов, основанных на анализе влияния факторов, вызывающих конфликтные события. Для стран ЮВА метод позволил оценить вероятность крупных протестов, беспорядков и смены власти с чувствительностью и точностью, близкой к точности методов машинного обучения. При этом не требуется наличия обучающего множества значительных размеров и получаемые результаты проще интерпретировать. Полученные оценки уровня конфликтности дают дополнительную информацию об изменении состояния общества и позволяют выдвигать более обоснованные предположения о причинах этих изменений.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохина Е.С. Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии // Вестник ТомГУ. 2012. № 361. С. 62–65.
- Басаева Е.К., Каменецкий Е.С., Хосаева З.Х. Прогнозирование социально-политической нестабильности (на примере Арабской весны) // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 96–106.
- Бектимирова Н.Н. Гражданская протестная активность в Камбодже в 2013–2014 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 22. С. 82–105.

- Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пащенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2014.
- Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
- Кайгородова М.Е. К вопросу о революционных событиях XXI века в странах Азии // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ежегодник. Т. 11. Ч. 2. Волгоград: Учитель, 2020. С. 899–918.
- Канаев Е.А., Демиденко С.В. Вероятна ли «Арабская весна» в Юго-Восточной Азии? // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2019. Т. 2. № 3(44). С. 28–43.
- Колдунова Е.В. Политический кризис и социальный протест в Таиланде // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4(43). С. 222–228.
- Коротаев А.В., Соковнина Е.М., Шадрова А.О. Эхо Арабской весны в странах Азии: опыт количественного анализа // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. 2020. Т. 11. Ч. 2. С. 629–665.
- Кузнецов А.М., Золотухин И.Н. Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона в XX – начале XXI вв. Владивосток: ДВФУ, 2011.
- Медведев И.А., Устюжанин В.В., Жданов А.И., Коротаев А.В. Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроразе нестабильности // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2022. Т. 13. С. 131–210.
- Петрова О. Особенности вооруженных конфликтов в Индонезии и возможности их мирного урегулирования // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 3. № 4(49). С. 102–115.
- Симонёнок А.В., Витко Н.Д. Этнотерриториальные конфликты в современном Индокитае // Россия и АТР. 2017. № 2 (96). С. 47–68.
- Социальный протест на современном Востоке / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2016.
- Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. Москва: ИЭА им. Милухо-Маклая РАН, 2004.
- Фан В.И.Т. Прямые иностранные инвестиции и современное состояние инвестиционного климата во Вьетнаме // Инновации и инвестиции. 2019. № 12. С. 67–71.
- Фомичева Е.А. Таиланд 2012 г. достигнуто ли национальное примирение? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2012. № 18. С. 231–243.
- Фомичева Е.А. Таиланд в 2008–2009 гг. Политический кризис преодолен // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2009. № 13. С. 333–352.
- Фомичева Е.А. Таиланд в 2010–2011 гг. От уличных протестов к парламентским выборам // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2011. № 17. С. 266–276.
- Фомичева Е.А. Таиланд в 2013–2014 гг. От законопроекта об амнистии до государственного переворота // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2014. № 23. С. 49–59.
- Цветов А. Юго-Восточная Азия 2018–2024: старые раны, новые неопределенности // Глобальный прогноз 2019–2024. 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/2019-southeastasia> (дата обращения: 14.08.2023).
- Цветов А.П., Цветов П.Ю. Общественные протесты во Вьетнаме: созревание гражданского общества или пролог «цветной революции»? // Вьетнамские исследования. С. 2. 2018. № 3. С. 5–17.
- Юревич А.В., Ушаков Д.В., Чапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 2 (4). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13012749> (дата обращения: 08.05.2023).
- Beissinger M.R. The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2022.
- Buschmann A. Protest und Demokratisierung in Myanmar: Erste Erkenntnisse aus dem «Myanmar Protest Event Dataset» // Asiatische Studien – Études Asiatiques. 2018. Vol. 72. No. 1. P. 295–304.
- Celiku B., Kraay A. Predicting Conflict // World Bank. Policy Research Working Paper No. 8075. 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2985500> (дата обращения: 26.06.2022).
- Hegre H. et al. ViEWS: A political violence early-warning system // Journal of Peace Research. 2019. Vol. 56. No. 2. P. 155–174.
- Li Y., Yao H. Classification of fragile states based on machine learning // MATEC Web of Conferences. 2018. Vol. 173.
- Mocci N. Cambodia 2016–2017: The worsening of social and political conflicts // Asia Maior. Vol. XXVIII. 2017. P. 191–209.
- Mohajan H.K. The Rohingya Muslims in Myanmar are Victim of Genocide! // ABC Journal of Advanced Research. 2018. Vol. 7. No. 1. P. 59–72.
- Ortiz I., Burke S., Berrada M., Cortés H.S. World Protests. A Study of Key Protest Issues in the 21st Century. New York: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2022.

- Siu K., Chan A. Strike Wave in Vietnam, 2006–2011 // *Journal of Contemporary Asia*. 2015. Vol. 45. No. 1. P. 71–91.
- Teik Kh.B. The Profound Impact of the BERSIH Movement since 2007 // *ISEAS Perspective*. 2021. Is. 2021. No. 167.
- Thu H. The Anti-Chinese Riots in Vietnam: Responses from the Ground // *ISEAS Perspective*. 2014. No. 32. P. 1–8.
- Wischemann J., Dang T.V.P., Sirait G.M. The State in a Capitalist Society: Protests and State Reactions in Vietnam and Indonesia // *Journal of Contemporary Asia*. 2023. Vol. 53, No. 2. P. 185–206.

Статья поступила: 24.08.23. Финальная версия: 21.01.24. Принята к публикации: 21.01.24.

## RELATIONSHIP OF PROTEST ACTIVITY WITH THE SOCIAL TENSION DYNAMICS IN THE SOUTH-EAST ASIAN COUNTRIES

BASAEVA E.K.\* , KAMENETSKY E.S.\*\* , KAGRAMANYAN D.G.\*\*

\*North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Russia; \*\*Southern Mathematics Institute VSC RAS, Russia

Elena K. BASAEVA, *Cand. Sci. (Phys.-Math.), Head of the Department of Applied Mathematics and Computer Science, Vladikavkaz, Russia* (elena\_basaeva@mail.ru); Evgeny S. KAMENETSKY, *Dr. Sci. (Phys.-Math.), Head Researcher* (eskamenetsky@mail.ru); Diana G. KAGRAMANYAN, *Graduate Student* (diisha@mail.ru). Both – Southern Mathematics Institute VSC RAS, Vladikavkaz, Russia.

**Acknowledgements.** This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement No. 075-02-2023-939).

**Abstract.** The article is devoted to testing the method of forecasting major conflicts in countries of Southeast Asia. The method is based on the assumption of the social tension growth in the last years before the event. Tensions are not definitely linked to protest activity. They contribute to socio-political or ethno-political mobilization, which can lead to the destabilization of society. Therefore, with high rates of tension growth in the country, the probability of serious conflicts increases. For a quantitative assessment of the social tension in the countries of Southeast Asia, the most relevant statistical indicator is the suicides number. We assume that the five-year growth rate of the tension indicator (the level of conflict) exceeding a certain threshold value indicates the possibility of major protests. The calculations carried out for the Southeast Asian countries made it possible to estimate the probability of major conflicts with an accuracy close to the machine learning methods. The use of the proposed indicator for the analysis of socio-political processes in the countries of Southeast Asia made it possible to explain their similarities in countries with different economic, demographic, political and cultural characteristics, i.e. obtain additional information characterizing in these countries the stability or conflict risk.

**Keywords:** conflict forecasting, social tension, indicator of social tension, level of conflict, Southeast Asia.

## REFERENCES

- Anokhina Y.S. (2012) Chinese Diasporas and new Chinese migration to Southeast Asian countries. *Vestnik TomGU* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 361: 62–65. (In Russ.)
- Basaeva E., Kamenetsky E., Khosayeva Z. (2022). Forecast of Socio-Political Instability (the Case of the Arab Spring). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 96–106. (In Russ.)
- Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Bektimirova N.N. (2014) Civil protest activity in Cambodia in 2013–2014. *Yugo-Vostochnaya Azia: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Aktual Problems of Development]. No. 22: 82–105. (In Russ.)
- Buschmann A. (2018) Protest und Demokratisierung in Myanmar: Erste Erkenntnisse aus dem «Myanmar Protest Event Dataset». *Asiatische Studien – Études Asiatiques*. Vol. 72. No. 1: 295–304.
- Celiku B., Kraay A. (2017) Predicting Conflict. *World Bank. Policy Research Working Paper*. No. 8075. URL: <https://ssrn.com/abstract=2985500> (accessed 26.06.2022).
- Durkheim E. (1994) *Suicide: A Sociological Etude*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

- Fomicheva E.A. (2009) Thailand in 2008–2009. Political crisis overcome. *Yugo-Vostochnaya Azia: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual Problems of Development]. No. 13: 333–352. (In Russ.)
- Fomicheva E.A. (2011) Thailand in 2010–2011. From street protests to parliamentary elections. *Yugo-Vostochnaya Azia: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual Problems of Development]. No. 17: 266–276. (In Russ.)
- Fomicheva E.A. (2012) Thailand: Has the National Reconciliation been Achieved? *Yugo-Vostochnaya Azia: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual Problems of Development]. No. 18: 231–243. (In Russ.)
- Fomicheva E.A. (2014) Thailand in 2013–2014. From the amnesty bill to coup d'etat. *Yugo-Vostochnaya Azia: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual Problems of Development]. No. 23: 49–59. (In Russ.)
- Gurr T.R. (2005) *Why Men Rebel*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Hegre H. et al. (2019) ViEWS: A political violence early-warning system. *Journal of Peace Research*. Vol. 56. No. (2): 155–174.
- Kanaev E., Demidenko S. (2019) Is the 'Arab Spring' Likely in Southeast Asia? *Yugo-Vostochnaya Azia: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual Problems of Development]. Vol. 2. No. 3(44): 28–43. (In Russ.)
- Kaygorodova M.E. (2020) On the issue of revolutionary events of the 21st century in Asian countries. In: *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov* [System monitoring of global and regional risks]. Vol. 11. Part 2. Volgograd: «Uchitel»: 899–918. (In Russ.)
- Koldunova E.V. (2015) Political crisis and social protest in Thailand. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University]. No. 4 (43): 222–228. (In Russ.)
- Korotaev A.V., Sokovnina E.M., Shadrova A.O. (2020) Echo of the Arab Spring in Asian countries: experience of quantitative analysis. In: *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov* [System monitoring of global and regional risks]. Vol. 11. P. 2: 629–665. (In Russ.)
- Kuznetsov A.M., Zolotukhin I.N. (2011) *Ethnopolitical History of the Asia-Pacific in the XX – Beginning of the XXI Centuries: monograph*. Vladivostok: DVFU. (In Russ.)
- Li Y., Yao H. (2018) Classification of fragile states based on machine learning. *MATEC Web of Conferences*. Vol. 173.
- Medvedev I.A., Ustyuzhanin V.V., Zhdanov A.I., Korotayev A.V. (2022) Application of machine learning methods to rank factors and predict unarmed and armed revolutionary destabilization in the Afrasian macrozone of instability. *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]. Vol. 13: 131–210. (In Russ.)
- Mocci N. (2017) Cambodia 2016–2017: The worsening of social and political conflicts. *Asia Maior*. Vol. XXVIII: 191–209.
- Mohajan H.K. (2018) The Rohingya Muslims in Myanmar are Victim of Genocide! *ABC Journal of Advanced Research*. Vol. 7. No. 1: 59–72.
- Ortiz I., Burke S., Berrada M., Cortés H.S. (2022) *World Protests. A Study of Key Protest Issues in the 21st Century*. New York: Friedrich-Ebert-Stiftung.
- Petrova O.L. (2020) Features of the Armed Conflicts in Indonesia and the Possibility of a Peaceful Settlement. *Yugo-Vostochnaya Azia: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual Problems of Development]. Vol. 3. No. 4(49): 102–115. (In Russ.)
- Phan V.Y. Ch. (2019) Foreign direct investments and the current state of the investment climate in Vietnam. *Innovacii i investicii* [Innovation and investment]. No. 12: 67–71.
- Rogozhina N.G. (2012) Thailand: the treating of natural disaster. *Yugo-Vostochnaya Azia: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual Problems of Development]. No. 18: 186–193. (In Russ.)
- Simonenok A.V., Vitko N.D. (2017) Ethno-territorial conflicts in modern Indochina. *Russia and the Pacific*. No. 2 (96): 47–48. (In Russ.)
- Siu K., Chan A. (2015) Strike Wave in Vietnam, 2006–2011. *Journal of Contemporary Asia*. Vol. 45. No. 1: 71–91.
- Smirnova A.A. (2007) Southeast Asian countries are the leading investors in Vietnam. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. No. 10: 393–398. (In Russ.)
- Social protest in the modern East* (2016). Ed. by D.V. Streltsov. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Teik Kh.B. (2021) The Profound Impact of the BERSIH Movement since 2007. *ISEAS Perspective*. Is. 2021. No. 167.
- Thu H. (2014) The Anti-Chinese Riots in Vietnam: Responses from the Ground. *ISEAS Perspective*. No. 32: 1–8.
- Tishkov V.A., Stepanov V.V. (2004) *Measurement of conflict. Methodology and results of ethno-confessional monitoring of the EAWARN Network in 2003*. Moscow: IEA im. Mikluho-Maklavya RAN. (In Russ.)
- Tsvetov A. (2019) Southeast Asia 2018–2024: old wounds, new uncertainties. *Global forecast 2019–2024*. URL: <https://russiancouncil.ru/2019-southeastasia> (accessed 14.08.2023). (In Russ.)



- Tsvetov A.P., Tsvetov P. Yu. (2018) Public protests in Vietnam: the maturation of civil society or the prologue for a «color revolution»? *V'etnamskie issledovaniya* [The Russian Journal of Vietnamese Studies]. Ser. 2. No. 3: 5–17. (In Russ.)
- Vnukova L.B., Chelpanova D.D., Pashenko I.V. (2014) *Socio-political tension in a multi-ethnic region*. Rostov-on-Don: YuNTs RAN. (In Russ.)
- Wischermann J., Dang T.V.P., Sirait G.M. (2023) The State in a Capitalist Society: Protests and State Reactions in Vietnam and Indonesia. *Journal of Contemporary Asia*. Vol. 53. No. 2: 185–206.
- Yurevich A.V., Ushakov D.V., Tsapenko I.P. (2009) Quantitative estimation of macropsychological condition of modern russian society. *Psikhologicheskiye issledovaniya* [Psychological Studies]. No. 2 (4): 1–18. (In Russ.)

Received: 24.08.23. Final version: 21.01.24. Accepted: 21.01.24.

© 2024 г.

А.В. НОСКОВА, Д.В. ГОЛОУХОВА, Е.И. КУЗЬМИНА

## СТАТУСНЫЕ ПОЗИЦИИ И НАУЧНЫЙ КАПИТАЛ УЧЕНЫХ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

---

НОСКОВА Антонина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор (a.noskova@inno.mgimo.ru); ГОЛОУХОВА Дарья Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент (d.v.goloukhova@inno.mgimo.ru); КУЗЬМИНА Елена Игоревна – кандидат социологических наук, старший преподаватель (e.kuzmina@inno.mgimo.ru). Все – кафедра социологии МГИМО МИД России, Москва, Россия.

---

**Аннотация.** Исследуется распределение научного капитала и статусных позиций ученых в российской науке. Проблема неравенств в научной среде особо актуальна в новых условиях накопления научного капитала в связи с требованиями к открытости научных исследований и с широким использованием социальных научных сетей. Теоретико-методологическая рамка исследования основана на идеях Р. Мертон о дифференцированном накоплении преимуществ в науке и П. Бурдьё о характере доминирования в поле науки и значимых в науке формах социального капитала. Приведены результаты онлайн-опроса российских ученых (N = 551), цель которого – выявление зон разрывов и противоречий внутри поля российской науки. На основе интегральных индексов научного статуса выделены три категории ученых с разными научными позициями (высокой, средней и низкой), определены их социально-демографические характеристики. Раскрыто дифференцирующее значение чистого и институционального научного капитала. Выявлены противоречия между формально-статусным доминированием и доминированием в производстве передовой научной информации; формальными характеристиками научного статуса и субъективными, такими как показатели «отдачи» от накопленного научного капитала. Сделано предположение, что устранение выявленных противоречий средствами научной политики может способствовать развитию потенциала российской науки.

**Ключевые слова:** поле российской науки • научный капитал • неравенства в науке • научные статусные позиции • эффект Матфея • социальные связи в науке • доминирование в науке • потенциал российской науки

DOI: 10.31857/S0132162524010087

**Проблема исследования.** В сфере науки, как в любой социальной сфере, имеется социальная иерархия и социальная дифференциация, и, следовательно, проявляются свои формы неравенства. Проблема академических неравенств, неравномерного распределения преимуществ и статусов в научных сообществах, изначально сформулированная в социологии Р. Мертоном как эффект Матфея в науке [Merton, 1968; Мертон, 1993, Батыгин, 2001], нашла методологическое приращение в подходе П. Бурдьё к проблеме оценки значимости

---

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022).

символического капитала в поле науки [Бурдые, 2018; 2005]. В эмпирическом плане эта проблематика получила развитие в исследованиях разных аспектов неравенств между учеными: материального [Володарская, Киселева, 2001], гендерного [Rossiter, 1993], коммуникативного [Прайс, 1976; Прайс, Бивер, 1976; Крейн, 1976], социального аспекта, связанного с научным и моральным авторитетом ученого [Merton, 1968; Мертон, 1993; Бурдые, 2018].

Ныне проблема статусных различий между учеными актуализируется в связи с цифровыми, коммуникативными и другими условиями функционирования науки, а также в связи с требованиями открытости и доступности сведений о научной деятельности [Bultitude, 2011; Гримов, 2022]. Новая повестка расширяет контур научных исследований неравенств в науке. Широко исследуются неравенства в сфере цифровых компетенций исследователей [Носкова и др., 2022], значение которых для обретения учеными более высоких статусных позиций усиливается [Bultitude, 2011; Гримов, 2022].

Авторы поднимают вопрос о разработке теоретико-методологической рамки, позволяющей социологам наиболее полно изучать усложняющиеся неравенства в научной среде и выявлять условия, способствующие их сокращению. В статье представлены и проанализированы результаты исследования, валидирующие предложенную методологию. Его целью стало обозначение зон разрывов и противоречий внутри поля российской науки. В соответствии с концептуальным замыслом решались задачи, связанные с определением статусных позиций ученых, значимых для российской науки видов капиталов (институциональный, цифровой, коммуникативный), а также факторов, которые, помимо собственно вклада в науку, дифференцируют ученых с разными статусными позициями. Особый акцент сделан на соотношении статусных научных позиций, определяемых через формальные показатели (ученая степень, стаж научной работы, уровень цитируемости), с субъективным восприятием научной позиции, оцениваемой через показатели «отдачи» от соответствующего капитала, имеющегося у ученого.

**Теоретические аспекты исследования.** При разработке исходной концепции эмпирического исследования использовались идеи Р. Мертона о дифференцированном накоплении преимуществ в научном сообществе [Merton, 1968; Мертон, 1993], а также их интерпретации [Батыгин, 2001; Неделевская, 2023]. При этом теоретическая основа строилась на положениях П. Бурдые о поле науки и процессах распределения статусных позиций внутри этого поля [Бурдые, 2001; 2005; 2018].

Бурдые обосновывает свою исследовательскую линию в полемике с Р. Мертоном о функциях и предназначении науки. Мертон исходит из принципов структурного функционализма, в соответствии с которыми наука – социальный институт со своими правилами, нормами и целью, заключающейся в поиске и установлении истинного знания и в его продвижении [Мертон, 2006: 750–781]. Обращаясь к методологии поля и капиталов, Бурдые фокусирует внимание на процессах структурирования пространства статусных позиций посредством взаимодействия и борьбы агентов в сфере науки за обеспечение признания их научной продукции и за накопление специфического для данного поля капитала. Поле науки наделено особыми законами и собственными правилами игры, ставкой в которой становится научный авторитет [Бурдые, 2005: 474]. Борьба за научный авторитет «расчерчивает» поле науки, дифференцируя индивидуальных и коллективных агентов на две категории – доминирующие и доминируемые. Доминирующие занимают самые высокие статусные позиции, определяют правила функционирования научного поля [Бурдые, 2005: 480], задают правила игры, становясь флагманами приоритетных исследовательских тем.

Позиции агентов, согласно Бурдые, определяются накопленными капиталами. Особую значимость приобретают специфические виды капиталов – ресурсы, которые имеют для данного поля наивысшую ценность. Для науки специфическим видом капитала является капитал научный. Структура научного капитала определяет структуру научного поля, а также влияет на стратегии агентов [Бурдые, 2005: 486]. Научный капитал имеет два основных проявления через две формы власти – политической (институциональной) и специфической (индивидуального престижа) [Бурдые, 2001: 65]. Институциональная

власть соотносится с накоплением *институционального капитала* и достигается через формальные статусные позиции – должности, участие в репутационных мероприятиях, через власть над средствами научного производства. Специфическая власть основана на получении признания среди других ученых и связана с накоплением «*чистого научного капитала*» [там же: 66]. Для накопления двух видов научного капитала (институционального и чистого) агенты могут использовать автономные друг от друга стратегии, однако сбалансированное накопление этих двух видов научного капитала является сложной задачей [там же]. Приобретение институционального научного капитала требует от ученого вложения временного ресурса в расширение сети своих профессиональных контактов. Приращение чистого научного капитала сопряжено с ростом научного авторитета путем повышения уровня признания вклада ученого в науку. Большое значение имеют публикации в престижных изданиях, позволяющие ученому нарастить его *символический капитал*, являющийся проявлением научного капитала.

Научный капитал Бурдые соотносит и с *социальным капиталом*, то есть с социальными и профессиональными связями ученых как ресурсами для получения различных выгод и для его конвертации в другие виды капитала. Этот аспект научного капитала задает автономность поля науки, так как ученый (и научный коллектив) достигает признания ценности своего научного результата лишь через других ученых.

Пристальное внимание Бурдые уделит полю университета – особому месту борьбы обладателей научных статусов за доминирование. В университете структуризация статусных позиций представлена как сложный процесс сочетания капиталов и факторов [Бурдые, 2018: 82]. Среди них: социальный и культурный капиталы; капитал университетской власти (принадлежность к определенному высшему учебному заведению, наличие руководящей позиции); капитал научной власти (руководство научным коллективом, научным журналом); капитал научного престижа; капитал интеллектуальной известности (участие в телевизионных передачах, упоминание в газетах, журналах, статьях); политические диспозиции в широком смысле (участие в политических партиях, движениях) и др.

Применение теоретических положений П. Бурдые дает возможность исследовать поле российской науки, объединяя изучение статусных позиций ученых посредством аккумуляции чистого научного капитала и институционального капитала с иными видами капиталов, значимыми в меняющихся условиях производства и распространения научного знания (цифрового или сетевого капитала).

Данный подход лег в основу разработки методологии и инструментария эмпирического исследования «Научный капитал российских ученых в контексте распространения новых технологий», проведенного сотрудниками кафедры социологии МГИМО МИД России при участии Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ).

**Методология эмпирического исследования.** В сентябре – октябре 2022 г. нами проведен онлайн-опрос российских ученых ( $N = 551$ ). Использована квотная целевая выборка. При отборе контролировались: ученая степень, профиль специальности, региональная принадлежность респондента. Выборка репрезентативна по распределению ученых степеней и региональному распределению: в соответствии с данными Росстата 50% ученых представляют Москву и Санкт-Петербург, 50% – другие регионы<sup>1</sup>. Опрашивались специалисты в возрасте от 25 лет до предельных старших возрастов, имеющие ученые степени и занимающиеся научной деятельностью, что подтверждалось их участием в исследовательских проектах и научными публикациями за последние два года. Опрашивались научные сотрудники НИИ и академических институтов по всем отраслям науки (за исключением медицинских и сельскохозяйственных наук), имеющие ученую степень, а также преподаватели вузов с ученой степенью, занимающиеся научно-исследовательской

<sup>1</sup> Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации) (с 2010 г.): Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 01.11.2023).

деятельностью. Отдельное квотирование по академическим дисциплинам не осуществлялось. Респонденты отбирались из разных федеральных округов РФ, в которых сосредоточены крупные научно-исследовательские организации и университеты. Паспортичка содержала также вопросы о стаже профессиональной деятельности, по индексу Хирша, размерам дохода.

Данные по составу сформированной выборки: 1) по основному месту работы опрошенных: 265 чел. представляют вузы; 286 чел. – академические институты системы РАН и НИИ. При наличии у респондента нескольких аффилиаций его место работы определялось на основании ответа на дополнительный вопрос о том, какое из них он считает основным; 2) по ученому степеням: 378 чел. имеют ученую степень кандидата наук, 173 чел. – доктора наук; 3) по принадлежности к отраслям наук: 300 чел. представляют точные и естественные науки; 251 чел. заняты в области гуманитарных и социальных наук; 4) по месту проживания: 273 чел. проживают в Москве и Санкт-Петербурге; 278 чел. – в иных регионах.

Содержательные блоки вопросов анкеты ориентированы на сбор информации о разных видах капитала, а также факторах, дифференцирующих ученых с разными статусными позициями. Блок о цифровом капитале содержал вопросы об уровне владения цифровыми навыками, необходимыми для научно-исследовательской деятельности, о самооценке способности осваивать новые цифровые компетенции. Блок о социальном научном капитале включал фактологические вопросы об участии в коллективных исследовательских проектах, в том числе междисциплинарных научных коллективах, вопросы об опыте установления профессиональных контактов и связей, о результатах участия в совместных научных проектах с российскими и зарубежными учеными. Анкета также содержала вопросы, направленные на учет самооценок степени эффективности и креативности научной деятельности – социально-психологической компоненты научного потенциала [Luthans, Youssef-Morgan, 2017]. В частности, задавались вопросы о профессиональных мотивах, о мнениях респондентов в отношении их способности производить передовое научное знание, участвовать в научно-исследовательских проектах высокого уровня, активно участвовать в международной научной жизни и др.

Для дифференциации ученых на категории, учитывающие различие научных позиций, был введен интегральный индекс научного статуса, который включает формальные показатели институционального научного капитала и чистого научного капитала. В соответствии с описанной выше концепцией П. Бурдьё, использующего оба этих понятия, показателями институционального капитала, выражаемого позицией ученых в научных институтах, оказываются стаж работы, должность, ученая степень, ученое звание, тогда как показателем чистого научного капитала, выраженного их реальным вкладом в развитие науки, служит индекс Хирша за неимением лучших индикаторов. Валидность этих показателей также обусловлена их широким применением в практике – для формулирования квалификационных требований к должностям научных и педагогических работников в НИИ и вузах. Для приведения четырех используемых переменных к общей шкале они были нормированы к интервалу [0;1]. Суммирование четырех нормированных переменных позволило сконструировать индекс научного статуса с теоретическим минимумом равным 0 и теоретическим максимумом равным 4. Не все опрошенные смогли назвать свой индекс Хирша. Ответы этих ученых были исключены из анализа, и общий объем анализируемой выборки составил 465 респондентов. В зависимости от значений интегрального индекса все опрошенные разделены на три равные по объему группы: *ученые с низкими, средними и высокими статусными позициями*. Соответственно, значения индекса в группе ученых с низкой статусной позицией оказались в диапазоне от 0,010 до 0,540, в группе ученых со средней статусной позицией – от 0,541 до 1,170, в группе ученых с высокой статусной позицией – от 1,171 до 3,280. Данные по характеру распределения значений индекса для всей выборки приведены в табл. 1.

Для получения информации о субъективном восприятии слагаемых статусной позиции задавался вопрос о фактах, которые в большей степени говорят о *профессиональном*

Таблица 1

## Описательные статистики индекса научного статуса

Показатели статистического распределения значений индекса				
Min	Max	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана
0,01	3,28	1,05	0,78	0,72

Таблица 2

## Соотнесение видов капитала с атрибутами успешности ученого

Вид капитала	Атрибут успешности
Неспецифические виды капитала	
Экономический	Высокий уровень оплаты труда
Символический	Награды (ордена, медали, научные премии)
Виды научного капитала	
Институциональный капитал	Принадлежность к определенной структуре, наличие руководящей позиции в ней
Капитал научной власти	Большое количество учеников и последователей
Капитал морального авторитета	Моральный авторитет ученого
Капитал научного престижа	Международное признание
Капитал публичной известности	Широкая известность, публичность фигуры
Капитал научной известности	Большое количество публикаций, высокий уровень индекса цитируемости
Научный символический капитал	Ученые звания, ученые степени
Сетевой капитал	Большое количество подписчиков в блогах и социальных сетях

успехе ученого сегодня. Номинальная шкала вопроса о профессиональном успехе строилась по принципу соотнесения определенного вида капитала с его проявлением в виде конкретного атрибута успешности (табл. 2). Таблица приведена для пояснения возможностей дальнейшей дифференциации научного капитала. Выделенные атрибуты успешности позволили получить представление о субъективном восприятии респондентами научного статуса ученого, оцениваемого не через формальные показатели (должностное положение, стаж, уровень цитируемости), а фактически, через показатели «отдачи» от имеющегося у ученого капитала.

**Социально-демографические характеристики ученых с разными научными статусами.** Группа ученых с низкой статусной позицией представлена кандидатами наук. 73% обладателей данной ученой степени не имеют ученого звания (соответственно, 24,7% являются доцентами). Средний индекс Хирша в этой группе составляет 5,44. В группе ученых со средней статусной позицией также находятся кандидаты наук, среди которых 78,2% являются доцентами (соответственно, 21,8% не получили это звание). Средний индекс Хирша в этой группе составляет 9,61. В группе ученых с высокой статусной позицией преобладают доктора наук (97,4%). В этой группе 51% ученых имеют звание профессора, 23,2% – доценты, 21,3% не имеют ученого звания, оставшиеся 4,5% ученых в этой группе – академики и члены-корреспонденты РАН. В этой группе средний индекс Хирша равен 15,31. Наблюдается консистентность статусной позиции: различные виды капитала имеют тенденцию к параллельному накоплению и конвертируются друг в друга. Это справедливо и для экономического капитала: доход ученых с высокой статусной позицией в среднем выше. Ученые с различными статусными позициями отличаются с точки зрения социально-демографических характеристик (табл. 3). Так, среди ученых с высокой статусной позицией выше доля мужчин (69% в сравнении с 58,9% по выборке в целом). При этом в группе

Таблица 3

**Распределение ученых с различными статусными позициями по полу и возрасту**  
(в % от числа опрошенных)

Параметры	Статусная позиция			Всего по выборке
	низкая	средняя	высокая	
Пол				
Мужской	56,5	51,3	69,0	58,9
Женский	43,5	48,7	31,0	41,1
Возраст				
29–39 лет	56,6	8,3	3,2	22,5
40–49 лет	31,6	34,0	14,9	26,8
50–59 лет	8,6	28,8	29,2	22,3
60–89 лет	3,3	28,8	52,6	28,4
N	154	156	155	465

ученых с низкой статусной позицией распределение мужчин и женщин не отличается от общего распределения в выборке. Более высокая доля женщин выявлена в группе ученых со средней статусной позицией (48,7% в сравнении с 41,1% по выборке в целом).

Результаты исследования (табл. 3) подтверждают присутствие в поле российской науки «эффекта Матильды» [Rossiter, 1993] – ученые-мужчины легче обретают признание в науке, более эффективно накапливают научный капитал и чаще достигают высоких статусных позиций, чем ученые-женщины. Кроме того, ученые с низкой статусной позицией в среднем моложе, среди них выше доля молодых специалистов в возрасте до 39 лет (56,6% в сравнении с 22,5% по выборке), тогда как среди ученых с высокой статусной позицией более половины старше 60 лет (52,6% в сравнении с 28,4% по выборке).

**Оценка научной эффективности и исследовательская активность ученых с разными научными статусами.** Ученые с высокой статусной позицией чаще уверены в своей способности производить передовое научное знание (75,5% из них так считают, в сравнении с 68,9% среди ученых с низким научным статусом), активно участвовать в научной жизни в России (81,3% в сравнении с 74% среди ученых с низким научным статусом). Как видно по результатам опроса, *ученые с низким и высоким научным статусом в данном отношении различаются не сильно*. Более того, около четверти ученых с высокой статусной позицией не отметили свою способность «производить передовое научное знание».

Полученные данные показали, что *высокая статусная позиция ученого не является определяющей для исследовательской активности*. Респонденты с разными статусами практически с равной активностью участвуют в коллективных исследовательских проектах, в том числе междисциплинарных и с привлечением иностранных участников. За последние 5 лет в коллективных исследовательских проектах участвовало 84% респондентов с низкой статусной позицией, 80% – со средней, 84,5% – с высокой. Из них в проектах с привлечением иностранных коллег участвовало 23,3% ученых с низкой статусной позицией, 22,4% – со средней и 24,4% ученых с высокой статусной позицией. Опыт участия в междисциплинарных проектах имеется у 56,3% ученых с низкой статусной позицией, у 63% ученых со средней статусной позицией и у 64% ученых с высокой статусной позицией.

**Цифровой капитал ученых с разными статусными позициями.** Доля уверенных в своей способности быстро осваивать новые цифровые технологии и применять последние разработки выше в группе ученых с низкой статусной позицией (73% в сравнении с 54% в группе ученых с высокой статусной позицией). Это делает их и более уверенными в собственной востребованности как специалистов. О своей способности быть востребованным специалистом в России объявляют 64% ученых с низкой и 56% ученых с высокой статусной позицией. В своей востребованности на международном уровне уверены 32% ученых с низкой и 27% ученых с высокой статусной позицией. *Одно из возможных*

объяснений полученных различий связано с тем, что цифровые технологии меняют правила поля науки или их восприятие: процесс накопления цифрового капитала идет параллельно с накоплением капиталов других видов и не так зависим от последних. В то же время здесь наблюдается парадокс: меньшая уверенность ученых с высокой статусной позицией в своей способности осваивать новые цифровые технологии не подтверждается различиями в оценке уровня владения цифровыми компетенциями учеными с разной статусной позицией. Ученые с низкой и высокой статусной позицией одинаково оценивают свой уровень владения как простыми (работа в MS Office, со специализированным ПО, базами данных литературы и периодики и т.п.), так и сложными (работа с СУБД, языками программирования и т.п.) цифровыми навыками.

**Проявление эффекта Матфея в поле российской науки.** Значимые различия между учеными с разным статусом обнаруживаются в коммуникативных паттернах и практиках установления профессиональных связей. Исследователи с высокой статусной позицией чаще отмечают, что они легко устанавливают профессиональные связи с российскими коллегами, часто переходящие в устойчивые научные контакты (44,5% из них в сравнении с 17% среди ученых с низкой статусной позицией). Среди ученых с низким статусом выше доля тех, кто испытывает трудности при установлении новых профессиональных контактов (29%), тогда как ученые с высоким статусом реже отмечают эту проблему (19,4%).

Аналогичные тенденции наблюдаются при анализе взаимодействия российских ученых с зарубежными коллегами. Среди ученых с высоким статусом 42,6% утверждают, что им легко заводить профессиональные контакты с зарубежными учеными, тогда как среди ученых с низким статусом доля таких исследователей составила 24,7%. Опыт сотрудничества с учеными из других стран чаще имеют ученые с высоким статусом (80,6% в этой группе в сравнении с 52,6% в группе ученых с низким статусом).

В целом по выборке лишь 9,5% ученых целенаправленно занимаются установлением профессиональных контактов и связей. Более половины опрошенных не занимаются этим специально, но используют любую возможность для установления новых профессиональных знакомств. Каждый пятый ученый отметил, что не выступает инициатором новых профессиональных контактов, а профессиональные контакты 11,4% исследователей носят случайный характер. При этом опрошенные ученые с высоким статусом имеют более широкую сеть профессиональных контактов, в сравнении с учеными с низким статусом (табл. 4). В среднем они поддерживают регулярные связи с 20 российскими и 7 зарубежными коллегами, тогда как ученые с низким статусом имеют в среднем 12 устойчивых контактов с российскими и 4 контакта с зарубежными коллегами. Эти различия сохраняются и при сравнении ученых с разными статусными позициями, относящихся к одной возрастной группе.

Рассуждая о наиболее частых практиках установления профессиональных контактов в научном сообществе в целом, ученые в первую очередь отмечают встречи на конференциях (86,6%), на втором месте установление новых знакомств через коллег, знакомых (72,8%). При этом среди ученых с низкой статусной позицией такой способ установления новых знакомств распространен больше (83%), что говорит о высокой важности для них слабых связей. Они также чаще упоминают формальное общение через организацию как способ установления новых контактов (14,9% в сравнении с 3,9% среди ученых с высоким

Таблица 4

**Количество коллег, с которыми поддерживаются регулярные связи среди ученых с разной статусной позицией**

Статусная позиция	Российские коллеги	Зарубежные коллеги
Низкая	12,0	4,0
Средняя	13,7	4,9
Высокая	20,0	6,9
Всего по выборке	15,4	5,7



статусом). Более низкий научный статус способствует и более *позитивной* оценке совместной исследовательской деятельности. Ученые с более низким научным статусом несколько чаще отмечают, что участие в совместных проектах с другими российскими учеными способствовало увеличению их профессиональных знаний и навыков и расширению карьерных возможностей.

**Структура научного капитала в восприятии ученых.** Ответы респондентов на вопрос об атрибутах профессионального успеха ученого позволили получить представление об идеальном распределении видов научного капитала, посредством которого структурируются статусные позиции российских ученых. С большим отрывом перевешивает все другие виды научного капитала *капитал научной власти*, содержание которого было определено как наличие большого количества учеников и последователей. Более 60% от всех опрошенных указали на эту позицию в качестве маркера профессионального успеха ученого. Данная трактовка отличается от предложенной П. Бурдые, который включал в капитал научной власти руководство научным коллективом. Используемое в нашем исследовании содержание капитала позволяет более широко посмотреть на этот вид капитала и трактовать его не только с позиции институционального руководства, но и с позиции *формирования научной школы*. На втором месте в среднем по выборке оказался капитал научного престижа (международное признание). На него указало чуть более 44% всех респондентов. В тройке лидеров также оказался моральный авторитет ученого – на него указало 38% от всех опрошенных. Следующий ярус в структуре распределения капиталов в среднем по выборке занимают капитал интеллектуальной известности (большое число публикаций, высокий уровень индекса цитируемости) и научный символический капитал (табл. 5).

Внутри подвыборок веса и рейтинги атрибутов профессионального успеха распределились иначе, чем в среднем по выборке. Для участвующих в опросе представителей точных и естественных наук на втором месте стоит капитал научного престижа (атрибут международного признания набрал более 50%), а на третье место (41%) вышел капитал научной известности, выраженный в высоком индексе научного цитирования. Для представителей социально-гуманитарных наук значения этих показателей составили 36% и 26% соответственно. В их рейтинге капиталов на втором месте оказался моральный авторитет ученого, который сместил «международное признание» на третью позицию.

На последних строчках рейтинга оказался институциональный капитал (должность) и сетевой капитал ученого. Они набрали всего 1,5 и 0,7% соответственно.

Таблица 5

**Распределение мнений ученых о значимости атрибутов профессионального успеха**  
(% от числа респондентов, множественный выбор)

Индикаторы профессионального успеха	Всего	Научная область	
		точные и естественные науки	гуманитарные науки
Большое количество учеников и последователей	61,5	60,7	62,5
Международное признание	44,1	51,0	35,9
Высокий уровень морального авторитета	38,3	36,7	40,2
Высокий уровень индекса цитируемости	34,1	41,0	25,9
Ученые звания, степень	24,5	22,0	27,5
Большое количество публикаций	23,0	26,0	19,5
Широкая известность, публичность фигуры	15,8	11,7	20,7
Высокий уровень оплаты труда	15,4	12,0	19,5
Награды (ордена, медали, научные премии)	4,7	3,3	6,4
Высокая должность	1,5	0,7	2,4
Большое количество подписчиков в блогах, социальных сетях	0,7	0,3	1,2

Соотнесение рангов атрибутов успешности способствовало выявлению еще одной проблемной зоны отечественной науки – наличия в восприятии ученых разрыва между чистым научным и институциональным видами научного капитала. Такие атрибуты успешности, как большое количество учеников, международное признание, высокий уровень морального авторитета, респонденты фактически противопоставляют формальным атрибутам: наличие ученого звания, ученой степени и высокой должности. Можно предположить, что это связано не столько с реальным разрывом между этими видами научного капитала, сколько с негативной оценкой учеными практик формализации научной деятельности, к которым относится в том числе и введение наукометрических показателей.

В то же время наиболее значимые атрибуты успеха, выделенные учеными, в целом согласуются с формальными атрибутами научного статуса. Так, например, в условиях цифровизации мировое признание связывается с включенностью в международные базы публикаций и с наличием цитирований, а также с вовлеченностью в международные научно-исследовательские структуры и организации, то есть с наличием определенных должностей. По всей вероятности, высокий уровень индекса цитируемости особо ценится представителями точных и естественных наук, поскольку индекс Хирша, изначально разработанный для оценки ученых, работающих в области теоретической физики, является достаточно весомым индикатором вклада в науку именно для точных наук. Многие представители социально-гуманитарных наук настроены более скептически.

**Заключение.** Предложенная в рамках авторского исследования методология позволяет рельефно «расчертить» поле российской науки, обозначить зоны разрывов и противоречий внутри него. Расширенное применение подхода П. Бурдье к распределению капиталов в науке дает возможность эмпирически исследовать статусную дифференциацию в разных направлениях. Во-первых, можно посмотреть на неравенства сквозь призму статусных позиций российских ученых, которые соотносятся с формальными показателями статуса и содержат институциональный и чистый виды научного капитала (стаж профессиональной деятельности, значения индекса Хирша, ученое звание и ученую степень). Во-вторых, в анализ научного поля включаются актуальные научно-исследовательские фокусы, формирующие исследовательскую повестку сегодня (цифровизация науки, новые коммуникативные практики, гендерный фактор). В-третьих, возможно исследовать восприятие статусных позиций через оценку атрибутов профессионального успеха как показателей «отдачи» от разных видов капиталов.

Показано, что неоднородность «рельефа» определяется факторами и капиталами, дифференцирующими ученых с разными статусными позициями – гендерным, возрастным, коммуникативным, цифровым. На эмпирических данных подтвердились как эффект Матильды, так и эффект Матфея. Первый эффект проявился в том, что в категории «доминирующих» чаще представлены мужчины. Эффект Матфея проявился в дефиците коммуникативного, социального и символического капитала у ученых с низкой статусной позицией, которые, как правило, относятся к категории молодых исследователей. Высокостатусные ученые не только обладают большим по объему социальным научным капиталом, но и легче устанавливают профессиональные контакты, налаживают устойчивые профессиональные связи и поддерживают регулярные научные коммуникации с большим количеством отечественных и зарубежных коллег. Выявленные различия между статусными позициями ученых показывают, что сетевые формы коммуникации пока не компенсируют нехватку коммуникативного, социального и символического капитала. Для исследователей с более низким статусом большую значимость сохраняет мобилизация имеющихся в их распоряжении институциональных связей (личные знакомства), позволяющих преодолеть нехватку этих видов капитала.

По результатам исследований можно судить о наличии противоречий между формальным доминированием в поле науки и самовосприятием возможности вносить вклад в передовое научное знание; между формальными характеристиками научного статуса и субъективными показателями «отдачи» от научного капитала. Вероятно, разрешение

этих противоречий средствами научной политики, включая обновление национальной системы оценки работы ученых, научных групп и коллективов, будет способствовать развитию потенциала российской науки.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батыгин Г.С. «Эффект Матфея»: накопленное преимущество и распределение статусов в науке // *Ведомости прикладной этики*. 2001. № 18. С. 161–172.
- Бурдые П. *Nomo academicus*. М.: Ин-т Гайдара, 2018.
- Бурдые П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук / Под ред. Н.А. Шматко. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2001. С. 49–95.
- Бурдые П. Поле науки // *Социальное пространство: поля и практики* / Пер. с франц.; отв. ред., сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2005. С. 473–517.
- Володарская Е.А., Киселева В.В. Неравенство ученых – новая особенность российской науки // *Социология науки и технологий*. 2011. № 2. С. 52–60.
- Гримов О.А. Ученые в научных социальных сетях: коммуникативные практики, профессиональные связи и коллаборации // *Наукоевческие исследования*. 2022. № 1. С. 164–182.
- Крейн Д. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже» // *Коммуникация в современной науке* / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 183–218.
- Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ, 2006.
- Мертон Р. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // *THESIS*. 1993. № 3. С. 256–276.
- Неделевская И.Г. Парадокс эффекта Матфея в науке и его социологическое решение // *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023. № 1. С. 33–39.
- Носкова А.В., Голоухова Д.В., Кузьмина Е.И., Галицкая Д.В. Цифровые компетенции преподавателей в системе академического развития высшей школы: опыт эмпирического исследования // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31. № 1. С. 159–168.
- Прайс Д.Дж. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // *Коммуникация в современной науке* / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 93–109.
- Прайс Д.Дж., Бивер Д.Б. Сотрудничество в «невидимом колледже» // *Коммуникация в современной науке* / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 335–350.
- Bultitude K. The Why and How of Science Communication // In: *Science Communication* / Ed. by P. Rosulek. Pilsen: European Commission, 2011. P. 1–18.
- Luthans F., Youssef-Morgan C.M. Psychological Capital: An Evidence-Based Positive Approach // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2017. No. 4. P. 339–366.
- Merton R. The Matthew Effect in Science // *Science*. 1968. Vol. 5. No. 159. P. 56–63.
- Rositer M.W. The Matthew Matilda Effect in Science // *Social Studies of Science*. 1993. Vol. 23. No. 2. P. 325–341.

Статья поступила: 05.06.23. Финальная версия: 01.11.23. Принята к публикации: 09.11.23.

## STATUS POSITIONS AND SCIENTIFIC CAPITAL IN RUSSIAN SCIENCE

NOSKOVA A.V.\*, GOLOUKHOVA D.V.\*, KUZMINA E.I.\*

\*MGIMO University, Russia

Antonina V. NOSKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (a.noskova@inno.mgimo.ru); Darya V. GOLOUKHOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (d.v.goloukhova@inno.mgimo.ru); Elena I. KUZMINA, Cand. Sci. (Sociol.), Assist. Prof. (e.kuzmina@inno.mgimo.ru). All – Department of Sociology, MGIMO University, Moscow, Russia.

**Acknowledgements.** The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-327).

**Abstract.** The paper addresses scientific capital distribution and describes status positions of scientists in the field of modern Russian science. Inequalities in science are associated with a variety of factors including gender, wealth, symbolic and moral authority etc. However, technological development has emphasized the significance of new inequality forms based on digital and networking skills. An important question is how these new inequality factors change the field of science. The theoretical and methodological framework of the paper is based on the ideas of R. Merton on the differentiated allocation of rewards, as well as the provisions of P. Bourdieu on dominance in the field of science and on the types of scientific capital. The authors present the result of an online survey of Russian scientists (N=551), the aim of which was to identify the gaps and contradictions within the field of Russian science. To differentiate between the status positions of scientists the authors constructed an integral index of scientific status, according to which all the scientists were divided into three categories with low, medium and high status positions. Empirical data show that there is a contradiction between the scientific dominance based on formal status, and the one based on the production of advanced scientific knowledge. Formal characteristics of the scientific status do not fully reflect subjective perception of the return on the accumulated scientific capital. It is suggested that the elimination of contradictions by means of science policies may contribute to the development of Russian science.

**Keywords:** field of Russian science, scientific capital, inequalities in science, scientific status positions, Matthew effect, social ties in science, dominance in science.

## REFERENCES

- Batygin G.S. (2001) «The Matthew effect»: the accumulated advantage and the distribution of statuses in science. *Bulletin of Applied Ethics*. No. 18: 161–172. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2001) Clinical sociology of the scientific field. In: *Socioanalysis of Pierre Bourdieu*. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Ed. by Shmatko N.A. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia: 49–95. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2005) Field of science. In: *Social space: fields and practices*. Ed. by N.A. Shmatko. Moscow: IES; St. Petersburg: Aletheia: 473–517. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2018) *Homo academicus*. Moscow: In-tGaidara. (In Russ.)
- Bultitude K. (2011) The Why and How of Science Communication. In: *Science Communication*. Ed. by Ro-sulek P. Pilsen: European Commission: 1–18.
- Crane D. (1976) Social structure in a group of scientists: a test of the «invisible college» hypothesis. In: *Communication in modern science*. Ed. by E.M. Mirsky and V.N. Sadovsky. Moscow: Progress: 183–218. (In Russ.)
- Grimov O.A. (2022) Scientists in scientific social networks: communicative practices, professional connections and collaborations. *Science studies [Naukovercheskie issledovaniya]*. No. 1: 164–182. (In Russ.)
- Luthans F., Youssef-Morgan C. M. (2017) Psychological Capital: An Evidence-Based Positive Approach. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. No. 4: 339–366.
- Merton R. (1968) The Matthew Effect in Science. *Science*. Vol. 5. No. 159: 56–63.
- Merton R. (1993) The Matthew effect in science, II: cumulative advantage and the symbolism of intellectual property. *THESIS*. No. 3: 256–276. (In Russ.)
- Merton R. (2006) *Social theory and social structure*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Nedelevskaya I.G. (2023) The paradox of the Matthew effect in science and its sociological solution. *Zhurnal Belorusskogo gosuniversiteta [Journal of the Belarusian State University. Sociology]*. No. 1: 33–39. (In Russ.)

- Noskova A.V., Goloukhova D.V., Kuzmina E.I., Galitskaya D.V. (2022) Digital Competences of Teachers in the Higher Education Academic Development System: Experience of the Empirical Research. *Vysheobrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. Vol. 31. No. 1: 159–168. (In Russ.)
- Price D.J., Beaver D. (1976) Collaboration in an invisible college. In: *Communication in modern science*. Ed. by E.M. Mirsky, V.N. Sadovsky. Moscow: Progress: 335–350. (In Russ.)
- Price D.J. (1976) Trends in the development of scientific communication – past, present, future. In: *Communication in modern science*. Ed. by E.M. Mirsky, V.N. Sadovsky. Moscow: Progress: 93–109. (In Russ.)
- Rossiter M.W. (1993) The Matthew Matilda Effect in Science. *Social Studies of Science*. Vol. 23. No. 2: 325–341.
- Volodarskaya E., Kiseleva V. (2011) Inequality of Scientists – New Feature of the Russian Science. *Sociologiya nauki i tehnologii* [Sociology of science and technology]. Vol. 2. No. 4: 52–60. (In Russ.)

Received: 05.06.23. Final version: 01.11.23. Accepted: 09.11.23.

## СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

---

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор-исследователь. Кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия (garoldzborovsky@gmail.com).

---

**Аннотация.** В статье представлена история социологических исследований в Уральском регионе. Дана обобщенная характеристика региона как пространства развития социологии. Сравниваются условия развития теоретической социологии в Центральной России и на Урале. Обращается особое внимание на роль первых поколений социологов в становлении теоретической составляющей социологии в регионе. Выявлены две основные тенденции в развитии теоретической социологии на Урале – восходящая во второй половине XX в. и нисходящая в XXI в. Предлагается их объяснение. Делается вывод о необходимости поиска способа спасения теоретической социологии.

**Ключевые слова:** Уральский регион • теоретическая социология • история социологических исследований • направления развития социологической теории на Урале

DOI: 10.31857/S0132162524010095

**Становление социологических исследований на Урале.** Первые истоки социологических исследований на Урале восходят, по-видимому, к обследованиям земских статистиков второй половины XIX в. В начале 1870-х гг. земское собрание и управа Пермской губернии инициировали социально-статистические обследования бытовых условий проживания ее населения, уровня его грамотности, состояния воскресных школ, развития кустарных промыслов с изучением ряда других проблем [Анисимов и др., 1990; Романов, 2008]. Источниками информации для социальных статистиков выступали данные переписей населения Российской империи (в частности, однодневных переписей населения Екатеринбурга 1873 и 1887 гг.) и итоги подворных переписей. При губернских управах имелись постоянно действующие отделы народного образования, создавались статистические учреждения («столы», отделения, бюро или отделы). Так, при управе Пермской губернии «было учреждено статистическое бюро (председатель Е.И. Красноперов), работавшее со сведениями, полученными от земских учреждений, волостных правлений, служащих земств, агрономов»<sup>1</sup> [Романов, 2008: 55]. В ходе сбора статистических данных о состоянии народного образования «вынужденными статистиками» становились нередко народные учителя, от которых земские управы требовали заполнения учетных таблиц и предоставления отчетов. Встречались также случаи использования в обследованиях небольших вопросников в качестве вспомогательного инструментария. «Сведения, собранные по уездам, оформлялись в виде письменных отчетов, статистических таблиц и доставлялись в губернскую управу, где они обобщались в целом по губернии и предоставлялись во всеподданнейшем отчете губернатора императору» [там же].

Первые опросы на Урале проводились также активистами политических партий. В 1903 г. Пермский комитет РСДРП подготовил и распространил анкету «Вопросы

о положении рабочих на заводах, фабриках, мастерских». Сохранился подготовленный Екатеринбургским комитетом РСДРП «Опросный листок», включавший 58 вопросов об условиях труда и быта рабочих [Анисимов и др., 1990: 232].

Широкое проведение социологических исследований на Урале началось вскоре после Октябрьской революции в связи с проблемами, возникшими в ходе становления советского государства. Круг тем, которыми интересовалось руководство на местах, включал деятельность волостных Советов рабочих и крестьянских депутатов, повышение культурного уровня населения, борьбу с неграмотностью, образ жизни молодых рабочих в возрасте 14–23 лет, безработную молодежь, бюджеты времени различных социальных категорий населения. Изучение бюджетов времени проводилось по методике С.Г. Струмилина<sup>2</sup>. Подсчет в упомянутой выше работе (Анисимов и др.) показал, что на Урале в первой половине 1920-х гг. было проведено более 50 таких исследований. В те годы в состав Уральской области входило четыре губернии – Пермская, Вятская, Уфимская, Оренбургская, и в каждой проводились социологические исследования. Они осуществлялись как в сельских районах, так и в городах – Екатеринбург, Пермь, Вятке, Нижнем Тагиле, Невьянске и др. В таких исследованиях чаще всего использовались дневниковые записи и анкетные опросы.

В 1924 г. М.И. Альтшулер провел в Перми исследование бюджета времени студентов университета, вузов и техникумов города. В Екатеринбурге на Верх-Исетском заводе Н. Милославский изучал структуру денежных расходов рабочих-подростков. В целом в работах начала 1920-х гг. «намечается явный крен от изучения общественного мнения к превращению исследования в средство получения необходимых, но отсутствующих в статистике материалов. Все больше утверждалась система, при которой респондентом оказывался не индивид, а та или иная организация. Поэтому полученные данные проходили через “фильтр” субъективных устремлений руководства этих организаций (стремление «казаться лучше», смягчить остроту проблем). Это, естественно, сказывалось на степени объективности исследований» [Большой Урал..., 2001: 8].

Новый этап социологических исследований на Урале начинается с середины – второй половины 1920-х гг. Организаторами их становились государственные органы, научные учреждения и отдельные ученые. В Перми исследования проблем образования в городе и бюджетов времени школьников осуществлялись на стыке педагогики и социологии. В ходе них выяснялись читательские интересы, ориентации и установки учащихся. В Свердловске проводился хронометраж бюджетов времени учащихся четырех школ. Изучались также проблемы политехнизации свердловских школ.

В отличие от других регионов страны (Украины, Белоруссии, Поволжья), на Урале в тот период не было отмечено серьезных публикаций по теоретической социологии. Исследователи региона не участвовали в дискуссиях о специфике социологической науки, о ее месте в марксизме, ее соотношении с философией. Нам не известны ни учебники, ни монографии по социологии, написанные уральскими авторами в период 1920–1930-х гг. Между тем понятно, что развитие теоретической социологии в значительной мере связано именно с написанием учебников и монографий.

Специально следует сказать об исследовании труда и быта рабочих Верх-Исетского завода Свердловска, осуществленном под руководством заведующего кафедрой социальной гигиены Свердловского мединститута В.И. Величина в 1934–1935 гг. В ходе него проводилось сравнение условий труда и быта, образования и культуры, медицинского обеспечения и состояния здоровья уральских рабочих до революции и в середине 1930-х гг. Был использован также метод анкетного опроса рабочих данного

<sup>2</sup> С.Г. Струмилин, возглавлявший с 1920 по 1923 г. отдел статистики Наркомата труда РСФСР, инициировал проведение большой серии социолого-статистических обследований бюджетов времени в семьях рабочих и крестьян.

предприятия. Выборка составила 12% от генеральной совокупности рабочих завода и была вполне репрезентативной.

Во второй половине 1930-х гг. социологические исследования на Урале были прерваны так же, как и во всей стране. Одни социологи подверглись репрессиям, другие отказались от их дальнейшего проведения. Среди последних был и В.И. Величкин, который так и не довел до конца названную выше работу. Социология на Урале повторила судьбу социологии в СССР и оказалась примерно на четверть века преданной забвению [Зборовский, 2015: 243–244]. Как и во всей стране, второе рождение социологии<sup>3</sup> на Урале приходится на конец 1950-х гг.

Мы представили здесь краткое описание начала истории уральской социологии, чтобы показать почву, на которой стало возможным отчасти возродить, отчасти вновь создать условия для проведения как эмпирических, так и теоретических социологических исследований в регионе. Но прежде чем перейти к рассмотрению последних, целесообразно обсудить содержание, вкладываемое в понятие региона вообще и Уральского в частности, которое существенно менялось в последние десятилетия, а в начале XXI в. приобрело еще и политическую окраску, что не могло не сказаться на его социологической характеристике.

**Уральский регион как пространство развития социологии.** Характеризуя понятие региона (от лат. regio – «страна», «область»), будем исходить из трактовки его как определенной части страны, отличающейся от других ее частей некоторой совокупностью относительно устойчивых естественных (природных) и социально-экономических и географических связей и особенностей, нередко сочетающихся со спецификой национального состава населения. Традиционно регион рассматривался в первую очередь в связи с его географическим и экономическим содержанием. Региональная экономика как специальная научная дисциплина фиксирует наличие в РФ 12 регионов (Центр, Северо-Запад, Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток и др. См.: [Региональная экономика, 1998]). Вместе с тем в 1990-х, а затем и в 2000-х гг. понятие региона существенно изменилось, получило дополнительные признаки [Кахаров, 1996; Староверов, 1998].

Сегодня понятие региона имеет в РФ скорее политико-административный, нежели социально-экономический смысл. С точки зрения обыденного словоупотребления регионы сейчас – это области и республики в составе РФ. Для их обозначения используется также термин «субъект Федерации», который имеет административно-бюрократическое происхождение. В последнее время к этому добавилось еще и более широкое понятие федерального округа, который стал включать определенное количество субъектов РФ. В силу политических интересов руководства страны границы сложившихся в течение многих десятилетий экономических регионов страны были изменены.

Такие перемены коснулись и структуры Уральского региона. Если до 2000-х гг. в него входили Свердловская, Челябинская, Пермская, Курганская, Оренбургская области, Республики Башкортостан и Удмуртия, то сейчас в Уральский федеральный округ оказались включенными Свердловская, Челябинская, Тюменская, Курганская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Эта ситуация не могла не сказаться на состоянии социологии в регионе. Привычные, налаженные десятилетиями связи и контакты перестали получать естественные импульсы для своего укрепления. К счастью, сами социологи не стремятся разрывать эти связи, прекрасно понимая их значение для развития науки. В целях учета всей этой совокупности областей и автономных округов Уральского федерального округа и тесно связанных с ним соседних территорий нами здесь и далее используется понятие *Большого социологического Урала* (БСУ).

---

<sup>3</sup> Термин, предложенный Б.З. Докторовым и используемый рядом отечественных социологов, в том числе нами (см.: [Докторов, 2023]).



Появление БСУ произошло благодаря активной деятельности социологов старших поколений Уральского региона и при поддержке представителей следующих за ними социологических когорт. Этот факт требует особого внимания и свидетельствует о методологической необходимости применения нового для анализа истории социологии на Урале подхода – поколенческого. Попытка его введения осуществлена в нашей статье [Докторов, Зборовский, 2021].

С изменением состава региона изменяется его социологическое пространство. В отличие от экономических, хозяйственных, политических, культурных связей, вектор которых стал заметно смещаться в сторону Западной Сибири, в социологическом пространстве Урала этого не произошло. Традиционные связи остались и даже укрепились. Большую роль сыграли в этом процессе регулярно организуемые Уральские социологические чтения.

Что касается обновленного социологического пространства, включившего в себя, помимо хорошо развитой социологии в Тюменской области, два автономных округа – ХМАО и ЯНАО, то его расширение пошло им на пользу. Так, благодаря активному взаимодействию вузов ХМАО – Югры и Екатеринбурга в области социологии и научному руководству профессоров из столицы Урала в этих округах появились свои доктора и кандидаты социологических наук, осуществляется подготовка бакалавров, магистров и аспирантов по программам социологии, проводятся серьезные социологические исследования по заказам властных структур округа.

**Теоретическая и эмпирическая база статьи.** Теоретическая база статьи формировалась в процессе изучения социологических трудов ведущих уральских социологов за последние 60 лет. Большое значение имели работы основателей научных социологических школ и наиболее известных ученых в субъектах Российской Федерации, входящих в состав БСУ (работавших ранее и работающих сейчас в Екатеринбурге, Перми, Уфе, Тюмени, Челябинске, Ижевске и других городах). Основными методологическими подходами в нашем исследовании стали историко-социологический, теоретико-социологический, социолого-биографический. Особое внимание уделялось поколенческому подходу.

Основными методами исследования были глубинные интервью, биографический метод и метод изучения документов. Объектом исследования стали 160 уральских социологов. Исследование проводилось путем изучения содержания опубликованных ими научных трудов, позволивших получить представление об их вкладе в развитие социологии. Глубинные интервью с уральскими социологами семи поколений были проведены Б.З. Докторовым. Всего их 23, включая три интервью об ушедших из жизни социологах I и II поколений с их родственниками и коллегами. Четыре интервью проведены с социологами III поколения, еще четыре – IV, два – V, семь – VI, три – VII поколения [Докторов, 2011–2020; Докторов, 2016].

Об остальных социологах (137 человек) сведения были получены автором статьи путем изучения их биографий и автобиографических данных, взятых из различных справочников и энциклопедических изданий, СМИ и социальных сетей, а также выложенных на сайтах вузов и научных учреждений. I поколение представляли 4 социолога, II – 15, III – 32, IV – 34, V – 33, VI – 9, VII – 10 человек.

При написании статьи был использован также контент-анализ. В ходе него в качестве смысловых единиц выделялись регионы, представители социологической науки которых заявляют публично о своем интересе к теоретической социологии, оставляя после себя соответствующие «следы» – публикации в профессиональной литературе в виде монографий и статей. После выделения смысловых единиц (регионов) подсчитывалось количество статей из них. Поскольку журнал «Социологические исследования» на протяжении многих лет ежегодно публикует статьи теоретического характера в рубриках «Харчевские чтения» и «Теория и методология», подсчет материалов, поступивших из регионов за 10 последних лет, дает достаточно объективный срез

участия региональных социологов в разработке социологической теории. Конечно, статьи теоретического характера печатаются в журнале не только по этим двум рубрикам, но именно в них обнаруживается высокая степень регулярности статей по проблематике социологического теоретизирования.

В качестве информационной базы мы использовали статьи социологов из регионов, т.е. проживающих и работающих вне московских и Санкт-петербургских вузов и академических учреждений. Всего за последние 10 лет (начиная с 2013 г.) были опубликованы статьи авторов из 20 городов – центров регионов России (помимо Москвы и Санкт-Петербурга). Среди них – Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Новосибирск, Иркутск, Чита, Тюмень, Красноярск, Саратов, Барнаул, Уфа, Воронеж, Кемерово, Томск, Волгоград, Н. Новгород, Ярославль, Белгород, Ульяновск, Курск, Кострома. В этом перечне не представлены социологи из таких известных центров развития социологической науки и крупных городов-миллионников, как Казань, Самара, Пермь, Челябинск, Омск. Еще раз отмечу, что мы выделяли статьи теоретико-социологического характера по названию и по содержанию. Отсюда следует, что мы не касались тех городов, социологи из которых публиковали статьи, написанные по результатам эмпирических исследований. Авторы таких статей, конечно, значительно больше. Среди них – представители большинства республиканских, областных центров и просто крупных и не очень крупных городов.

По такому критерию, как частота публикаций, мы можем разделить социологов-теоретиков из регионов на три группы. *Первая* – это социологи, исследующие в основном теоретические проблемы нашей науки и пишущие исключительно по ним. Их в нашем регионе совсем немного, чуть более десяти. Специалистам они достаточно хорошо известны, авторам журнала «Социс» – тем более. Ежегодно (или почти ежегодно) они участвуют в «Харчевских чтениях» – одной из немногих регулярно проводящихся в России на протяжении ряда лет теоретических конференций. Города, в которых они живут и работают, – это Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Новосибирск, Чита, Иркутск, Белгород и некоторые другие.

*Вторая группа* включает социологов из регионов, время от времени работающих в области социологической теории. Она также сравнительно небольшая. Интерес ее представителей к теоретической социологии нерегулярен, он возникает *ad hoc*, в связи с конкретной проблемой тех или иных «Харчевских чтений». Если не ежегодно, то раз в 2–3 года они участвуют в этих чтениях. Социологии этой второй группы представляли такие города, как Тюмень, Красноярск, Саратов, Барнаул и др.

*К третьей группе* социологов из регионов, стремящихся представить свои позиции по отдельным проблемам теоретической социологии, можно отнести тех, кто редко выступает в регулярной социологической периодике. Хотелось бы, чтобы их стало больше, и чтобы совершался переход социологов из третьей группы во вторую, а из нее – в первую.

**О появлении и распространении теоретической социологии в регионах и на Урале.** Для развития социологической теории в регионах страны немало сделано представителями первых поколений отечественных социологов. Некоторые из них сами жили и работали в центрах регионов на протяжении долгого времени или имели в них своих учеников. «Отцы-основатели» отечественной социологии, представители ее первого поколения (возрождавшие или «вновь рождавшие» советскую/российскую социологию) в значительной степени одновременно являлись и эмпириками, и теоретиками. Назовем лишь несколько наиболее ярких представителей той когорты из регионов страны: Т.И. Заславская, Л.Н. Коган, Р.В. Рывкина, В.Н. Шубкин, Н.А. Аитов, З.И. Файнбург.

В развитии советской/российской социологии в регионах большую роль сыграли социологические школы. Это Новосибирская экономико-социологическая школа (во главе с Т.И. Заславской), Ленинградская школа (во главе с В.А. Ядовым), школа изучения общественного мнения (во главе с Б.А. Грушиным), Уральская школа (во главе

с Л.Н. Коганом), школа исследования проблем молодежи и образования (во главе с В.Н. Шубкиным).

В данной статье мы не касаемся появления социологических школ на Украине, в Белоруссии, в прибалтийских республиках, в Закавказье (Грузия, Армения). Но важно понимать, что, во-первых, в СССР существовали и развивались социологические центры и возникали социологические школы в названных географо-экономических и социально-политических структурах. Во-вторых, они работали во взаимодействии с социологическими центрами в России, испытывая на себе их влияние и оказывая, в свою очередь, влияние на них. В-третьих, и сегодня сохранились связи (в основном на межличностном уровне) между социологами России и названных выше регионов.

В соответствии с предметом статьи остановимся подробнее на развитии теоретической социологии на Урале, начало которому было положено после ее второго рождения в конце 1950-х – начале 1960-х гг. У ее истоков находились М.Т. Иовчук, Л.Н. Коган, М.Н. Руткевич. Этому процессу предшествовало важное событие того времени, которое произошло в эмпирической социологии, – вышла в свет подготовленная в Свердловске коллективная монография «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» [Подъем культурно-технического уровня..., 1961]. Это был заметный шаг на пути к превращению Свердловска в один из крупнейших в стране социологических центров, наряду с тремя другими – Москвой, Ленинградом, Новосибирском.

Среди регионов ведущими были Западная Сибирь, Урал, Прибалтика, Украина. В Уральском регионе социология, прежде всего теоретическая, развивалась наиболее заметно в Свердловске, Перми и Уфе. На позиции лидера социологии в Свердловске и на Урале в целом быстро выдвинулся Л.Н. Коган, в двух других названных городах реальными лидерами были З.И. Файнбург и Н.А. Аитов.

Социология на Урале рождалась «во второй раз» на основе развития прежде всего теоретической социологии. Здесь наиболее значим вклад двух старших поколений уральских социологов [Зборовский, Вишневецкий, 2008]. Первые исследования на рубеже 1950–1960-х гг., работы 1960-х, 1970-х, даже 1980-х гг. в значительной мере были теоретическими и заключались в создании социологических концепций рабочего класса, социальной структуры общества, культуры, труда и производства, образа жизни в его различных аспектах, социального планирования и управления, общественных отношений, свободного времени, молодежи, студенчества<sup>4</sup>. В ряде исследований в рамках первого периода становления социологии на Урале (от рубежа 1950–1960-х до 1990-х гг.) предпринимались попытки соединить теоретический и эмпирический анализ проблем в обозначенных выше проблемных полях, но, как правило, теоретико-социологический анализ преобладал.

Почти все названные ученые были докторами наук. В то время (как и в течение нескольких последующих десятилетий, вплоть до 2010 г.) для защиты докторской диссертации необходимо было представить в обязательном порядке монографию, содержащую серьезное теоретическое исследование проблемы. Поэтому участие в развитии социологической теории, личный вклад в этот процесс становились естественными требованиями научной общественности [Социология на Урале..., 2015]. Многие из упомянутых исследователей были включены в процесс разработки теорий социально-классовой, социально-территориальной, социально-демографической, профессиональной структуры, в изучение теоретических проблем профессиональной деятельности, труда и морали, общественных отношений, культуры, духовного мира рабочего класса, социалистической интеллигенции, социальной активности, досуга, образования, в критический

<sup>4</sup> Авторами названных концепций были: Л.М. Архангельский, Ю.Е. Волков, Д.М. Гилязитдинов, С.Ф. Елисеев, О.Н. Жеманов, Р.А. Злотников, Г.М. Коростелев, Л.Я. Рубина, Г.В. Мокроносков, В.Г. Мордкович, В.Г. Нестеров, Г.П. Орлов, В.Д. Попов, Ф.Р. Филиппов, В.С. Цукерман, Е.С. Шайдарова, Л.Е. Эпштейн и др.

анализ буржуазных социологических теорий и др. Монографии по названным темам и проблемам свидетельствуют о включенности социологов Урала в теоретические поиски.

Следующее поколение уральских социологов (в нашей классификации оно названо третьим [Зборовский, 2022]) было первым действительно массовым (его представляли более сотни исследователей из всех областей и автономных республик Урала) и в то же время последним, в котором сохранился относительно выраженный интерес к развитию социологической теории. Более 30 докторов наук разрабатывали ее проблемы в своих диссертациях и распространяли знание о них в широкой социальной среде. 1990-е гг. были активным периодом их творчества, многие в это время защищали докторские диссертации, писали монографии и учебники, в чем испытывало острую потребность быстро развивавшееся на Урале социологическое образование. Глубокое влияние этого поколения на развитие уральской социологии до сих сохраняется несмотря на то, что большая часть его представителей уже не обладает административным ресурсом.

Последующие поколения уральских социологов (с IV по VII) не уделяли пристального внимания вопросам теоретической социологии, не делали ее главным предметом своего творчества. Поэтому в данной статье мы ограничиваемся рассмотрением первых трех поколений и отсылаем читателей к характеристике последующих четырех, изложенной в другой публикации [Зборовский, 2022]. Вместе с тем было бы неверным говорить о полном отсутствии интереса к социологической теории со стороны современных социологов БСУ. Ими защищаются докторские диссертации, изредка публикуются фундаментальные монографии и теоретические статьи, что дает основание надеяться на возрождение традиций исследований теоретического характера на Урале. Краткую характеристику особенностей и направлений подобных поисков мы представим в заключительном разделе статьи.

**Особенности и направления развития социологической теории на Урале.** Отметим некоторые особенности теоретической деятельности уральских социологов. Первая из них состоит в том, что значительная часть концептуального социологического пространства открывалась и осваивалась первыми двумя поколениями теоретически подготовленных ученых. Собственно, они и развивали социологическую теорию, что стимулировало интерес к ней ближайших коллег, учеников, следующих поколений ученых. Та теория, которой они занимались, была в ряде случаев на стыке с философией, политэкономией и научным коммунизмом. Но какой-то части исследователей удавалось уходить от такого «микста». В ряде работ в рамках первого периода становления социологии на Урале предпринимались попытки соединить теоретический и эмпирический анализ проблем социальной структуры, культуры, труда и производства, рабочего класса и др., но, как правило, теоретико-социологический анализ преобладал.

Говоря о втором периоде развития социологии на Урале (1990–2020 гг.), отметим значительное усиление интереса к эмпирическим работам и ослабление – к теоретическим. Этот процесс был во многом обусловлен переходом к массовому написанию кандидатских диссертаций, которые, в отличие от докторских, не требовали доминанты теоретико-социологического аспекта исследования. Замена обязательных монографий большим количеством статей также ослабила интерес к разработке социологических концепций.

Вторая особенность развития социологической теории на Урале состояла в том, что она развивалась в рамках как вузовской, так и академической науки. Большую роль в процессе взаимодействия той и другой сыграли отдел социологических исследований Института экономики Уральского отделения АН СССР (затем РАН) и кафедры социологии ведущих университетов в Свердловске (Екатеринбурге), Перми, Уфе, Тюмени.

Третья особенность развития и распространения социологической теории в регионе связана с активностью Уральской социологической школы и регулярным (в среднем раз в два года) проведением Уральских социологических чтений, в рамках которых постоянно обсуждались и обсуждаются по сей день теоретические проблемы социологии. Поскольку эти чтения проводились в разных городах Уральского региона (вплоть до начала XXI в.), к обсуждению проблем социологической теории привлекались все новые и новые люди. Важной особенностью чтений было приглашение на них ведущих социологов страны, а иногда и зарубежных ученых (особенно начиная со второй половины 1990-х гг.).

О четвертой особенности мы говорим в связи с появлением БСУ и расширением УрФО на Восток и Север, с включением в его структуру Тюменской и Курганской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономного округов. Особенно значимым для развития социологической теории стало вхождение в структуру Урала Тюменского региона, где ей уделялось определенное внимание (в ряде случаев за счет тесного взаимодействия с социологами из Москвы). Именно в этом регионе развитие социологии и социологической теории стало предметом особого интереса вследствие заботы властных структур о проведении социологических форумов, значимых исследований, дискуссий. Более того, ряд руководителей региона в течение нескольких лет защитили докторские и кандидатские диссертации по социологическим наукам.

Пятой особенностью развития социологической теории на Урале был присущий авторам, тяготевшим к ней, провинциализм, возникший как следствие разрыва между социологическим центром и регионами. Мы рассматриваем социологический провинциализм как прямое следствие снижения духовного потенциала во многих регионах страны, как незнание их научной общественностью того, что делают другие исследователи в своей стране и в мире в области изучения тех же самых проблем. Особенно это проявляется в качестве исследований и публикаций. Социологический провинциализм выступает как концептуальное и технологическое отставание социологов (и научных коллективов) от переднего края мировой науки, замыкание на задачах вчерашнего дня и в лучшем случае воспроизведение того, что уже было сделано [Гиляров, 2007]. Причем это не столько особая научная позиция, сколько своеобразное «состояние души» социолога, стремление к «научному покою», отсутствие мотивации социологического творчества.

В условиях перестроечного и постперестроечного периода социологи Уральского региона работают в рамках многих направлений научного поиска. Некоторые из ученых продолжают исследования, ведущиеся на протяжении целого ряда лет, другие стремятся к обновлению тематики в соответствии с духом времени и появляющимися новыми социальными потребностями. Остановимся коротко на основных направлениях теоретических исследований социологов Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Уфы, Тюмени.

Социологические исследования ученых Екатеринбурга характеризуются большим разбросом интересов – от проблем развития социологической теории на ее различных уровнях и изучения истории классической и современной отечественной и зарубежной социологии до теоретического анализа различных сторон общественной жизни. Содержанием многих исследований стало выявление детерминации человеческой деятельности в определенных культурных формах. Разрабатывается теория творчества, в рамках которой рассматривается творческий процесс в единстве деятельности и результата. Важным направлением теоретических исследований на протяжении ряда лет остается социологическая теория управления городом. Большое внимание уделяется социологическому анализу человека во взаимосвязи природного и социокультурного. На базе теории социальной общности исследуются ее различные виды, особенно в сфере образования, в том числе высшего. Одним из направлений теоретических исследований выступает разработка проблем социального управления стратегиями поведения социальных общностей.

Социологи Перми продолжают исследовать комплексную проблему «Общество и личность», уделяя внимание методологии системного анализа, разработке принципов историзма и диалектики. В центре внимания ряда социологов – проблемы теории труда и производства, социальной структуры и социальной стратификации современного общества, особенностей социального управления. Одно из важных направлений работы пермских социологов – социальное прогнозирование общественных процессов, касающееся, в том числе, развития Прикамья. Своеобразным обобщением результатов этих исследований являются традиционные публикации материалов Файнбургских социологических чтений «Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований».

Среди основных направлений исследований челябинских социологов – теоретические проблемы социальной политики и ее реализации на Южном Урале, новых социальных институтов и практик, социологии семьи, социальной защиты населения, проживающего на территориях радиоактивного заражения, разработка теории информационного пространства, социально-политические ориентации населения в зеркале теоретического и эмпирического исследования, социокультурная сфера как предметное поле теоретического и эмпирического анализа.

Разнообразен круг интересов социологов Республики Башкортостан. Среди них злободневные теоретические проблемы трансформации и реформирования общества в России и Башкортостане, устойчивого развития региона, отношений между федеративным центром и субъектами Федерации, совершенствования межнациональных и этнополитических отношений, развития национально-культурных объединений, факторов и механизмов выявления социального потенциала, различных сторон образования как социального института, теория девиантного поведения.

Социологи Тюмени активно исследуют социально-экономические проблемы региона, его мощный социальный, культурный и интеллектуальный капитал, обращаются к изучению молодежи, ее ценностных ориентаций и различных сторон поведения. Большое внимание уделяется вопросам развития высшего образования на концептуальном уровне. Особое направление развития теоретической социологии составляют междисциплинарные исследования человеческого капитала в ресурсной парадигме. Авторы расширили теоретико-методологические подходы к изучению социально-экономических аспектов развития сельских территорий, паттернов поведения различных социальных страт на селе.

Здесь были названы лишь основные (да и то, вероятно, не все) направления, в рамках которых осуществляли свои теоретические исследования в постперестроечный период и продолжают это делать сейчас социологи Урала. Но даже и этот перечень показывает значительный научный потенциал большого отряда отечественных социологов, которому в XXI в. суждено достижение новых высот. Овладение ими – задача не только старшего и среднего поколений уральских социологов, но и молодежи, получающей сегодня профессиональное социологическое образование и готовящейся занять место рядом со своими взрослыми коллегами.

**Заключение.** Наука на Урале внесла немалый вклад в развитие теоретической социологии, особенно в период ее «второго рождения» и последующие десятилетия XX в. Но в дальнейшем, к сожалению, общая тенденция в регионе, как и в стране в целом, в этом отношении была нисходящей. Эмпирические исследования быстро отодвинули развитие теоретической социологии на второй план. Вместе с тем роль теоретической социологии в конце прошлого – начале нового столетия по-прежнему оставалась заметной, хотя и не такой, какой была несколькими десятилетиями раньше. Происходило постепенное выравнивание развития социологии по регионам, и на этом фоне доминантная роль уральской социологии естественным образом снижалась. Аналогичное выравнивание происходило и внутри нее, по мере того как набирала силу социология в Перми, Уфе, Челябинске, Тюмени.

Заметным стало практически полное отсутствие интереса к теоретической социологии. Причин данного феномена несколько, все они носят серьезный характер и затрагивают, к сожалению, не только уральскую, но, по существу, всю отечественную социологию. Среди них: вузовские образовательные программы по социологии, в которых все сильнее сокращается удельный вес историко-социологической и теоретико-социологической составляющей в каждом новом варианте стандарта; невысокие публикационные требования к авторам со стороны издательств и изданий; акценты в профессиональной деятельности социолога исключительно на проведение эмпирических исследований и трактовку их результатов и др. В основе всего этого лежит, по нашему мнению, снижение общественной и государственной заинтересованности в развитии теоретической социологии. В таких условиях «спасение утопающих» становится делом их самих. Необходим как индивидуальный, так и коллективный поиск спасения теоретической социологии.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов С.А., Коган Л.Н., Павлов Б.С. Из истории социологических исследований на Урале (конец XIX в. – 1985 г.). Свердловск: ИЭ УрО РАН, 1990.
- Большой Урал – XXI век: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конференции: в 3 ч. Ч. 2. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2001.
- Гиляров А.М. Провинциализм как угроза российской науке // Русский Журнал (russ.ru), интернет-издание. 18.12.2007. URL: [http://www.russ.ru/pole/Provincializm-kak-ugroza-rossijskoj-nauke?fb\\_comment\\_id=10150269719967709\\_26457490](http://www.russ.ru/pole/Provincializm-kak-ugroza-rossijskoj-nauke?fb_comment_id=10150269719967709_26457490) (дата обращения: 10.11.2023).
- Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами / Ред. электр. изд. Е.И. Григорьева. М., 2011–2020. URL: [https://www.isras.ru/index.php?page\\_id=3074](https://www.isras.ru/index.php?page_id=3074) (дата обращения: 03.02.2022).
- Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски: в 9 т. М.: ЦСПиМ, 2016. URL: [https://www.isras.ru/files/el/hta\\_9/html/titul.htm](https://www.isras.ru/files/el/hta_9/html/titul.htm) (дата обращения: 03.02.2022).
- Докторов Б.З. Не возрождение, но второе рождение // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 151–156. DOI: 10.31857/S013216250028544-1.
- Докторов Б.З., Зборовский Г.Е. Поколенческий подход к современной отечественной социологии как теоретическая проблема: общероссийские и региональные аспекты // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 79–90.
- Зборовский Г.Е. История социологии: современный этап. Сургут–Екатеринбург: СурГПУ, 2015.
- Зборовский Г.Е. Социология в регионе как предмет научного исследования // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 1. С. 121–142.
- Зборовский Г.Е., Вишневецкий Ю.Р. Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 69–74.
- Кахаров А.Г. Социология регионов. М.: ИНФРА-М, 1996.
- Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса / Под ред. М.Т. Иовчука и др. М.: Соцэкгиз, 1961.
- Региональная экономика / Под ред. Т.Г. Морозовой. М.: ЮНИТИ, 2001.
- Романов А.П. Некоторые аспекты организации Вятским и Пермским земствами статистических обследований народного образования в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского госун-та. 2008. № 24. С. 53–63.
- Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век / Отв. ред. Г.Е. Зборовский. Екатеринбург: УрФУ, 2015.
- Староверов В.И. Социология регионов // Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.

Статья получена: 09.06.23. Принята к публикации: 04.12.23.

## SOCIOLOGICAL THEORY IN THE URAL REGION: HISTORY AND MODERNITY

ZBOROVSKY G.E.

*Ural Federal University, Russia**Garold E. ZBOROVSKY, Dr. Sci. (Philos.), Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia (garoldzborovsky@gmail.com).*

**Acknowledgement.** The research was carried out at the expense of a RSF grant No. 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>.

**Abstract.** The article examines the process of formation and development of sociology, especially theoretical, in one of the most scientifically developed regions of the country – in the Urals. It shows the emergence of the sociological Urals in the period after the «second birth» and its development in the XX century GSU – the Great Sociological Urals. Special attention is paid to the role of the first generations of sociologists in the formation and development of its theoretical component in the region. Two main trends of theoretical sociology in the Urals are considered – the ascending one in the second half of the XX century and descending in the XXI century. An explanation of this process is offered. The conclusion is made about the need to find a way to save theoretical sociology.

**Keywords:** Ural region, theoretical sociology, history of research, features and directions of development of sociological theory in the Urals.

## REFERENCES

- Anisimov S.A., Kogan L.N., Pavlov B.S. (1990) *From the history of sociological research in the Urals (late XIX century – 1985)*. Sverdlovsk: IE UrO RAS. (In Russ.)
- Big Ural – XXI century: collection of materials of the Russian scientific and practical conference.* (2001): at 3 p. P. 2. Ekaterinburg: USTU–UPI. (In Russ.)
- Biographical interviews with colleagues-sociologists.* (2011–2020) Ed. by E.I. Grigorieva. Moscow. URL: [https://www.isras.ru/index.php?page\\_id=3074](https://www.isras.ru/index.php?page_id=3074) (accessed 03.02.2022). (In Russ.)
- Doktorov B.Z. (2016) *Modern Russian Sociology: Historical and biographical searches*: In 9 vol. Moscow: TSSPIM. URL: [https://www.isras.ru/files/el/hta\\_9/htm/titul.htm](https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/titul.htm) (accessed 03.02.2022). (In Russ.)
- Doktorov B. (2023) Not a Renewal, but a Second Birth. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No 11: 151–156. DOI: 10.31857/S013216250028544-1. (In Russ.)
- Doktorov B.Z., Zborovsky G.E. (2021) Generational approach to modern Russian sociology as a theoretical problem: all-Russian and regional aspects. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 11: 79–90. (In Russ.)
- Gilyarov A.M. Provincialism as a threat to Russian science. *Russkij zhurnal [Russian Journal]* (russ.ru). 18.12.2007. URL: [http://www.russ.ru/pole/Provincializm-kak-ugroza-rossijskoj-nauke?fb\\_comment\\_id=10150269719967709\\_26457490](http://www.russ.ru/pole/Provincializm-kak-ugroza-rossijskoj-nauke?fb_comment_id=10150269719967709_26457490) (accessed 10.11.2023).
- Kakharov A.G. (1996) *Sociology of Regions*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
- Regional economy* (2001) Ed. by T.G. Morozova. M.: UNITY. (In Russ.)
- Romanov A.P. (2008) Some aspects of the organization by Vyatka and Perm zemstvos of statistical surveys of public education in the late XIX – early XX century. *Vestnik ChelGU [Bulletin of Chelyabinsk State University]*. No. 24: 53–63. (In Russ.)
- Sociology in the Urals: Rebirth and the Path to the XXI century.* (2015) Ed. by G.E. Zborovsky. Yekaterinburg: UrFU. (In Russ.)
- Staroverov V.I. (1998) Sociology of regions. In: *Russian Sociological Encyclopedia*. Moscow: NORMA-INFRA-M. (In Russ.)
- The rise of the cultural and technical level of the Soviet working class.* (1961) Ed. by M.T. Iovchuk et al. Moscow: Sotsekgiz. (In Russ.)
- Zborovsky G.E. (2015) *History of sociology: the modern stage*. Surgut – Yekaterinburg: SurGPU. (In Russ.)
- Zborovsky G.E. (2022) Sociology in the region as a subject of scientific research. *Sociologicheskij zhurnal [Russian Sociological Journal]*. Vol. 28. No. 1: 121–142. (In Russ.)
- Zborovsky G.E., Vishnevsky Yu.R. (2008) Sociology in the Urals: features, achievements and problems. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6: 69–74. (In Russ.)

Received: 09.06.23. Accepted: 04.12.23



© 2024 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

## НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА. ЧАСТЬ 2. НОВЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ

---

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmiriy90@gmail.com).

---

**Аннотация.** Статья посвящена изучению социально-классовых противоречий современного общества. Автор показывает, что, несмотря на растущее экономическое неравенство в развитых странах, перспектива объединения всех эксплуатируемых и притесняемых с целью борьбы за социалистическое общество равенства и справедливости становится все более туманной. Появляется множество оснований утверждать о невозможности социализма (в обозримой перспективе) и высокой вероятности нового антагонистического этапа развития общества. Во второй части статьи обосновываются два тезиса: 1) чем богаче культурное разнообразие общества, тем больше предпосылок для межгрупповых ценностных противоречий; 2) новые посткапиталистические общественные отношения способствуют не солидарности и творческому диалогу всех со всеми в формате «коммунизма знаний», а углублению индивидуализма. Делается вывод, что в эпоху «невозможности социализма» любая ведущая под левыми лозунгами политическая борьба неизбежно ведется в пользу одних социальных групп в ущерб интересам других.

**Ключевые слова:** посткапитализм • социализм • коммунизм • капитализм • классовый анализ • политика идентичности • коммунизм знаний • социальное неравенство

DOI: 10.31857/S0132162524010108

**Нематериальное: чем богаче культурное разнообразие, тем больше конфликтов вокруг ценностей.** Сказанное в первой части статьи вряд ли убедит тех, кто давно делает ставку не только на классовую, но даже больше на «культурно обусловленную» борьбу всех угнетенных против капитализма как системы, в рамках которой классовая эксплуатация является лишь одним из способов извлечения тех или иных выгод людьми, находящимися на вершине социальной иерархии. Речь идет в том числе об идее *интерсекциональности* (см., напр.: [Collins, 2019]), ставшей в западной академии и активистских кругах почти новым здравым смыслом.

Если кратко описать суть данной идеи, она сводится к тому, что классовая эксплуатация никогда не ограничивается собственно извлечением прибавочной стоимости. Она всегда сочетается с такими явлениями, как расизм, колониализм, сексизм, гомофобия, эйблизм, эйджизм, беспечное отношение к природе (спесишизм и др.). Из данного посыла вытекает вывод, согласно которому избавиться от «системного угнетения» можно только в том случае, если уничтожить все формы угнетения и эксплуатации, подпитывающие друг друга.

Закономерны попытки синтезировать вышедший из так называемого черного (антирасистского) феминизма (black feminism) концепт интерсекциональности с марксизмом [Bohrer, 2019]. Сегодня почти в любой книге левого автора можно заметить призывы

к объединению всех угнетенных. Н. Фрейзер, к примеру, призывает осуществить «контргегемонистский проект экосоциальной трансформации достаточной широты и дальновидности, чтобы координировать борьбу многочисленных социальных движений, политических партий, профсоюзов и других коллективных акторов» [Fraser, 2022: XVI–XVII]. «Ценности, – писал Э.О. Райт, – составляют потенциальную основу для построения политического единства... разнообразных идентичностей» [Wright, 2019: 103]. М. Каба и А. Ричи так обосновывают необходимость лишения финансирования полиции: «требования defund коренятся в теории и практике чернокожих феминисток, сосредоточенных на коллективном выживании, безопасности и заботе. Они глубоко пропитаны черными радикальными традициями, антикапиталистическими движениями и глубоко укоренены в антиколониальной борьбе, справедливости для инвалидов, а также квир- и транс-освободительных мечтах» [Kaba, Ritchie: 2022: 24].

Однако с реализацией идеи интерсекциональности на практике есть «некоторые проблемы». Прежде всего, стоит отметить неоднозначное отношение к ней ряда марксистов. Поясним, сославшись на книгу профессора социологии Нью-Йоркского университета В. Чиббера «Классовая матрица. Социальная теория после культурного поворота». Он описывает эволюцию взглядов марксистов на отношения между классом как структурой и материальными интересами рабочих. «Культурный поворот» начала 1970-х подорвал представление о том, что именно экономические структуры детерминируют устойчивые наборы интересов. Некоторое время классовый анализ еще оставался центральным в арсенале левых теоретиков, но постепенно постструктуралистские и постмодернистские тенденции становились доминирующими, а неомарксизм плавно эволюционировал в сторону постмарксизма<sup>1</sup>. Когда все больше авторов склонялись к тому, что культура формирует то, как социальные акторы воспринимают свое положение в структуре, оставалось сделать небольшой шаг к заключению, что сама структура является продуктом культуры. По словам Чиббера, «как только культура заняла свое место в качестве основы социальной структуры, она естественным образом привела к скептицизму по отношению к теориям, претендующим на универсальный охват, или “великим нарративам”, на жаргоне того времени» [Chibber, 2022: 8]. Среди этих «великих нарративов» оказался и классический марксизм с его представлениями об универсальном характере капиталистической эксплуатации и, соответственно, борьбы против нее.

Далее Чиббер переходит к изложению важного тезиса (здесь мы логически возвращаемся к первой части статьи): капитализм действительно порождает конфликт между рабочими и капиталистами, но система такова, что наиболее привлекательными являются способы сопротивления ей на индивидуальной, не на коллективной основе. «Ключ к загадке классового образования, – продолжает Чиббер, – заключается в том, что оптимистические прогнозы, подобные прогнозам Маркса, даже когда они представлены на защищенном каузальном языке, пропускают важный шаг. Они сосредотачиваются на причинных механизмах, которые могли бы склонить рабочих к классовой организации, но не описывают другие аспекты классовой структуры, препятствующие такому образу действий» [Chibber, 2022: 62]. Среди препятствий – уязвимость работников перед властью работодателей (страх перед потерей работы), общие проблемы, возникающие при коллективных действиях (обычно сводящиеся к организационным издержкам и «проблеме безбилетника»).

Классовый анализ и «ревизионизм» Чиббера непосредственно связаны с его критикой концепта интерсекциональности. По мнению Чиббера, интерсекциональный анализ

<sup>1</sup> Если неомарксизм, акцентирующий внимание на «надстройку», а не на «базис», еще сохраняет тесную связь с марксизмом, стремясь лишь переосмыслить субъекта социалистических преобразований, то постмарксизм отрывается от материалистической диалектики, опирается на постмодернистскую мысль и теории дискурса, хотя все еще находится под влиянием марксизма. Есть и другая трактовка: постмарксизм подразумевает радикальное переосмысление теоретического «ядра» марксизма при попытках сохранить отдельные теоретические или методологические элементы наследия классиков марксизма.

ставит под угрозу тезис об универсальном характере классовой эксплуатации, что является дополнительной идейной издержкой при попытках организации политической борьбы и без того «рыхлого» рабочего класса. Если все формы эксплуатации и угнетения переплетены, то в этом клубке *пересекающихся противоречий трудно отличить капиталистическую эксплуатацию от культурного угнетения*. В итоге активисты начинают пытаться «исправлять» культуру, но не сами основы экономической системы. Если же марксистские теоретики пытаются указать на возможные экономические причины угнетения, это может расцениваться активистами как «принижение» жертвенной роли идентичности. В итоге марксистских теоретиков часто обвиняют в *классовом редукционизме*. Их, к примеру, называют расистами, способствующими «господству белых», так как они ставят в приоритет именно *классовый, экономический* анализ. Более того, попытки марксистов заговорить о проблемах рабочего класса также иногда расцениваются как отсылки к проблемам именно *белых мужчин*.

И это – не единственная концептуальная претензия к идее интерсекциональности со стороны марксистов. Так, есть глубокая разница между классовой борьбой и всем тем, что сегодня обозначают термином «политика идентичности». Согласно классическому марксизму, конечная цель рабочих – перестать быть рабочими, то есть перейти к бесклассовому обществу. Но политика идентичности нацелена, наоборот, на подчеркивание *уникальности группового опыта, его внутренней ценности*; она укрепляет идентичности, не борется с ними. Что же происходит, когда такая «борьба на укрепление идентичностей» ведется в условиях преобладания послевоенных интеллектуальных направлений, включая семиологию, феноменологию, экзистенциализм, теорию дискурса и деконструкцию? Наступает время, когда различные «критические теории», опирающиеся на то, что Х. Плакроуз и Дж. Линдси [Pluckrose, Lindsay, 2020] назвали *прикладным постмодернизмом*, формируют общую атмосферу подозрительности по отношению к предполагаемым «угнетателям». Отсюда – волна дискуссий по поводу «культурных войн» и расширению цензуры. М.Дж. Леже в коллективной монографии «Идентичность побеждает социализм» также показывает, что дискуссии о бесконечном разнообразии опыта мешают попыткам объединения всех эксплуатируемых с целью глобальной антисистемной борьбы [Léger, 2023].

Критика интерсекциональности и политики идентичности такими марксистами, как В. Чиббер и М.Дж. Леже, имеет свои ограничения. По их мнению, если вернуть классовому анализу его привилегированное положение, то проблема будет решена: все «угнетенные» продолжают свою «политику разнообразия», но под общим классовым знаменем [Foley, 2023]. То есть они считают, что главное затруднение лежит в плоскости политических идей. На наш взгляд, это – серьезное заблуждение. Корни проблемы имеют *социальную, а не идейную природу*.

Мы подходим к формулированию третьего ключевого тезиса настоящей статьи. Постепенный рост материального благосостояния по мере технологического развития означает также, что общество становится культурно богаче, появляется все больше всевозможных образов жизни, ценностей, взглядов и прочего. Но такое *культурное разнообразие может приводить к ценностным противоречиям и расколам, а потому – к межгрупповым конфликтам*. Идея интерсекциональной солидарности, иными словами, в *корне несостоятельна*, и дело не в только в том, что классовый анализ был отодвинут на второй план. Важнее то обстоятельство, что, чем общество богаче и разнообразнее, тем труднее людям находить общие ценностные ориентиры для политического объединения.

Самая броская проблема – это прогрессистская повестка в современных западных странах как *таковая*. Когда мы говорили о рабочем классе, то сослались на мнение, согласно которому победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. объяснима отчасти культурной реакцией консервативных жителей «красных» штатов на «левую» политику демократических элит. Обычно на данный тезис ссылаются с целью обвинить белый рабочий класс в расизме, ксенофобии прочих социально неодобряемых явлениях. Проблема в том, что достаточно трудно отделить, скажем, ксенофобию от ощущения культурного

вытеснения (если не сказать притеснения) «нового меньшинства» представителями совершенно чуждых культур, которые не проявляют желания ассимилироваться с принимающей стороной [Gest, 2016]. Также вопросы могут вызывать сами левые дискурсы, фактически отдающие символический и не только приоритет гомосексуальному над гетеросексуальным, феминному над маскулинным, «цветному» над «белым», гендерно-флюидному и трансгендерному над биологически определенным, «бинарным» и т.д. Такие вещи, как гомосексуальные браки или разрешение малолетним детям менять пол (как минимум принимать блокаторы полового созревания) могут вызывать весьма неоднозначную реакцию людей, придерживающихся других ценностей.

Споры о ценностях подобны неразрешимым спорам о вкусах. По мере углубления в детали и нюансы западных левых идейно-политических концепций сильнее становится заметно, что их авторы больше конфликтуют друг с другом, нежели борются с капитализмом и разными формами «системного угнетения». Противоречия, по сути, повсеместны.

Посмотрим, например, на современные вариации феминизма. Являлась ли борьба женщин за свободный выход на рынок труда освобождением, или это игра по «мужским» буржуазным правилам? Как показал опыт, вхождение женщин в состав оплачиваемой рабочей силы послужило не повышению медианного семейного дохода пар с детьми, как можно было бы ожидать, а предотвращению его падения [Stewart, 2021]. Соответственно, «прорыночные» феминистки все чаще критикуют феминистки, выступающие за справедливое вознаграждение за неоплачиваемый труд (unpaid care work подразумевает также заботу о детях или недееспособных людях). Но сама категория «неоплаченный труд», примененная к таким феноменам, как материнская любовь, вполне может расцениваться как логика коммодификации (А. Нельсон: «Действительно ли мы, женщины, хотели, чтобы наш социальный статус сводился к денежной купюре или зарплате и зависел от них в мире, полном денежного неравенства?» [Nelson, 2022: 98]). Тем не менее, если бы мы придали материнской любви самостоятельную «женскую» ценность, то совершили бы акт эссенциализации женщин, ограничивающий свободу их выбора. В итоге современный феминистский дискурс постоянно колеблется между «уравнивающей» логикой коммодификации и эссенциализирующим подчеркиванием уникального «женского опыта».

Л. Перри нашла похожее противоречие в сексуальной сфере: сегодня сексуальное раскрепощение зачастую рассматривается как свидетельство женской свободы от «патриархальной семьи». Однако, согласно Перри, феминистская идея о сексуальном равенстве выгодна прежде всего мужчинам, а ориентация на деконструкцию половых биологических различий не позволяет увидеть серьезную разницу между сексуальностью мужчин и женщин. При этом игнорируются более высокие риски для женщин от случайного секса (стать жертвой насилия или забеременеть). Перри критикует левых «аболиционисток», выступающих за «отмену» тюрем, поскольку сомневается в эффективности программ реабилитации насильников: «женщины и дети, составляющие подавляющее большинство жертв изнасилования, непропорционально часто бывают бедными и небохими» [Перри, 2022: 81].

Другой ракурс: М. Смит и Дж. Мак, авторы книги «Восставшие проститутки: борьба за права секс-работников», высказывают возражения феминисткам, выступающим против проституции. Согласно аргументам таких феминисток, проститутки идут на поводу у мужчин, позволяя себя объективировать, то есть «пользоваться» собой как объектом для мужского удовольствия. Мак и Смит не приемлют такого подхода и считают, что криминализация проституции вредит экономически уязвимым женщинам, для которых проституция – единственный источник доходов. Возможно ли разрешить это противоречие? Как говорят Смит и Мак, большинство проституток перестали бы заниматься продажей своего тела, если бы у них была возможность [Smith, Mac, 2018]. Проблема в том, что это вряд ли удовлетворит их оппонентов, для которых критика «объективации» – принцип. Данное противоречие, видимо, неразрешимо, как и те, о которых говорилось выше: все сводится к спорам о вкусах и предпочтениях.

Короче говоря, резонно говорить скорее о современных *феминизмах*, причем постоянно враждующих друг с другом, нежели о *феминизме* как едином идейном пласте, который можно было бы добавить в качестве монолитного элемента в какую-либо из моделей интерсекциональности. Но в чем современный феминизм действительно преуспел, так это в разжигании межполового антагонизма.

В целом у всех современных «критических» теорий есть одна особенность: они не формулируют четких критериев избавления от «системного угнетения». Этого, кстати, не было у классического марксизма, выдвигавшего конкретный (хотя во многом спорный) перечень критериев бесклассового общества и способов его достижения (вроде «снятия» частной собственности). Отсюда – атмосфера всеобщей подозрительности: что бы ни делалось, всегда можно в поведении тех, кто относится к категории «угнетателей», найти элементы расизма, сексизма и прочего (вплоть до приписывания им «неправильных» мыслей или вольной интерпретации их действий). В итоге грань между *борьбой с притеснением* и *борьбой за привилегии* стирается. Патриархат заменяется матриархатом. Например, в книге под названием «Парадокс пениса» ее автор Э. Уиллингем совершает своего рода виртуальную кастрацию всех мужчин: «раньше пенис был символическим защитником и источником жизни. Теперь пенис – это воплощение токсичной мужественности» [Уиллингем, 2023: 321]. Самое примечательно в данной книге – приписывание современной культуре фаллоцентризма, а также взгляд на мужчин как на склонных использовать свои гениталии исключительно для господства и доминирования.

Такой уничижительный тон вряд ли способствует укреплению общего доверия. К тому же постоянные разговоры о патриархате и фаллоцентризме начинают противоречить фактам.

С. Краковски представил интересный взгляд на проблему растущего межполового антагонизма и кризиса маскулинности в современном обществе в книге об *инцелах* (от англ. involuntary celibates) – растущей группе мужчин, не способных найти пару для построения отношений. Как отмечает Краковски, ведя речь о Швеции, все больше фактов свидетельствуют, что мы начинаем жить в мире, где доминируют женщины, а не мужчины. Так, среди выпускников 2019 года 80,8% девочек и только 66,4% мальчиков окончили гимназию с оценками, позволяющими поступать в высшее учебное заведение; 64% всех бездомных – мужчины, а также 70% самоубийц; мужчины все чаще одиноки, у каждого пятого нет ни одного близкого друга [Краковски, 2023: 24–25]; мужчин осуждают на более суровые наказания за одни и те же преступления; продолжительность их жизни короче, они чаще гибнут из-за травм на рабочем месте [там же: 49]. Согласно BIGI (базовый индекс гендерного неравенства) – индексу, позволяющему измерить предпосылки долгой здоровой жизни и доступность образования для женщин и мужчин – почти в 70% стран ситуация у мужчин хуже, чем у женщин [там же: 50]. При этом среди причин увеличивающегося количества «девственников поневоле» Краковски указывает возросшую требовательность женщин к мужчинам: у женщин много ожиданий, а мужчины им часто не соответствуют. Идеалы мужественности мало изменились, но к ним добавляются все новые и новые требования: мужчина должен быть джентльменом и альфа-самцом, но при этом проводить время дома, брать больничные для ухода за ребенком, делать работу по дому и т.д. В эпоху, когда женщин с высшим образованием становится больше, чем мужчин, первые часто вовсе отказываются от создания семьи. Что же касается «свободных отношений», то благодаря социальным сетям женщины имеют больше альтернатив при выборе подходящих партнеров. В итоге растет доля «отверженных» мужчин, ставящих на себе крест и ненавидящих женщин (а также феминизм). Как показал Краковски, именно инцелы часто выплескивают свой гнев, устраивая массовую стрельбу по людям (шутинги).

Хотелось бы отметить, что мы рассмотрели далеко не все противоречия современного феминизма. Противоречия политики идентичности феминизмом не ограничиваются. Является ли марксизм частью западного рационалистического гуманизма, а представления о капиталистической эксплуатации – метанарративом? Или каждая культура должна

иметь свои представления о мире, как о том говорит ряд концепций постколониализма [Chibber, 2023]? Люди с ожирением – жертвы бодишейминга и должны гордиться своим телом [Лаптон, 2021]; или же они ненасытные жители «империи», ответственные за выбросы CO<sub>2</sub> [Aji, 2021: 123]? Евреи – жертвы холокоста, одна из угнетаемых групп, представители которой терпят постоянные издевки, или же они – белые угнетатели, а Израиль – государство, осуществляющее агрессию против Палестины [Bernstein, 2022]? В рамках статьи все противоречия невозможно, наверное, даже перечислить. Некоторые из них раскрыты в уже опубликованном анализе [Давыдов, 2023].

**Посткапитализм, индивидуализм и новые статусные иерархии.** Современные концепции посткапитализма опираются на два ключевых посыла: 1) процессы автоматизации и роботизации производства, о которых сейчас много пишут, приближают *посттрудовое общество*, что позволит рано или поздно претворить в жизнь марксистскую мечту о «царстве свободы» [Mason, 2017; Srnicek, Williams, 2016]; 2) переход от материальной экономики к преимущественно производству услуг и идей (концепций, теорий, дизайнов, художественных произведений, инженерных решений и т.д.) подразумевает перспективу *коммунизма знаний* [Gorz, 2010]. Складывается утопическая картина: физически монотонно работают роботы, а люди занимаются свободной *творческой деятельностью*, ведь знания и идеи легко распространять бесплатно (пользуясь ими, мы их не исчерпываем, а приумножаем). Пути достижения такого состояния могут быть самыми разными: от постепенного сокращения рабочей недели до выплат безусловного дохода. Разумеется, необходима и реализация типичных социал-демократических стратегий: борьба с экономическим неравенством, активное развитие социальной сферы и т.д.

У данного мировоззрения есть уязвимость, связанная с односторонней трактовкой творчества как коллективного процесса, порождающего изобильные нематериальные блага. Это не совсем так. Творческий человек производит не только изобильные блага, но и свою *индивидуальность, исключительность*. Творчество *позволяет самовыражаться через поиск выгодных отличий от других*. Если знания и идеи действительно изобильны, то не изобильно (даже дефицитно) *внимание*, за которое люди борются, играя в статусные игры. Даже если завтра наступит материальное изобилие, люди вряд ли перестанут пытаться возвыситься над другими; они не прекратят демонстрировать нетривиальную красоту, креативность или эпатаж. Это уже происходит в социальных сетях, ставших для большинства населения «параллельной реальностью», где они обитают (мысленно находясь) немалую часть своего времени. Для конкурентной борьбы не обязательны и деньги: внимание, измеряемое в подписчиках, лайках и репостах, уже стало параллельной валютой или же непосредственным благом, позволяющим испытывать удовольствие от популярности или собственноручно сконструированного образа «себя». Мы, таким образом, можем представить движение к посткапитализму не как борьбу всех эксплуатируемых и угнетенных за справедливость и равенство, а как *расширение индивидуализма, переход конкурентной борьбы преимущественно в сферу нематериального*.

Сегодня все больше авторов, среди которых как журналисты и социальные теоретики, так и физиологи, склонны признавать, что *люди – статусные существа*. В мозге человека есть универсальные механизмы, побуждающие его конкурировать с другими за более высокий статус<sup>2</sup>. Выгодное положение в социальной иерархии коррелирует с хорошим здоровьем и ощущением счастья, а низкий статус связан со стрессом. Как отмечает Л.Г. Брюнинг, почетный профессор менеджмента Калифорнийского государственного университета, аппетит к социальному господству более первичен, чем стремление к еде и сексу. Человек всегда находится в поисках серотонина, выделяемого в моменты, когда он ощущает свою «статусную уверенность», и данный гормон высвобождается короткими

<sup>2</sup> Мы понимаем термин «социальный статус» здесь в следующем значении: это относительный уровень социальной ценности, которым, как считается, обладает человек. Такая социальная ценность включает уважение, почет, предполагаемую компетентность и почтительность.

рывками, поэтому всегда нужно делать больше, чтобы получить больше, то есть гонка никогда не заканчивается. Каждый жаждет быть в центре внимания, но должен жить в мире, в котором семь миллиардов других жаждут того же [Breuning, 2021].

Природа человека такова, что, даже если «объективные» основания для конкурентной борьбы за статус исчезнут, люди придумают искусственные ограничения, преодоление которых позволит выделяться победителям (что мы видим, например, по массовым сетевым ролевым играм, где борьба за статус ведется в симулируемой реальности). Опрос 1500 сотрудников одной британской компании показал, что 70% людей предпочитают статус деньгам, то есть готовы согласиться скорее на более статусную должность, чем на повышение зарплаты [Сторр, 2022: 33]. Люди повышают свой статус даже тогда, когда демонстрируют внешне альтруистическое поведение: исследование 11 672 случаев донорства органов в США обнаружило, что только 31 пожертвование было анонимным [там же: 169]. «Предельная полезность денег и власти может снижаться, – отмечает В. Дэвид Маркс, – но достижение статуса заставляет нас хотеть большего» [David Marx, 2022: 22].

Свободу от «материального» можно трактовать и как свободу от капитала, привязывающего рабочего к системе разделения труда, волей-неволей заставляющей его чувствовать себя частью массовой производственной машины и, стало быть, класса. Теперь каждый может быть автором (то есть «средством производства») *сам по себе*, без принадлежности к трудовому коллективу. Добавим сюда технологический контекст: новейшие коммуникационные технологии позволяют выкладывать в сеть результаты творчества (от научных достижений до фотографий в Instagram<sup>3</sup>) и бороться за внимание миллионов людей во всем мире. В итоге мы наблюдаем целую посткапиталистическую вселенную, в рамках которой люди создают сетевых «себя», борются за внимание и делают это не только ради денег, но и ради *удовольствия от статуса*. Говоря слово «посткапиталистическая», мы не имеем в виду, что успех в социальных сетях никак не обусловлен коммерческими интересами или миром капитала (особенно рекламой). Но мы отрицаем посыл, согласно которому между капитализмом и тем, что следует за ним, должна быть какая-то сущностная пропасть. Подобно тому, как в эпоху становления капитализма обычным делом был компромисс между частью буржуазии (ее торговой и финансовой верхушкой) и земельной аристократией, так сегодня люди, борющиеся прежде всего за творческую самореализацию и привлечение внимания, сотрудничают с капиталистическими элитами.

Тенденции, связанные с переходом к массовому «производству личностей», столь широки, что многие авторы стали говорить о тотальной *селебритизации* культуры. Исследователь социальных медиа К. Колпинец пишет, что популярность социальных медиа привела к всеобщей озабоченности «лицом и телом мечты», «путешествием мечты», «квартирой мечты», «отношениями мечты», «работой мечты», чтобы все это формировало притягательный образ в соцсетях (привлекало больше «лайков»). При этом изображение становится важнее непосредственного обладания вещами: главное, к примеру, не обладать большим красивым домом со стильным скандинавским дизайном, но заполучить лучший кадр, создав *видимость* обладания. То же самое можно сказать про «инстаграмные» фото: главное не сам факт потребления, а то, какое *внимание* оно привлекает [Колпинец, 2022].

Э. Саден пишет о целой «экономике лайка» – экономике «погони за чувством собственной значимости», где «идет негласное и непримиримое соревнование – кому достанется больше наград» [Саден, 2023: 142–143]. Л. Джонс в книге «Нация знаменитостей: как Америка превратилась в культуру фанатов и последователей» показывает, что знаменитость стала перформативной практикой, а границы между публичным и частным, обычным и знаменитым, известным и печально известным, знаменитостями и героями ослабли или почти исчезли в последние годы. Больше нет горстки привратников СМИ, решающих, кто станет знаменитым, и больше нет знаменитостей, ведь любой может стать знаменитым, если наберется

<sup>3</sup> Данная социальная сеть признана экстремистской на территории РФ.

смелости, терпения и подписчиков в «Твиттере». Джонс также ссылается на многочисленные исследования (в основном социологические опросы), которые показывают, что американские подростки и молодежь в XXI в. в подавляющем большинстве предпочитают славу всем другим атрибутам, включая интеллект или богатство [Jones, 2023]. Один из недавних опросов (июль 2022 г.) 1000 американцев в возрасте 16–25 лет показал, что каждый четвертый из опрошенных планируют стать «влиятельными лицами» в социальных сетях, а 16% даже заявляют, что готовы заплатить за это<sup>4</sup>. В книге «Поколения» известный социальный психолог Дж. Твенге показывает, что социальные сети усилили тенденцию сравнивать себя с другими, приводя к росту неудовлетворенности жизнью или собственной внешностью среди американских подростков (особенно девочек) [Twenge, 2023]. Косвенно это указывает на растущую статусную конкуренцию в социальных сетях, где выигрывают наиболее красивые и креативные.

Разумеется, можно долго спорить о том, каковы глубина и масштабы происходящих процессов; насколько западный опыт универсален; действительно ли «персонализация» формирует жизнеспособную альтернативу капитализму; являются ли новые элиты – *персоналиат* [Давыдов, 2021] в лице тех, кто обладает прежде всего притягивающей внимание личностью – более влиятельными, чем старые элиты. Для нас важно отметить следующее: *индивидуализм как значимое общественное явление, скорее всего, сохранится и после капитализма*. Более того, он только углубляется по мере освобождения людей от «внешней целесообразности», что дополнительно усложняет перспективу борьбы за социализм «единым фронтом». Мы, как заметил Э. Саден, живем в эпоху продолжающейся атомизации. «Люди при этом оказываются внутри личного ореола, изолирующего их от всего, что считается чуждым и неподходящим» [Саден, 2023: 136].

**Заключение.** Есть две концептуальные модели исторического перехода к новой общественной формации. Первая подразумевает, что люди, преследуя собственные цели и интересы, сами *спонтанно* создают новые общественные отношения. Так было всегда. Капитализм никто не «строил», как и все то, что было до него. Вторая модель предлагает *сознательное* движение к новому этапу исторического развития, возможное путем *совместной* борьбы эксплуатируемых и угнетенных. Данная модель подразумевает крайне сложный консенсус: как по поводу образа желаемого будущего, так и по поводу выбираемых средств и политических стратегий. Пока эта модель существует лишь в качестве теоретической абстракции. Все попытки ее воплотить оказались провальными<sup>5</sup>.

Говоря о «невозможности социализма», мы не желаем идти путем Ф. Фукуямы с его концептом «конца истории». Наша цель – показать всю глубину проблемы. Мы специально объединили четыре основных тезиса в одной большой статье, поскольку важно видеть картину целиком. Заметим, нами не рассмотрены многочисленные трудности согласования единой политической позиции (от таких частностей, как споры по поводу ГМО, до извечных дискуссий между «умеренными» и «радикалами»). Мало того, что, несмотря на противоречия, связанные с социально-экономическим неравенством, люди не спешат устраивать антикапиталистическую революцию, но сами новые посткапиталистические общественные отношения способствуют углублению индивидуализма.

Каковы здесь могут быть практические выводы? На наш взгляд, история не завершается. Но новая общественная формация будет, вероятнее всего, *антагонистической*, то есть подразумевающей конкуренцию и/или вражду индивидов и групп<sup>6</sup>. И мы не можем

<sup>4</sup> Langdon S. Gen Z and The Rise of Influencer Culture // Highervisibility. 2022. August 19. URL: <https://www.highervisibility.com/ppc/learn/gen-z-and-the-rise-of-influencer-culture/> (дата обращения: 21.08.2023).

<sup>5</sup> Мы не можем считать ни «шведский социализм», ни «китайский коммунизм» примерами завершеного полноценного перехода к следующей общественной формации. Швеция и Китай сегодня, пусть с оговорками, – *капиталистические* страны.

<sup>6</sup> Можно сказать, что в том числе и *классов*. Только теперь принадлежность к высшему классу будет определяться не обладанием материальными средствами производства, а доступом к такому



«исправить» мир, предложив ему подходящую идеологию. Масштаб и множество противоречий, о которых было сказано выше, настолько велики, что подобрать какую-то универсальную формулу «правильного» общества, которая устроила бы всех, попросту невозможно. В этой связи мы бы также не спешили, как это делают А.В. Бугалин и А.И. Колганов, всех борющихся за привлечение внимания блогеров, политиков, ученых и прочих влиятельных лиц ассоциировать с «превратными» формами социальности. Как они писали, «популярность абсолютного большинства “персонализирующих” себя индивидов – это не действительная творческая индивидуальность, а социальные симулякры» [Бугалин, Колганов, 2022: 104]. Однако у нас нет универсального критерия различения симулякров и не-симулякров.

Сказанное выше не означает, что борьба за справедливость и равенство невозможна. Она вполне возможна. На наш взгляд, «невозможность социализма» по большому счету означает невозможность единого «социализма», выгодного для всех. Есть социализмы (как идеологии) новых элит, а есть социализмы бедных (тоже самые разные). Они обычно в корне друг другу противоречат. Бедным, возможно, лучше было бы забыть об «абстрактных» социализмах и бороться сугубо за свои конкретные жизненные интересы. Учитывая раскрывающуюся бездну противоречий, следует признать, что в современных условиях любая политическая борьба, какой бы левой и социалистической ее ни называли, по факту ведется в пользу одних социальных групп в ущерб интересам других социальных групп. Возможно, самое время более скептически относиться к абстрактным идеалам всеобщего равенства и братства и разобраться в том, кто кому в стремительно меняющихся условиях является «другом», а кто – «врагом».

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бугалин А.В., Колганов А.И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д.А. Давыдова) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 100–109.
- Давыдов Д.А. Марксизм в плену у интерсекциональности // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 125–136.
- Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: Рипол классик, 2021.
- Колпинец Е.В. Формула грез. Как соцсети создают наши мечты. М.: Individuum, 2022.
- Краковски С. Инцелы. Как девственники становятся террористами. М.: Individuum, 2023.
- Лаптон Д. Жирные. М.: ВШЭ, 2021.
- Монтаг К. Новые боги. Как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу. М.: Individuum, 2023.
- Перри Л. Темная сторона сексуальной революции. Переосмысление эпохи эротической свободы. М.: АСТ, 2022.
- Саден Э. Тирания Я: конец общего мира. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2023.
- Сторр У. Статус. Почему мы объединяемся, конкурируем и уничтожаем друг друга. М.: Individuum, 2022.
- Уиллингем Э. Парадокс пениса. Уроки жизни из мира животных. М.: Альпина нон-фикшн, 2023.
- Ajl M. A People's Green New Deal. L.: Pluto Press, 2021.
- Bernstein D.L. Woke Antisemitism: How a Progressive Ideology Harms Jews. N.Y.: Wicked Son, 2022.
- Bohrer A.J. Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2019.
- Breuning L. Status Games: Why We Play and How to Stop. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2021.
- Chibber V. Capitalism, Class and Universalism. Escaping the Cul-de-sac of Postcolonial Theory // Identity Trumps Socialism / Ed. by M.J. Léger. N.Y.: Routledge, 2023. P. 79–93.
- Chibber V. The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn. Cambridge: Harvard University Press, 2022.
- Collins P.H. Intersectionality as Critical Social Theory. Durham: Duke University Press, 2019.
- David Marx W. Status and Culture: How Our Desire for Social Rank Creates Taste, Identity, Art, Fashion, and Constant Change. N. Y.: Viking, 2022.

дефицитному ресурсу, как *внимание*. О том, что внимание распределяется в экономике крайне неравномерно, а также о том, что такая неравномерность порождает новый классовый раскол между богатым и влиятельным *персоналиатом* и «молчаливым» *имперсоналиатом* см.: [Давыдов, 2021].

- Foley B. Intersectionality. A Marxist Critique // *Identity Trumps Socialism* / Ed. by M.J. Léger. N.Y.: Routledge, 2023. P. 94–98.
- Fraser N. *Cannibal Capitalism: How our System is Devouring Democracy, Care, and the Planet and What We Can Do about It*. N.Y.: Verso, 2022.
- Gest J. *The New Minority: White Working Class Politics in an Age of Immigration and Inequality*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Gorz A. *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. N.Y., L.: Seagull Books, 2010.
- Jones L. *Celebrity Nation: How America Evolved into a Culture of Fans and Followers*. Boston: Beacon Press, 2023.
- Kaba M., Ritchie A. *No More Police: A Case for Abolition*. N.Y.: The New Press, 2022.
- Léger M.J. The Use and Abuse of Class Reductionism for the Left // *Identity Trumps Socialism* / Ed. by M.J. Léger. N.Y.: Routledge, 2023. P. 177–194.
- Mason P. *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2017.
- Nelson A. *Beyond Money: A Postcapitalist Strategy*. L.: Pluto Press, 2022.
- Pluckrose H., Lindsay J. *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing, 2020.
- Smith M., Mac J. *Revolting Prostitutes: The Fight for Sex Workers' Rights*. N.Y.: Verso, 2018.
- Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso, 2016.
- Stewart M. *The 9.9 Percent: The New Aristocracy That Is Entrenching Inequality and Warping Our Culture*. N.Y.: Simon & Schuster, 2021.
- Twenge J. *Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and What They Mean for America's Future*. N.Y.: Atria Books, 2023.
- Wright E.O. *How to Be an Anticapitalist in the Twenty-First Century*. N.Y.: Verso, 2019.

Статья поступила: 25.09.23. Финальная версия: 06.12.23. Принята к публикации: 08.12.23.

## THE IMPOSSIBILITY OF SOCIALISM. PART 2. THE NEW INDIVIDUALISM

DAVYDOV D.A.

*Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Russia*

*Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmitriy90@gmail.com).*

**Abstract.** The article is devoted to the study of social and class contradictions in modern society. The author shows that, despite growing economic inequality in developed countries, the prospect for uniting all the exploited and oppressed in fight for a socialist society, equality and justice is becoming increasingly vague. There are many grounds for asserting the impossibility of socialism (in the foreseeable future) and the inevitability of a new antagonistic stage in the development of society. The second part substantiates the last two theses of the article: 1) the richer the cultural diversity of society, the more prerequisites for intergroup value conflicts; 2) new post-capitalist social relations do not contribute to solidarity and creative dialogue of everyone with everyone in the format of “knowledge communism”, but to the deepening of individualism. It is concluded that in the era of the “impossibility of socialism” any political struggle conducted under leftist slogans is inevitably waged in favor of some social groups to the detriment of the interests of other social groups.

**Keywords:** post-capitalism, socialism, communism, capitalism, class analysis, identity politics, communism of knowledge, social inequality.

## REFERENCES

- Ajl M. (2021) *A People's Green New Deal*. London: Pluto Press.
- Bernstein D.L. (2022) *Woke Antisemitism: How a Progressive Ideology Harms Jews*. New York: Wicked Son.
- Bohrer A.J. (2019) *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript-Verlag.
- Breunig L. (2021) *Status Games: Why We Play and How to Stop*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2022) Capitalism, Post-Capitalism and the Creative Revolution (critical reflections on the article by D.A. Davydov). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 100–109. (In Russ.)
- Chibber V. (2022) *The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn*. Cambridge: Harvard University Press.
- Chibber V. (2023) Capitalism, Class and Universalism. Escaping the Cul-de-sac of Postcolonial Theory. In: *Identity Trumps Socialism*. Ed. by M.J. Léger. New York: Routledge: 79–93.
- Collins P.H. (2019) *Intersectionality as Critical Social Theory*. Durham: Duke University Press.
- David Marx W. (2022) *Status and Culture: How Our Desire for Social Rank Creates Taste, Identity, Art, Fashion, and Constant Change*. New York: Viking.
- Davydov D.A. (2021) *Postcapitalism and the Birth of the Personalist*. Moscow: Ripol klassik. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2023) Marxism Captived To Intersectionality. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 125–136. (In Russ.)
- Foley B. (2023) Intersectionality. A Marxist Critique. In: *Identity Trumps Socialism*. Ed. by M.J. Léger. New York: Routledge: 94–98.
- Fraser N. (2022) *Cannibal Capitalism: How our System is Devouring Democracy, Care, and the Planet and What We Can Do about It*. New York: Verso.
- Gest J. (2016) *The New Minority: White Working Class Politics in an Age of Immigration and Inequality*. Oxford: Oxford University Press.
- Gorz A. (2010) *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. New York, London: Seagull Books.
- Jones L. (2023) *Celebrity Nation: How America Evolved into a Culture of Fans and Followers*. Boston: Beacon Press.
- Kaba M., Ritchie A. (2022) *No More Police: A Case for Abolition*. New York: The New Press.
- Kolpinets E.V. (2022) *Dream Formula. How Social Media Creates Our Dreams*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Krakowski S. (2023) *Incels. How Virgins Become Terrorists*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Léger M.J. (2023) The Use and Abuse of Class Reductionism for the Left. In: *Identity Trumps Socialism*. Ed. by M.J. Léger. New York: Routledge: 177–194.
- Lupton D. (2021) *Fat*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)
- Mason P. (2017) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Montag K. (2023) *New Gods. How Online Platforms are Manipulating Our Choices and What will Give Us Back Our Freedom*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Nelson A. (2022) *Beyond Money: A Postcapitalist Strategy*. London: Pluto Press.
- Perri L. (2022) *The Case Against the Sexual Revolution*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Pluckrose H., Lindsay J. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing.
- Sadin E. (2023) *In the Era of the Tyrant Individual. The End of a Common World*. St. Petersburg: Izd-vo I. Limbakha. (In Russ.)
- Smith M., Mac J. (2018) *Revoluting Prostitutes: The Fight for Sex Workers' Rights*. New York: Verso.
- Srnicek N., Williams A. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*. New York: Verso.
- Stewart M. (2021) *The 9.9 Percent: The New Aristocracy That Is Entrenching Inequality and Warping Our Culture*. New York: Simon & Schuster.
- Storr W. (2022) *The Status Game. On Social Position and How We Use It*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Twenge J. (2023) *Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and What They Mean for America's Future*. New York: Atria Books.
- Willingham E. (2023) *Phallacy. Life Lessons from the Animal Penis*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Wright E.O. (2019) *How to Be an Anticapitalist in the Twenty-First Century*. New York: Verso.

Received: 25.09.23. Final version: 06.12.23. Accepted: 08.12.23.

© 2024 г.

ЛИ МЭНЛУН, ХАНЬ МУЯНЬ, АБДЫРАХМАНОВА ХУМАЙ

## ДИСКУССИИ О РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ КОНФЛИКТЕ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЯ

---

Ли Мэнлун – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института международных и общественных отношений Цзилиньского университета, Чанчунь (limenglong@jlu.edu.cn); Хань Муянь – студент магистратуры Института международной политики и экономики Университета Китайской академии общественных наук, Пекин (S2021227001@ucass.edu.cn); Абдырахманова Хумай – аспирант Института иностранных языков Чжэнчжоуского университета, Чжэнчжоу (3545132309@qq.com). Все – Китай.

---

**Аннотация.** Российско-украинский конфликт, начавшийся в 2022 г., не изменил китайско-российских отношений, которые сохранили хорошую динамику развития. Однако обсуждение крупномасштабной конфронтации между Западом и Россией вокруг Украины произошло и в китайском обществе. Выбор между пророссийской или проукраинской позициями стал предметом споров. В данной статье анализируется, как китайские пользователи Интернета реагируют на новостные сообщения о российско-украинском конфликте на двух основных видеоплатформах – Douyin (китайская версия TikTok) и Bilibili (китайский видеохостинг, аналогичный YouTube), которые наиболее популярны в современном китайском киберпространстве. Анализируются количество просмотров, лайков и комментариев под популярными видеосообщениями на тему российско-украинского конфликта, проводится их тематический анализ. Сделан вывод, что поскольку китайцы поддерживают в целом Россию как стратегического союзника Китая, в интернет-пространстве КНР абсолютно доминирует пророссийская точка зрения в связи с событиями на Украине. Хотя в сетевых комментариях есть проукраинские высказывания, они составляют небольшой процент.

**Ключевые слова:** общественное мнение • Китай • Россия • российско-украинский конфликт • интернет-пространство

DOI: 10.31857/S0132162524010114

В 2022–2023 гг. китайские исследователи постоянно уделяли внимание продолжавшемуся российско-украинскому конфликту. Поиск по ключевым словам «Россия, Украина» в Китайской национальной инфраструктуре знаний<sup>1</sup> показал за период с января 2022 г. до декабря 2023 г. более 2 тыс. публикаций китайских ученых на данную тему. Исследования

---

Статья подготовлена по результатам исследования «Научно обоснованное исследование в области управления риском панполитизации сетевого общественного мнения в эпоху цифрового интеллекта» (No. 23CZZ045), осуществленного в сотрудничестве с национальным Фондом социальных наук Китая (2023–2026).

<sup>1</sup> Китайская национальная инфраструктура знаний (China National Knowledge Infrastructure) – китайский информационный проект, направленный на распространение в Интернете знаний для совместного использования, схожий с российской Национальной электронной библиотекой.

проводились разными научными организациями – в частности, Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Китайским университетом Жэньминь, Восточно-Китайским педагогическим университетом, информационным агентством Синьхуа, Шанхайским университетом международных исследований и многими другими. Однако лишь немногие ученые (например, [Lu Wei et al., 2023]) проводили исследования, изучая взгляды и установки граждан КНР по поводу российско-украинского конфликта. В данной статье предпринята попытка проанализировать общественное мнение по данному вопросу и сделать выводы с междисциплинарных позиций на стыке социологии, изучения коммуникаций и политологии.

После начала СВО в 2022 г. российско-украинский конфликт стал одной из главных активно обсуждаемых тем в социальных сетях и на онлайн-платформах. Далее рассмотрим две популярнейшие в КНР видеоплатформы: Douyin – внутренняя версия Tiktok в Китае, а также Bilibili, которую можно называть китайским YouTube. В статье мы рассмотрим дискуссии на этих двух видеоплатформах следующим образом: выполним поиск по ключевым словам «Россия, Украина», выберем по девять видеороликов с наибольшим количеством лайков и наибольшей популярностью, а затем проанализируем содержание и комментарии к этим видеороликам. Обсуждение злободневных и актуальных проблем в Интернете может отражать основные настроения и мнения граждан страны, а по количеству просмотров видеоматериалов можно судить о популярности темы, по числу лайков – о поддержке представленной точки зрения.

Стремительное развитие интернет-технологий спровоцировало формирование не только новых медиа, но и новых форм обратной связи между гражданами и политическими организациями. Всё больше людей проявляют активность в Интернете, чтобы выразить свое мнение, что может оказывать существенное влияние на политику государства. Нужно учитывать, что Соединенные Штаты идеологически влияют на КНР под лозунгом «Свободы Интернета» [Liu, 2020: 15] (刘建华, 2020 : 第15页), используя крупнейшую в мире поисковую систему Интернета (Google), популярный видеохостинг (YouTube), социальную сеть (Facebook<sup>2</sup>), новостной сайт (Yahoo) и другие платформы как определенные средства формирования общественного мнения. Молодое поколение Китая является основным пользователем Интернета, поэтому сильнее подвержено подобному влиянию в Интернете, осуществляемому западными странами.

Рассмотрим сначала данные «Доуинь» (Douyin) – новостной платформы, которой ежедневно активно пользуются более 600 млн человек. Согласно статистике на 2021 г., основной категорией пользователей Douyin являются молодые люди 20–30 лет: 24,0% пользователей – в возрасте 20–25 лет и 22,9% в возрасте 25–30 лет [Cai, 2021] (蔡文杰, 2021).

Из табл. 1 видно, что почти все наиболее популярные видеоролики были выпущены в феврале – марте 2022 г., на начальной стадии российско-украинского конфликта. Среди создателей видеороликов ТОП-9, набравших наибольшее количество лайков, мы видим три официальных медиаиздания (People's Daily, CCTV News и Knews), а также трех «сетевых авторитетов» – Чэнь Хаоян (военный эксперт, старший научный сотрудник аналитического центра Тайхэ), Сима Нань (независимый ученый-экономист) и Пяо Яо Сяовэй (доктор военных наук, бывший военный наблюдатель ООН). Что касается содержания контентов, то из их названий заметно, что официальные СМИ передавали объективные документальные сообщения, в то время как публикации «сетевых авторитетов» более субъективны, но и более привлекательны для просмотра.

Содержание комментариев в основном сводится к поддержке действий России и восхищению президентом Российской Федерации Владимиром Путиным.

Рассмотрим теперь данные Билибили (Bilibili) – видеосообщества с высокой степенью вовлеченности молодого поколения. Согласно статистике Huoshaoyun<sup>3</sup>, средний возраст

<sup>2</sup> Экстремистская организация, запрещенная на территории РФ.

<sup>3</sup> Huoshaoyun Data – авторитетная платформа для анализа сетевых баз коротких видео.

Таблица 1

**Наиболее популярные сообщения на платформе Douyin  
о российско-украинском конфликте**

№	Название публикаций	Количество лайков, млн	Количество репостов, тыс.	Количество комментариев, тыс.
1	Жэньминь Жибао: «Путин призвал украинских солдат сложить оружие и заявил, что те, кто пытается вмешаться в дела России, будут вынуждены столкнуться с последствиями, которых никогда не было в истории» (25.02.2022)	3,168	323	223
2	Жэньминь Жибао: «Завершился пятый этап российско-украинских переговоров. Россия получила предложение Украины отказаться от вступления в военный альянс» (30.03.2022)	1,14	67	97
3	CCTV News: «Что произошло в России и на Украине за последние 12 часов?» (25.02.2022)	1,124	45	52
5	Knews: «Россия молниеносно объявляет войну Украине. Представители двух стран ведут переговоры в Совете Безопасности» (24.02.2022)	1,103	25	174
6	Chen Haoyang: «Началась крупномасштабная военная операция между Россией и Украиной» (24.02.2022)	1,052	46	49
7	Chen Haoyang: «Многие генералы российской армии были убиты в бою и неоднократно подвергались нападениям украинской армии. Как выяснилось позже, Соединенные Штаты предоставляли необходимую информацию украинской стороне» (19.03.2022)	1,029	45	69
8	Sima Nan: «Нужно использовать советский флаг в качестве российского» (22.04.2022)	0,629	11	38
9	Пяо Яо Сяоэй: «Причина конфликта между Россией и Украиной: этнические конфликты – не единственный провоцирующий фактор» (25.02.2022)	0,567	31	7

*Источники:* [https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U\\_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR\\_wfAubGPeJimN\\_4?modal\\_id=7068551977961065758](https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR_wfAubGPeJimN_4?modal_id=7068551977961065758); [https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U\\_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR\\_wfAubGPeJimN\\_4?modal\\_id=7080723457188564232](https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR_wfAubGPeJimN_4?modal_id=7080723457188564232); [https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U\\_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR\\_wfAubGPeJimN\\_4?modal\\_id=7068312916956564743](https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR_wfAubGPeJimN_4?modal_id=7068312916956564743); [https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U\\_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR\\_wfAubGPeJimN\\_4?modal\\_id=7068181918742744351](https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR_wfAubGPeJimN_4?modal_id=7068181918742744351); [https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U\\_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR\\_wfAubGPeJimN\\_4?modal\\_id=7068169962342419723](https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR_wfAubGPeJimN_4?modal_id=7068169962342419723); [https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U\\_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR\\_wfAubGPeJimN\\_4?modal\\_id=706821603442527520&vid=7068200903769099524](https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR_wfAubGPeJimN_4?modal_id=706821603442527520&vid=7068200903769099524); [https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U\\_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR\\_wfAubGPeJimN\\_4?modal\\_id=7089376455775358239](https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR_wfAubGPeJimN_4?modal_id=7089376455775358239); [https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U\\_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR\\_wfAubGPeJimN\\_4?modal\\_id=7068584480646139150](https://www.douyin.com/user/MS4wLjABAAA8U_l6rBzmy7bcy6xOJel4v0RzoR_wfAubGPeJimN_4?modal_id=7068584480646139150) (дата обращения: 23.05.2023).

*Примечание.* Данные во всех таблицах приведены на 23 мая 2023 г.

пользователей Bilibili в 2020 г. составлял 21 год; по состоянию на конец 2020 г. более 86% ежемесячно активных пользователей Bilibili были моложе 35 лет. В таблицах 3 и 4 приведены данные на ТОП-9 видеороликов на Bilibili с наибольшей популярностью по запросам «Россия, Украина».

Из табл. 3 видно, что самые популярные выпуски видео, как правило, приходятся на период с конца февраля по начало марта 2022 г., тоже на самый начальный период СВО.

Таблица 2

**Наиболее популярные комментарии к сообщениям на платформе Douyin о российско-украинском конфликте**

№ сообщения в табл. 1	Комментарии к сообщениям, количество лайков (тыс.)
1	«Россия дала Украине шанс, Украина должна поторопиться, чтобы принять верное решение» (147)
2	«Сначала стоит вести переговоры с другой стороной в тактической форме, а затем применять жесткие меры, если первый способ не сработал» (99) «Мне нравится дипломатический стиль Путина» (198) «Люди скупы на слова, поддержите Путина» (103) «Мне очень нравится этот доминирующий дипломатический стиль» (65)
3	«Известная своей нейтральностью Швейцария приняла санкции в отношении России из-за этого инцидента» (32) «Это принесет мир в Россию, по крайней мере, на десять лет, а также станет историческим поворотным моментом в установлении мирной обстановки в глобальном сообществе» (19)
4	«Путин потрясающий! Он не побоялся выступить против всей Европы и НАТО» (106) Путин: «Переговоры – это дело Божье! Теперь я отвечаю за то, чтобы отправить тебя к Богу» (77)
5	«Если вы чувствуете себя беспомощными, смело поезжайте в Америку» <sup>4</sup> (190) Путин: «Переговоры – это дело Божье! Теперь я отвечаю за то, чтобы отправить тебя к Богу» (110)
6	«Нанеси один удар, чтобы избежать ста ударов» (39) «В своей жизни я готов служить только Путину» (19)
7	«Доброта – это самопожертвование» (79) «Быть добрым к своим врагам – быть жестоким к самому себе» (47)
8	«Флаг Советского Союза выглядит впечатляюще» (41)
9	«Целью войны должно быть стремление к миру» (7)

Авторами видео в основном являются шесть медиаорганизаций и два «сетевых авторитета» – студия Лу Кевена (3,3 млн подписчиков) и автор обзоров Лю Сяофэй (427 тыс.). Что касается содержания видеоконтента, то он включает не только анализ конфликта между Россией и Украиной, фрагменты новостных интервью, но и реальный опыт фронтовых репортеров, а также размышления о политике КНР по отношению к Тайваню.

Анализируя данные Douyin и Bilibili, можно видеть, что большинство названий сообщений и комментариев к ним благосклонны к России; жители КНР более склонны к поддержке России в российско-украинском конфликте. Однако есть и те, кто поддерживает Украину; некоторые примеры показаны в табл. 5.

Из табл. 5 мы видим, что в китайском интернет-пространстве мало высказываний в пользу Украины и людей, выразивших свою поддержку подобным комментариям. Их число ничтожно по сравнению с десятками тысяч лайков за комментарии в поддержку России (табл. 2, 4). Хотя в китайском обществе есть сочувствующие Украине, лишь очень немногие поддерживают Запад, поэтому в отношении российско-украинского конфликта граждане Китая гораздо больше склоняются к поддержке России.

Из приведенных данных, а также из других дискурсов, связанных с обсуждением России в КНР, можно выявить как положительные образы национального имиджа России (их можно определить как «мятежник против гегемонии Запада», «дружественный партнер» и «крутой парень»), так и негативные образы («военный захватчик»). Большинство

<sup>4</sup> Автор комментария иронически оценивает позицию Зеленского, который оказался беспомощен в организации контрнаступления против российской армии, но «смело» ездил по западным странам с требованиями помочь Украине.

Таблица 3

## Наиболее популярные сообщения на платформе Bilibili о российско-украинском конфликте

№	Название	Количество комментариев, тыс. <sup>5</sup>	Количество лайков, тыс.	Количество репостов, тыс.
1	Lu kewen Studio: «Какого рода мощные политические игры скрываются за необъяснимым российско-украинским конфликтом?» (24.02.2022)	41	540	150
2	Телеканал Defense Times TV: «Чечня объявила, что будет сражаться за Россию» (26.02.2022)	7	218	27
3	Lu kewen Studio: Краткий обзор российско-украинской войны (часть 1): «Каковы стратегии российской армии, которые могут спасти как можно больше жизней?» (01.03.2022)	16	171	21
4	Xinhua News Agency (Информационное агентство Синьхуа): «Военные корреспонденты Синьхуа прибывают в Киев» (25.02.2022)	7	317	15
5	ССТV: Ли Хонг: «Власти Цай Инвэнь были в ужасе...» <sup>6</sup> (25.02.2022)	14	343	25
6	Global Times: «Кадры пленных украинских солдат! Сигареты им раздавали российские солдаты с кровью на лицах» (25.02.2022)	2	109	10
7	Global Times: «Министр иностранных дел России заставил возмутиться британского репортера, отвечая на его вопрос: “Украинские дети умирают, как вы можете спокойно спать при этом?”» (04.03.2022)	3	266	3
8	Обзор Лю Сяофэя: «Профилактика эпидемий в Китае и борьба с ними. Некоторые люди хотят воспользоваться возможностью разыграть цветную революцию, общественность должна быть осторожной, чтобы этого не случилось» (28.11.2022)	30	325	149
9	Phoenix.com: «Есть ли у России друзья в мировом сообществе? Министерство иностранных дел России: “Разумеется, в первую очередь, Китай”» (28.2.2022)	7	220	3

Источники: [https://www.bilibili.com/video/BV1WZ4y1k7aZ/?spm\\_id\\_from=333.337.search-card.all.click](https://www.bilibili.com/video/BV1WZ4y1k7aZ/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click); [https://www.bilibili.com/video/BV1QY41137dw/?spm\\_id\\_from=333.337.search-card.all.click&vd\\_source=ba85195487b67a13bc75b191ee652ae1](https://www.bilibili.com/video/BV1QY41137dw/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click&vd_source=ba85195487b67a13bc75b191ee652ae1); [https://www.bilibili.com/video/BV1Br4y1z716/?spm\\_id\\_from=333.337.search-card.all.click](https://www.bilibili.com/video/BV1Br4y1z716/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click); [https://www.bilibili.com/video/BV1nT4y1Q7D5/?spm\\_id\\_from=333.337.search-card.all.click&vd\\_source=ba85195487b67a13bc75b191ee652ae1](https://www.bilibili.com/video/BV1nT4y1Q7D5/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click&vd_source=ba85195487b67a13bc75b191ee652ae1); [https://www.bilibili.com/video/BV1e44y1n7QK/?spm\\_id\\_from=333.337.search-card.all.click](https://www.bilibili.com/video/BV1e44y1n7QK/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click); [https://www.bilibili.com/video/BV1ma41187zM/?spm\\_id\\_from=333.337.search-card.all.click](https://www.bilibili.com/video/BV1ma41187zM/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click); [https://www.bilibili.com/video/BV1HU4y1f75B/?spm\\_id\\_from=333.337.search-card.all.click](https://www.bilibili.com/video/BV1HU4y1f75B/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click); [https://www.bilibili.com/video/BV1bg411V7Ds/?spm\\_id\\_from=333.337.search-card.all.click](https://www.bilibili.com/video/BV1bg411V7Ds/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click); [https://www.bilibili.com/video/BV1LZ4y1C7bQ/?spm\\_id\\_from=333.337.search-card.all.click](https://www.bilibili.com/video/BV1LZ4y1C7bQ/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click) (дата обращения: 23.05.2023).

китайских интернет-пользователей, если судить по комментариям и просмотрам, одобряют именно первые три положительных образа.

Первый из них – образ России как «мятежника против гегемонии». Будучи мировой сверхдержавой, Соединенные Штаты часто ставят собственные интересы выше

<sup>5</sup>Комментарии в виде субтитров, которые появляются при просмотре видео в Интернете.

<sup>6</sup>Цай Инвэнь – президент Тайваня с 2016 г. Поскольку КНР считает Тайвань неотъемлемой частью Китая, российско-украинский конфликт обострил переживание тайваньскими властями возможности присоединения Тайваня к КНР военным путем (*прим. ред.*).



Таблица 4

**Наиболее популярные комментарии к сообщениям на платформе Bilibili о российско-украинском конфликте**

№ сообщения в таблице 3	Содержание наиболее популярных комментариев, количество лайков (тыс.)
1	«Путин: “Ура!”; Украина: плачет» (47,6)
2	«Похоже, мне снова придется покупать карту мира» (17,9) «Не стоит недооценивать опасность, исходящую от чеченских войск. Они весьма воинственны и бесстрашны...» (89,9)
3	Новости: 1. «Швейцария и Финляндия отказываются от своего нейтралитета и оказывают военную помощь Украине». 2. «Дания разрешила датчанам вступить в украинский Интернациональный легион. В настоящее время Интернациональный легион, как утверждается, насчитывает 44 тыс.». 3. «В России заблокированы социальные сети, включая Netflix и TikTok». 4. «Илон Маск обеспечивал связь для Украины». «Таким образом, разговоры о [международных] правилах и отсутствии границ – это абсурд. Если страна слаба, любой может запугать ее. А такая страна, как Дания, которая сдалась в течение четырех часов после начала для нее Второй мировой войны, может продемонстрировать свою “мощь”» (24,1)
4	«Я уважаю ваш профессионализм и восхищаюсь вашей храбростью, благодарю вас за информацию, которая была сопряжена с риском, опасным для жизни, и надеюсь, что с вами все в порядке» (57,0) «После пересечения границы знаете ли вы, как там выглядит война?» (27,6)
5	«Ключевое отличие [от Тайваня] заключается в том, что Украина – это страна» (67,0)
6	«Человечное обращение с пленными – очень эффективный способ подавить волю врага к сопротивлению» (25,2)
7	«Лавров: Я могу спать спокойно, потому что у меня чистая совесть» (63,2) «Лавров достаточно жесткий человек, однако с ним можно найти общий язык» (15,2)
8	«Наконец-то заметно, что СМИ высказались по этому поводу, мистер Лю достойно делает свою работу» (39,4)
9	«Нападение России на Украину на самом деле является вызовом американскому господству со стороны антиамериканских сильных держав» (36,5) «Китай и Россия проявляют наибольшую устойчивость в борьбе с фашизмом» (25,7)

Таблица 5

**Примеры антироссийских комментариев о российско-украинском конфликте**

Комментарии	Количество лайков
«Экономика России не выдержит войну. Украина делает ставку на то, что Европа и Америка ввели всесторонние санкции против России, что привело к коллапсу российской экономики и обесцениванию рубля. [...] Путин действовал под давлением национального экономического коллапса. Россия ввела войска, потому что пути к отступлению не было [...]».	696
«Люди Украины думали о своих соотечественниках, которые умерли от голода и радиации, и оружие было заряжено, прежде чем они успели это осознать» <sup>7</sup> .	372
«Подумайте об украинском голоде, тогда борьба была еще более безжалостной».	357
«Вперёд, Украина, победа будет ваша».	86
«Путин осмелился начать эту военную операцию во многом потому, что ...никто из его окружения не осмеливался говорить правду, это привело к неправильным суждениям о многих вещах»	37

<sup>7</sup> Речь идет о последствиях так называемого голодомора 1932–1933 гг. и катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 г. Обсуждение этих трагических событий активно использовалось на Украине после распада СССР для нагнетания антироссийских настроений (Прим. ред.).

интересов других стран и даже вмешиваются во внутренние дела других стран, чтобы сохранить свою глобальную гегемонию. Поэтому чтобы противостоять доминирующим действиям Соединенных Штатов и их союзников, Россия должна сопротивляться, защищая свои национальные интересы. По мнению китайской общественности, Россия оказывает сопротивление господству США, это – героическая борьба.

Второй – это образ «дружественного партнера». Китай и Россию связывают перспективные отношения дружбы и сотрудничества. Россия и Китай имеют общие стратегические интересы и сталкиваются с аналогичной ситуацией противодействия американской гегемонии. Развитие и мирный подъем Китая нуждаются в помощи от России, а России требуется поддержка Китая, чтобы восстановить свой прежний статус великой державы и оживить свою экономику. В сетевых комментариях китайцев часто встречаются высказывания, в которых ожидается, что Китай и Россия будут работать вместе во имя общего развития.

Третий – образ «крутого парня». Причиной такого видения является, с одной стороны, общественное восприятие российской нации и имидж лидера российского государства Владимира Путина. Русских всегда называли в Китае «воинственной (боевой) нацией», они производили впечатление храбрых и властных людей. Путин как президент тоже всегда демонстрировал физическую и умственную силу, создавая образ всемогущего, решительного и «крутого» правителя. С другой стороны, в международных делах поведение России всегда отличалось жестким стилем, она активно противостояла угрозам и провокациям, редко шла на компромисс.

Таким образом, в китайском Интернете глубоко укоренился положительный образ России, поэтому позиция китайской общественности гораздо более благосклонна к России, чем к ее противникам в российско-украинском конфликте.

Такая позиция основана на двух факторах. Прежде всего, это – признание китайским народом социальных ценностей. По сравнению с индивидуализмом и либерализмом, принятых в западных странах, российская концепция коллективизма в большей степени признается китайским народом, тем самым являясь опорой его позитивного отношения к России. Второй фактор – исторически сложившиеся дружественные отношения между Китаем и Россией. Так, в советский период благодаря Советскому Союзу Китай постепенно продвигался в направлении индустриализации. Дружба между двумя странами имеет не только прочную основу в виде официальных связей, она имеет под собой и более глубокие корни. Исходя из этого, китайский народ поддерживает Россию на различных социальных платформах сети Интернет.

Публичное мнение является одним из факторов, влияющих на внешнюю политику КНР в отношении России. Повышенное дружественное внимание китайской общественности к России способствует формальным и неформальным отношениям между двумя странами.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Cai Wenjie. (2021) Douyin user data analysis (Douyin user preference analysis report). URL: <https://pinkehao.com/infor/13932.html>. (蔡文杰：《抖音用户数据分析（抖音用户偏好分析报告）》，2021年7月16日，<https://pinkehao.com/infor/13932.html>，访问时间：2023年3月5日。)
- Liu Jianhua. (2020) Strategies for Improving the Political Discrimination of Chinese Citizens under the Background of the U.S. Penetration of «Internet Freedom» against China. *Journal of Huaqiao University (Philosophy and Social Science Edition)*. No. 1: 14–26. (刘建华：《美国对华“网络自由”渗透背景下我国公民政治鉴别力提升策略》，载《华侨大学学报（哲学社会科学版）》，2020年第1期，第15页。)
- Liu Wei, Zhou Ruiping, Chang Yixin. (2023) Cognitive Confrontation Based on Social Media Platforms in the Russia – Ukraine Conflict: Reason' Characteristics and Enlightenment. *Journal of Intelligence*. Vol. 42. No. 5: 30–36. URL: [https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=RyaFSL0YMK7wGangEUG\\_CntubeBDJFUcDqXDZ2Z9VUrbu6\\_bEsTMPsxlUFU0peNg5HprYp8K9-ElzHEm95gPE45YkEk9gny4jismw0purQB1sPYDo5VVWOPVINBD9e8BiH&uniplatform=NZKPT](https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=RyaFSL0YMK7wGangEUG_CntubeBDJFUcDqXDZ2Z9VUrbu6_bEsTMPsxlUFU0peNg5HprYp8K9-ElzHEm95gPE45YkEk9gny4jismw0purQB1sPYDo5VVWOPVINBD9e8BiH&uniplatform=NZKPT).

Статья поступила: 14.07.23. Финальная версия: 21.01.24. Принята к публикации: 22.01.24.

## THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT DISCUSSIONS IN CHINA'S INTERNET SPACE

LI MENGLONG\*, HAN MUYAN\*\*, ABDYRACHMANOVA HUMAY\*\*\*

*\*Jilin University, China; \*\*University of Chinese Academy of Social Sciences, China; \*\*\*Zhengzhou University, China*

*Li Menglong, PhD, Lecturer, Jilin University, Changchun (limenglong@jlu.edu.cn); HAN Muyan, Master student, University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing (S2021227001@ucass.edu.cn); ABDYRACHMANOVA Humay, PhD student, Zhengzhou university, Zhengzhou (humayabdyrahmanova7@gmail.com). All – China.*

**Acknowledgement.** This work is part of the research project “Evidence based governance research on the risk of pan-politicization of network public opinion in the digital intelligence era” (Project No. 23CZZ045), funded by the National Social Science Foundation Youth Project (China) in 2023–2026.

**Abstract.** The Russia-Ukraine conflict that started in 2022 has not changed the good development momentum of China-Russia relations. However, discussions about a large-scale confrontation between the West and Russia over Ukraine have also appeared in Chinese society. The choice between pro-Russia or pro-Ukraine positions has become a matter of debate. This article analyzes how Chinese Internet users react to news reports about the Russia-Ukraine conflict on two main video platforms – Douyin (Chinese version of TikTok) and Bilibili (Chinese video hosting similar to YouTube), which are the most popular in modern Chinese cyberspace. The number of views, likes and comments under popular videos on the topic of the Russia-Ukraine conflict is analyzed, and their thematic analysis is carried out. The conclusion is that since Chinese people generally support Russia as China's strategic ally, pro-Russia views related to the Ukraine incident are absolutely dominant in China's Internet space. Although there are also pro-Ukraine comments in online comments, they account for a small proportion.

**Keywords:** public opinion; China; Russia; Russia-Ukraine conflict.

*Received: 14.07.23. Final version: 21.01.24. Accepted: 22.01.24.*

П.Н. КАЗБЕРОВ

## СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ТЕРРОРИЗМ

---

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия (mr.kazberov@mail.ru).

---

**Аннотация.** Проверяется гипотеза, что лица, совершившие террористические преступления, обладают личностными характеристиками, которые свойственны маргиналам. Для проверки гипотезы использовались материалы анкетирования людей, отбывающих в исправительных учреждениях пенитенциарной системы России уголовные наказания за террористические преступления ( $N = 1007$ ), и их тестирования, а также изучались другие характеризующие их материалы, включая тексты судебных решений (приговоров). Установлено, что большая часть основных социально-демографических характеристик, присущих лицам, подвергшимся структурной маргинализации (мигрантность, низкое образование, невысокая трудовая квалификация и т.д.), действительно присутствуют в структуре личности осужденных за терроризм.

**Ключевые слова:** структурная маргинальность • терроризм • отчужденность • осужденные • идентичность • социальные группы

DOI: 10.31857/S0132162524010128

**Постановка проблемы.** Понятие «маргинальность» используется для обозначения относительно устойчивых социальных явлений, возникающих на границе взаимодействия различных культур, социальных общностей и структур, в результате чего определенная часть социальных субъектов оказывается за их пределами [Шалагинова, 2012: 1]. Волны реформирования и кризисов современного российского социума, от перестройки и 1990-х гг. до СВО в начале 2020-х гг., обусловили для многих россиян состояние неопределенности в целом и общекультурной дезориентации в частности. Такая социокультурная энтропия ведет к маргинализации части социума.

В социальной психологии состояние неопределенности и вопрос идентичности определяются как важнейшие элементы формирования приверженности индивида (групп) к радикализации, включая принятие идеологии терроризма [Бовин, 2020: 228]. При этом состояние неопределенности, вызывающее актуализацию дистресса, как правило, характерно для общества и его субъектов именно на этапе серьезных общественных изменений [Моросанова, 2022: 78]. При таких изменениях происходит «размытие» ранее существовавших границ социальных групп и слоев, рост числа аутсайдеров, недовольных существующим положением и легко вербуемых в адепты деструктивных организаций радикального толка. Исследователем маргинализации Н.А. Шалагиновой указывается, что «именно маргиналами переживаются наиболее глубокие, принципиальные изменения в социальном статусе, характеризующиеся неопределенностью, потенциальной многонаправленностью социальной траектории, вызванной статусной несовместимостью и социокультурной переориентацией» [Шалагинова, 2012: 18]. Структурная маргинальность проявляется посредством выведения индивидов (их групп) из сферы общественных связей (отношений) из-за происходящих структурных изменений общественных отношений, вызванных войнами, кризисами в экономике, демографическими деструктивными проявлениями и т.д. [Маргинальность ..., 2000: 31].

**Эмпирическая база и гипотеза исследования.** В качестве гипотезы исследования нами выдвинуто предположение о том, что большая часть основных социологических характеристик, присущих лицам, подвергшимся структурной маргинализации, присутствуют в структуре личности лиц, осужденных за терроризм. Эта гипотеза кажется правомерной, поскольку терроризм – та разновидность девиантного поведения, которая предполагает максимально высокую отчужденность от всех ценностей современного общества (включая ценность жизни людей). Логично предположить, что такую отчужденность будут проявлять в первую очередь социальные маргиналы.

Для выявления и исследования общих характеристик лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера (далее – лиц, осужденных за терроризм), включая их социологические характеристики, авторским коллективом ФКУ НИИ ФСИН России в 2013–2021 гг. проводилась научно-исследовательская работа по сбору эмпирического материала и его интерпретации. Изучаемая выборка включала 1007 лиц, отбывающих уголовное наказание за терроризм в 122 исправительных учреждениях пенитенциарной системы России. В выборку вошло то количество лиц, осужденных за терроризм, в отношении которых удалось получить валидный (достоверный и надежный) эмпирический материал. Выборка экспертно оценивается как репрезентативная по отношению ко всем, совершающим в современной России преступления террористического характера.

Эмпирическим материалом были судебные решения (приговоры) лиц, осужденных за терроризм, материалы из личных дел осужденных, анкетирование осужденных и результаты их психологического тестирования по различным методикам.

#### **Социально-демографические характеристики изучаемой социальной группы.**

Анализ результатов анкетирования и личных дел осужденных за терроризм показал, что в основном (87% осужденных) лица, осужденные за терроризм, являются выходцами с Северного Кавказа и из бывших среднеазиатских советских республик в пропорции 2:1. Их участие в террористических преступлениях связано с сепаратистскими настроениями и с религиозным радикализмом, вылившихся в вооруженное противостояние с легитимной властью, которое тянется с 1990-х гг. К числу оставшихся 13% относятся выходцы из различных регионов Российской Федерации, не представляющие статистически значимо какие-либо из этих регионов.

Заслуживает внимания отношение к религии со стороны лиц, осужденных за терроризм: среди них определяют себя атеистами – 2%, проявляют безразличное отношение к религии – 8%, считают себя «просто» верующими – 20%, абсолютно убеждены в своей вере – 70%. Из общего количества тех, кто определил себя верующим, 88% считали себя мусульманами-суннитами, 5% мусульманами-шиитами, 3% – представителями других течений ислама, 4% – православными христианами.

Ислам суннитского направления типичен для народов Северного Кавказа, их высокую долю среди осужденных за терроризм можно рассматривать как следствие радикальных изменений общественных отношений в этом регионе, вызванных, прежде всего, войнами (обе «чеченские кампании»). Войны более всего порождают состояние неопределенности и общекультурной дезориентации. В случае нашего исследования речь идет об идеологической переориентации на теократическое мироустройство лиц, совершавших террористические преступления, нередко исходя из самых благих намерений религиозного толка.

Пребывая в состоянии неопределенности, часто молодые и физически здоровые индивиды испытывают кризис социальной идентичности, являющийся, в свою очередь, возможным путем к радикализации и к распространению идеологии терроризма. Большинство осужденных за терроризм (77%) были осуждены в молодом возрасте: в возрасте 18–24 года – 23%, 25–30 лет – 31%, 31–35 лет – 23%. На момент осуждения более половины из осужденных не имели своих собственных семей: 49% являлись холостыми, в гражданском браке жили 7%, разведены 6%, женаты во второй раз 1%, имели семью только 37%. Более половины (58%) из числа исследованных лиц, осужденных за терроризм, не имели

на момент осуждения детей: 24% – являлись родителем одного ребенка, 12% – двух детей, 5% – трех детей, 2% – трех и более детей.

В основном лица, осужденные за терроризм, обладают хорошим состоянием здоровья и являются работоспособными. Только у 4% из них имеются какие-либо хронические заболевания. Случаи злоупотребления алкоголем признали 11%, вообще не употребляли алкоголь – 45%. Отметим, что имели опыт употребления «легких» наркотиков – 36%, «тяжелых» – 4%.

Большинство из осужденных за терроризм (77%) отмечают, что в детстве воспитывались до совершеннолетия в полной семье. Только каждый пятый (15%) воспитывался ребенком в неполной семье с одним родителем. 6% воспитывались в детских домах. 2% воспитывали родственники. Лишь 14% из числа исследуемых определили материально-бытовые условия в семье родителей (родственников, в детских домах) в процессе их воспитания как тяжелые. В целом свои материально-бытовые условия 44% определили как средние, 25% как удовлетворительные, 17% как нормальные («нужды не испытывал»). Большинство из опрошенных (87%) признали, что процесс и условия их воспитания носили достойный характер. Лишь 12% дали отрицательную оценку процессу и условиям их воспитания в семье, 46% оценили их как средние, 35% как хорошие и 6% как идеальные.

Однако, несмотря на благополучное детство, участи маргинализации осужденным за террористические преступления не удалось избежать. Очевидно, решающую роль сыграли условия не детства, а взрослой жизни. Так, большинство осужденных (77%) признавали в ходе бесед и анкетирования, что являются выходцами из небольших поселков, деревень, кишлаков, а в большие города подались за лучшей жизнью, но эта жизнь оказалась сложной и противоречивой.

Для понимания механизмов маргинализации лиц, совершивших террористические преступления, целесообразно вспомнить теорию маргинальности Э.В. Стоунквиста – идею об идентификации маргиналов как «культурных гибридов», когда маргинал рассматривается как «неадаптированный мигрант, продукт расовой и этнической “гибридизации”» [Stonequist, 1961: 93]. Неадаптированность таких мигрантов очень выразительно представлена в характеристиках образования и трудовой самореализации лиц, осужденных за терроризм. Лишь немногим более половины (62%) имели общее образование (9 классов – 28%) или общее среднее образование (11 классов – 34%). Среди них закончили профессионально-техническое училище (профессиональное училище) 22%, колледж – 5%, техникум – 7%. Высокий уровень образования встречается очень редко: неоконченное высшее образование имели 2%, высшее – еще у 2%.

Данные о трудовой деятельности осужденных за терроризм свидетельствуют о крайне низком уровне профессиональной самоактуализации и самореализации. 60% осужденных ответили, что не имеют какой-либо специальности, профессии как таковой. До осуждения работали лишь 22%, не занимались трудовой деятельностью или не имели постоянной работы – 78%. Напомним, что речь идет в основном о молодых людях самого работоспособного возраста 24–35 лет. Из числа опрошенных 15% ответили, что трудились до осуждения в сфере промышленности, 5% – в сельском хозяйстве и 2% занимались бизнесом.

Соответственно выглядят и данные о трудовом стаже этих людей: более половины (52%) указали на его полное отсутствие, у 15% этот стаж менее 1 года, у 14% – 1–3 года, еще у 14% – 3–5 лет, у 3% – 5–10 лет и только у 2% – более 10 лет. Еще более плачевно у этой категории лиц обстоят дела с профессиональным стажем (стажем по полученной профессии), которого нет вообще у 72%.

**Основные выводы.** Как видим, образ неадаптированного мигранта вполне соответствует социальным характеристикам лиц, осужденных за терроризм: исповедующие радикальный ислам, они до совершения преступления чаще всего осуществляли миграцию из кишлаков и деревень Северного Кавказа в большие города. В новых культурных условиях больших городов они остались верны своим старым духовным (религиозным) ценностям, проявляя тем самым неадаптированность. Часть осужденных за терроризм

отмечали в интервью, что в своем родном поселении принадлежали к далеко не самому знатному и состоятельному в финансовом отношении тейпу (роду). Как следствие, финансовые трудности и невысокие социальные позиции буквально «заставили покинуть родной край».

Результаты нашего психодиагностического исследования личностных характеристик осужденных за террористические преступления позволили выявить их соответствие комплексу личностных характеристик маргинала, разработанному Т. Шибутани [Шибутани, 2002: 114]. Как и маргиналы у Т. Шибутани, лица, осужденные в России за терроризм, испытывают сложности в адекватной самооценке, постоянно подвергают сомнению свою социальную значимость, испытывают неопределенность в социальных отношениях, боятся быть отвергнутыми. Эти лица также чрезмерно мечтательны и живут в мире фантазий, часто мистического, религиозного характера.

Итак, исследование социально-демографических характеристик лиц, осужденных за террористические преступления, позволяет сделать вывод, что они действительно обладают характеристиками, свойственными маргиналам. Гипотеза нашего исследования, таким образом, нашла свое подтверждение. Пожалуй, все основные социологические характеристики, состояния и ситуации, присущие лицам, подвергшимся структурной маргинализации, определенные в исследованиях ведущих социологов, присутствуют в структуре личности террористов. К их числу относятся: неразрешенность индивидуальной и групповой идентичности, переживания и направления на изменение социального статуса (аспект социальной стратификации), потребность в социокультурной переориентации, переживание последствий войн и сопутствующих им кризисов (экономических, социальных и т.д.), сомнения в своей личной ценности и неопределенность социальных связей, социальная неадаптивность мигранта, социальная мобильность. На наш взгляд, из различных теорий маргинальности, в контексте полученного эмпирического материала, наиболее полно способствует пониманию механизмов маргинализации лиц, совершивших террористические преступления, теория Э. Стоунквиста – прежде всего, его идея об идентификации маргиналов как «культурных гибридов».

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бовин Б.Г. Вовлеченность в террористическую деятельность в России и мире: от психологических к социально-психологическим факторам // Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 2. С. 227–246.
- Маргинальность в современной России. М.: МОНФ, 2000.
- Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс преодоления различных ситуаций неопределенности // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Мат. Межд. юбил. науч. конф., посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г. М.: ИП РАН, 2022. С. 62–78.
- Шалагинова Н.А. Социальная маргинальность: характерологические свойства и типологические признаки. Автореф. дисс. ... к. филос. н. Ростов н/Д, 2012.
- Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 2002.
- Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. N.Y.: Russell & Russell, 1961.

Статья поступила: 13.11.23. Финальная версия: 10.01.24. Принята к публикации: 16.01.24.

## SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF PERSONS CONVICTED FOR TERRORIST CRIMES

KAZBEROV P.N.

*Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service», Russia*

*Pavel N. KAZBEROV, Cand. Sci. (Psych.), Leading Researcher of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service», Moscow, Russia (mr.kazberov@mail.ru).*

**Abstract.** The publication analyzes the conformity question of the personal characteristics of people convicted of terrorist crimes with the main characteristics of the outcasts represented in sociology. In the process of studying the general characteristics of this category of persons, which included a sociological characteristic, empirical materials were obtained that allow us to put forward a working hypothesis that persons who have committed terrorist crimes have personal characteristics that are mainly characteristic of marginals. In addition to the empirical materials of structured interviews with the studied persons, this hypothesis was supported by the materials of questionnaires, testing, as well as the results of studying all the available materials characterizing them, including the texts of court decisions (sentences). Thus, according to the results of a study of the sociological characteristics of persons convicted for terrorist crimes by comparing their own results with the available theoretical and practical results of studying the emergence and manifestation of structural marginality, it was found that the studied persons do indeed have sociological characteristics characteristic of the marginalized. It has been established that most of the main sociological characteristics, conditions and situations inherent in persons subjected to structural marginalization, identified in the studies by leading sociologists, are present in the structure of the personality of people convicted of terrorism. This state of affairs opens up new possibilities in determining and implementing a corrective, corrective impact on the personality of those convicted of terrorist crimes.

**Keywords:** structural marginality, sociological characteristics, persons convicted of terrorist crimes, uncertainty, alienation, migration processes, identity.

### REFERENCES

- Bovin B.G. (2020) Involvement in terrorist activities in Russia and the world: from psychological to socio-psychological factors. *Vestnik RUDN. Ser.: Psihologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]. Vol. 17. No. 2: 227–246. (In Russ.)
- Marginality in modern Russia.* (2000) Moscow: MONF. (In Russ.)
- Morosanova V.I. (2022) Conscious self-regulation as a meta-resource for overcoming various situations of uncertainty. In: *History, modernity and prospects for the development of psychology in the system of the Russian Academy of Sciences: Proceed. of the Intern. Anniver. Scient. Conf. dedicated to the 50th anniversary of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, November 16–18, 2022. Moscow: IP RAN: 62-78. (In Russ.)
- Shalaginova N.A. (2022) *Social marginality: characterological properties and typological features.* Abstract of a diss. ... cand. of philos. sci. Rostov-on-Don, 2012. (In Russ.)
- Shibutani T. (2002) *Social psychology.* Rostov-on-Don: Feniks (In Russ.)
- Stonequist E.V. (1961) *The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict.* New York: Russell & Russell.

*Received: 13.11.23. Final version: 10.01.24. Accepted: 16.01.24.*



# Социологическая публицистика

© 2024 г.

А.Г. ЩЕЛКИН

## СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ: СУЩНОСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ (ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ)

---

ЩЕЛКИН Александр Георгиевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (evropa.ru@gmail.com).

---

**Аннотация.** Считается, что «смена поколений» характеризует именно «современный» тип социума, а для «традиционного» общества такого феномена не существует. Однако Современность в «современных обществах» совсем не достигается формальной «сменой поколений». Поколения могут меняться, но общество от этого может оставаться далеко не «современным». Само существование в реальности еще не гарантирует, не «легитимирует» подлинности (социальных) вещей и феноменов. В социуме фактически могут существовать и «вещи», не отвечающие своей подлинности, не соответствующие своему «определению». Пафос онтологической точки зрения – видеть явление как соответствующее/несоответствующее своей сущности, своей природе. Из этого следует социальная семантика такого феномена, как «Современность», которая селекционирует и удерживает подлинность и зрелость в отличие от «девиантностей» и состояний, индифферентных к этой подлинности и зрелости. Поэтому для понимания темы «смена поколений» предлагается онтологический критерий «Современности».

**Ключевые слова:** смена поколений • онтологический подход • Современность • «значимое поколение» • поколение «синхронистов»

DOI: 10.31857/S0132162524010135

Слово «онтологический» стремительно входит в употребление, и, по признанию М. Хайдеггера, становится очень «модным», но предварительные уточнения по названию статьи не будут лишними. В этой связи хочется упомянуть имя одного советского (!) исследователя, который, как никто другой, способствовал аутентичному пониманию феномена «онтологии», буквально утонувшего в море многочисленных интерпретаций. Речь идет о М.А. Лифшице (1905–1983), который допускал, что «вещи» сами способны наглядно к «самораскрытию» и «самооткровенности». Иначе говоря, всякая «вещь» на вершине своей зрелости информирует нас об «истине» собственной природы и существования. Или, как обычно говорил Лифшиц, «наука широко пользуется откровенностью бытия». Не нужно особой пронизательности и эрудированности, чтобы увидеть в подобном подходе следы и влияние философской классики – онтологии Аристотеля, Гегеля, Маркса. Отсюда и подчас забываемый пафос этой научной традиции. Онтология – это учение не просто о БЫТИИ – в нашем социологическом случае – «социальных вещей», но о БЫТИИ ПОДЛИННОМ, опять же ИСТИННОМ. Отсюда и понятное достоинство «онтологической» точки зрения.

В сущности своей, «по своему определению» «социальные вещи» предстают в истинном виде, в реальности – не обязательно. В реальности – они, увы, часто бывают «девиантными», «симулякративными», «виртуальными», «самопародийными» и что там еще...

**Большие ожидания.** Несмотря на то что образ сменяющихся друг друга разных поколений давно стал как бы расхожей картинкой чуть ли ни цивилизационной динамики человеческого общества, тем не менее этот стереотипный образ продолжает скрывать ряд латентных и озадачивающих явлений. Конечно, «традиционное общество» не знает смены поколений, каковой характеризуется жизнь общества «современного» типа. Однако и в этом в последнем, в обществе «современного типа», смена поколений не всегда гарантирует тот же цивилизационный успех социума. Иначе говоря, познавательная парадигма, известная под названием «смена поколений», хотя и обладает достоинством «объяснительной схемы», тем не менее размеры этого когнитивного достоинства несколько преувеличены.

На первый взгляд, подобный тезис может вызвать законное сомнение. Известно, например, что историческая социальная динамика социума давно трактуется именно в формате «смены поколений» (в культурной антропологии это – М. Мид, в социальной философии – Х. Ортега-и-Гассет, собственно в социологии – К. Мангейм, Ш. Эйзенштадт, Т. Шанин и др.). В частности, Т. Шанин в статье «История поколений и поколенческая история» считает, что ключ к пониманию того, как происходит обновление общества, спрятан в категории «поколение»: «поколение и общность осознания им действительности выступают <...> как важнейшие категории исторического процесса и общества как такового» [Шанин, 2005: 25]. При этом более или менее понятно, что авторы при подобном подходе чаще всего стремятся подчеркнуть, что «важнейшие элементы «цивилизации», <...> возможности их трансформации манифестируют себя не сами по себе, не абстрактными «институтами-учреждениями-структурами», а именно «на уровне индивидуумов» [Шанин, 2005: 27], на уровне индивидуальных биографий, на уровне «человеческого материала».

Надо согласиться, что любая современная социальная теория ищет «задающее начало» не только в анонимных, объективных структурах, но в сознании и действиях живых людей. Этой артикуляцией отличается, например, «активистская школа» П. Бурдьё. В этом плане симптоматично звучал ответ (если не упрек) французского студента антропологу-структуралисту Леви-Строссу в памятные майские дни 1968 г.: «Структуры не выходят на улицы!» Одним словом, попытка увидеть в «поколении» то человеческое «агентство», через которое «работает» История и Современность, – такая попытка будет оставаться постоянным соблазном для социолога и историка.

**Что предполагает «онтологический подход»?** Уже здесь возникают первые недомыслия. Да, «структуры» не выходят на улицы. Это делают люди. В нашем случае лучше сказать «субъекты». Но если эти «субъекты» представляют только самих себя и не несут в себе никакой императивности упоминаемых «структур», так сказать, «исторической миссии», «видения потребного будущего», то данные «субъекты» суть в лучшем случае «персонажи повседневности», то есть пребывающие вне значимой социальной и исторической размерности суть «неукорененные» натуры, в худшем варианте – чистые анархисты. Таким образом, в полном соответствии с классической методологией, всякую субстанцию (вещь, феномен) надо действительно брать под знаком её (возможной) субъектности, опять же активности, которая вместе с тем не произвольна, а является выражением «объективного», «субстанционального», как говорил Гегель.

Другими словами, «поколение» как человеческое, субъектное сообщество только в том случае может быть показателем (цивилизационного) «обновления общества», если представляет собой не только самое себя, но и нечто большее. – Это «нечто большее» обозначают по-разному: «Zeitgeist» (Дух времени), поколение, «олицетворяющее зрелость своей эпохи» (Ортега-и-Гассет), поколением, «задающим тон», генерацией «ключевых», «универсальных» интенций. На социологическом наречии этот сущностный подход закрепился сегодня в виде такого выражения, как «значимое поколение». Сообщества людей, не отвечающее этому онтологическому критерию, хотя и существующих совместно

и одновременно (синхронно) с таким «значимым поколением», можно сказать, не подпадают под категорию «поколение». Их можно классифицировать как просто «присутствующие», о которых легендарный Гераклит говорил с характерной аттической остротой: «присутствуя, они отсутствуют», а В. Шкловский в сугубо научной манере называл «синхронистами». Одним словом, этот (онтологический) подход можно резюмировать и так: поколение как некая общность, отражает либо по большей части черты своего времени и так или иначе «работает» на него (время), либо, напротив, оно «случайно», так сказать, «необязательно» для своего времени и ничего не представляет, кроме самоё себя.

**На фоне постмодернизма.** Этой онтологической точке зрения сегодня противостоят довольно модная в недавнее время, но сегодня находящаяся во внутреннем, затянувшимся кризисе концепция *постмодернизма*. По интересующей нас теме «поколения» эти два подхода разительно не совпадают, если вообще не являются антиподами. Онтологическая точка зрения предполагает понимание и соответственно оценку в том смысле: а с чем мы в реальности собственно имеем дело; перед нами человеческое сообщество, отвечающее природе и сущности «поколения», то есть именно «значимое» поколение, выражающее «дух времени» и «требование текущего момента», «угадывающее будущее» и т.д., или перед нами просто «соприсутствующая» группа людей, которую в демографии называют «когортой», то есть которую объединяет простой физический факт рождения и проживания в один и тот же период времени?

«Постмодернистский» подход к феномену «поколение» не страдает такой онтологической (сущностной) требовательностью. Другими словами, постмодернизм освобождает всякий «феномен» от диктата своей сущности, своей «природы», соответствия своему «понятию». Это значит, что уже самый факт существования якобы «легитимирует» всякую вещь как таковую. Подобная позиция вызывала недоуменный вопрос у молодого Маркса: «Разве голый факт существования какого-либо состояния уже даёт право на существование?» [Маркс, Энгельс, 1956: 102]. И это не единственная проблема. С онтологической точки зрения возникает главный вопрос: а что если эта реально существующая вещь (феномен) представляет собой не что иное, как «отклонение» (девиацию) от собственной «сущности», от своей «природы», опять же от «понятия» о самом себе, то есть от «истины» о самой этой вещи/предмете/феномене? В этом случае ответ в постмодернистском стиле звучит незатейливо, но «принципиально»: это де никакое не «отклонение» или «ложное издание» аутентичной вещи, это якобы вообще не то, что может быть оценено в терминах «хуже» или «лучше», это – просто «Другое», просто «Иная вещь».

Это означает, что в постмодернистской картине мира все состояния, которыми представлена та или иная вещь, «равнозначны». В результате такое важнейшее онтологическое приобретение человечества, как «оценка» (оно же деление предметов из внешнего мира по категории «добро» и «недобро»), решительно теряет смысл. Более того, склонность игнорировать оценку приняла в последнее время характер «интеллектуальной эпидемии», так что всякий, кто по старой, классической привычке и выносит «оценочный» вердикт, вынужден тут же стыдливо оправдываться в том духе, что это де всего лишь его *субъективное* «оценочное» суждение, то есть собственное мнение, не претендующее на объективность.

Внешний мир представляется постмодернисту «плюрализмом» уникальных вещей, пребывающих «по ту сторону добра и зла», по-другому говоря, не подпадающих под оценку на предмет «добра» и «зла». И это при том, что еще в совсем недавнюю «эпоху допостмодернизма» добротная мысль К. Ясперса о том, что «понимание же по своей природе всегда связано с оценкой» [Ясперс, 1991: 40], казалась вполне очевидной.

Постмодернистская аллергия к сущностной стороне бытия вещей, и соответственно отражающая интерес только к «фактическому», «явленному», «частному» бытию вещей, привела не только к отрицанию *оценки* как средства объективного (адекватного) понимания мира, но и породила, в первую очередь, пренебрежение такими важными обобщениями, как «роды», «виды», «типы», «категории» и «понятия». И поскольку эти характеристики относятся, скажем еще раз, к сущностному аспекту «единичных», «фактических»,

«реальных» вещей, то постмодернистская мысль не затрудняет себя поисками «всеобщего», «универсального», «соответствия вещи своей природе», а значит, «подлинности» и «истинности» этих реальных вещей. При первых же признаках «девиации» и «несоответствия» постмодернистский ортодокс подстраховывается, можно сказать, уже ставшим «легендарным» аргументом: просто мы якобы имеем дело не с феноменом данного «рода», а с совершенно ДРУГОЙ вещью. Теоретик постмодернистских принципов Ж.-Ф. Лиотар вообще «объявляет беспощадную войну "всеобщему"», чтобы, как уже говорилось, освободить пространство для всех уникальных локальностей, а значит, и несравнимых между собой вещей, событий, феноменов. Если же оставить реальность вещей без такой оценки, то есть ограничиться только фиксацией того, что есть, в таком случае упускается из виду *долженствование*, то есть понимание, каким образом вещь (феномен, ситуация и т.д.) должна выглядеть «по сути», «по природе своей». Нечего и говорить, что следование на практике этой постмодернистской парадигме в социуме ведет к очевидным последствиям – подвергаются эрозии сами базовые/онтологические основания такого социума. «Самое большое безумие – это видеть мир таким, какой он есть, не замечая того, каким он должен быть» (Сервантес).

Впрочем, этих отступлений в область собственно онтологии вполне достаточно, чтобы начать в «сущностном» ключе разговор о выбранном предмете, о природе такого явления, как «смена поколений».

**Два сценария «смены поколений»: «идеальный» и реальный.** Как объективное явление, «смена поколений» имеет свою устойчивость, свою природу/сущность, свою социальную функцию. На эту тему высказана не одна исследовательская точка зрения. Самая общая и очевидная состоит в простом тезисе, что если бы в социуме не происходила «смена поколений», такое общество было бы обречено оставаться равным самому себе, оставаться «традиционным» обществом, где «дети» социализированы в духе «отцов». Отсюда, казалось бы, правильным рассуждением была бы та мысль, что именно «смена поколений» разрушает консервативную устойчивость «традиционного общества» и дает шансы для развития лучших качеств и фазисов человеческого сообщества в лице «общества модерна» в самом широком смысле этого слова. Своеобразной эмблемой такого сценария могли бы быть слова, приписываемые третьему американскому президенту Т. Джефферсону (1743–1826) и полные пафоса Просвещения: отец становится воином, чтобы его сын мог стать фермером, а сын его сына – поэтом. Иначе говоря, в «прогрессивистской» формуле Джефферсона изображена «смена поколений», как она могла бы совершаться в «норме», или «идеально». Но реальность, выражаясь избитым языком банальности, не всегда укладывается в такие «онтологические» правильности. Проблема заключена в коварстве самого «прогресса»...

**Сюрпризы «цивилизации».** Если иметь в виду такую «правильную» парадигму, описанную, точнее, предложенную Т. Джефферсоном, то относительно поколения «воинов» и поколения «фермеров» можно сказать, что они вполне и предельно укоренены в бытии, явственны и, кажется, не допускают двусмысленности. Что же касается «поэтической» духовности «поколения сыновей», такой экзистенциальной прочности здесь не наблюдается. Первое, что приходит на ум, и что реально часто происходит с «духовностью», и что поэтому ей может быть «вменено», – это «декаданс культуры», о котором со злым упоением первым заговорил в конце XIX столетия, как известно, Ф. Ницше («Не дух опасен, а духовность»). «Смена поколений» как таковая еще не гарант надежного маршрута в направлении цивилизационной устойчивости социума. Онтологическая основательность поколений «воинов» и поколений «фермеров» может продолжиться экзистенциальной «расхлябанностью», утратой «воли к жизни», культом «нигилизма» и дионисийской «неосмотрительностью», наблюдаемой в генерации декадентствующих «поэтов» и их «поклонников».

Этот кризис духовности стал чуть ли не сразу объектом критики со стороны известных авторов – Н. Бердяев, В. Розанов, Л. Шестов, М. Гершензон и др. Но нам интересно мнение социолога, чей авторитет говорит сам за себя. Это Питирим Сорокин. Тем более

что среди прочих фигурантов и авторов «культурного кризиса» Сорокин называет и наших соотечественников, которые, по нашей литературной традиции, в категорию «подрывных элементов» социально-культурного порядка не входят. Речь идет о «патологическом крене» в литературе, о том, что героями стали «извращенные и психически нездоровые характеры Хемингуэя и Стейнбека, Чехова и Горького, состоящие из сумасшедших и преступников, лжецов и подлецов, отщепенцев рода человеческого, рассыпанных среди посредственностей». «Преступники и детективы нашей “релаксирующей” литературы и “триллеров” как бы созданы для того, чтобы вновь подчеркнуть эту мысль, – утверждает Сорокин. – В обла-сти драмы большинство персонажей в произведениях Чехова, Горького и О’Нила психиче-ски ненормальные и извращенные отщепенцы или же попросту откровенные преступники, а в лучшем случае – обыкновенные посредственности» [Sorokin, 1950: 198].

В XX в. «культура» в еще большей степени перестала олицетворять «органическое строение капитала» современной цивилизации. В сравнении с рыночно-экономическими и демократически-политическими «добродетелями» очень многие культурные «ценности» современного общества далеко не очевидны. Про сегодняшнюю «культуру» (в просто-народии – «культурку») обычно говорят, что она выпустила из рук практически всё, что составляло её репутацию, авторитет и влияние. Достаточно доказательно в социологиче-ских терминах об этом говорил Д. Белл («Культурные противоречия капитализма», 1979), равно как на свой лад и другие (К. Лэш. Культура нарциссизма, 1979, Ж. Липовецки. Эра пустоты, 2001). Постмодернистская же «легитимация» культуры и вообще подвергла се-годня многие стороны народной жизни шокирующим испытаниям.

Факт, что за сильным поколением может идти слабое поколение, давно попал в поле зрения многих мыслителей. Почему «цивилизационные» успехи «отцов» не всегда имеют продолжение у «сыновей»? Считается, что чаще всего это связано с «расслабляющим», «обезволюющим», «парниковым» и т.д. эффектом всякой цивилизационной утонченности. О. Шпенглер прогнозировал к 2000 г. знаменитый «Закат Европы», якобы обусловленный, кроме прочего, тем, что мир-цивилизация созревает до очередной деградации каждые 30–40 лет. Столько времени требуется молодому поколению, чтобы беспечно забыть ужа-сы и варварство, которые сопровождали участие нации в периодической «войне наро-дов». А тот же Ф. Ницше предупреждал, что Европе «эпохи модерна» угрожает «Новый буддизм», то есть духовная расслабленность и отсутствие «воли к власти».

В 1970-е гг. на Западе активно обсуждалась угроза достижения современным обще-ством такой «сложности» и «запутанности», когда новые поколения теряют к подобному обществу интерес. «Неуправляемая сложность» грозит погружением текущей цивилиза-ции в «Новое Средневековье» (R. Vacca. The Coming Dark Age, Doubleday, 1973). Наибо-лее впечатляюще эта «пересменка» выглядит в сфере деятельности мотивации. Напри-мер, начавшаяся с пионеров протестантизма («труд как молитва Богу»), она грозит обер-нуться беспомощностью, эгоизмом и бездуховностью «резидентов» общества «чистого потребления». Надо сказать, что тема грозящего наступления «Нового Средневековья» всегда занимала умы многих философов. Не сводя тему подобной «децивилизации» к од-ному какому-то аспекту, в этом интеллектуальном ряду отметились Н. Бердяев, П. Соро-кин, Х. Ортега-и-Гассет, У. Эко и др.

Характерно, что «цивилизационная» деградация при смене поколений симптоматич-но выглядит не только на социетальном, но и на «фамильном» (семейном) уровне. В от-личие от «нормальности», заключенной в вышеупомянутой джефферсоновской модели, в семейных хрониках, как они представлены в художественной литературе конца XIX – начала XX столетия, смена поколений отмечена знаком болезненной динамики.

**Разрыв поколений.** После выхода романа Т. Манна «Будденброки. История гيبة-ли одного семейства» (1901) появилось устойчивое выражение «динамика Будденбро-ков», которое как раз и описывает поколенческую деградацию когда-то могущественно-го семейства. Отец-основатель Иоганн Будденброк сделал карьеру на поставках зерна прусской армии. Ганно Будденброк – последний представитель рода, хрупкий молодой

человек, болезненно погруженный в нетрадиционную манерность музыки эпохи декадентства и в этом пресыщении утративший трудолюбие музыкальной культуры.

Своеобразным философским эхом, отражающим этот феномен, представляется обобщение Л. Шестова: «Праздность [...], и именно праздность [...] вольная, сознательная, презиравшая всякий труд праздность, есть характернейшая черта нашего времени, – разумеется, я говорю о высших, обеспеченных классах общества, об аристократии духа» [Шестов, 1971: 35]. В том же духе опять же Л. Толстой в своей характеристике культурной деградации декадентствующего поколения писал: «Чем занимаются?! Чем занимаются?! И это литература? Вокруг виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки»<sup>1</sup> [Имеется в виду стихи И. Северянина «Вонзите штопор в упругость пробки // И взоры женщин не будут робки!». – Прим. А.Щ.].

Конечно, социум, в конце концов, как-то справляется с опасностью, заложенной в «динамике Будденброков», и, в частности, самосохранение «фамильного капитализма» остается существенной чертой современного бизнеса. «В Западной Европе, согласно одному исследованию, 44% из более 5 тыс. фирм в 13 странах находятся под семейным контролем. В списке Fortune-5000 19% находятся под семейным контролем»<sup>2</sup>. Однако как только общество оказывается затронутым структурным и институциональным кризисом, то явление, очень похожее на «динамику Будденброков», становится небезопасным спутником такого социума. В новейшей экономической истории России социологи отмечают факт, когда поколение «детей» уже часто не склонно продолжать удачный бизнес своих родителей. «Уровень потребностей и амбиций у детей в состоятельных семьях в большинстве случаев как минимум на порядок ниже, чем у отцов. В личных беседах только единицы называют в качестве желаемого уровня финансового благополучия уровень, сравнимый с родителями – и для его обеспечения нет необходимости брать на себя ответственность и обязательства, связанные с управлением крупным сложным бизнесом [...] [«Самореализация»] представителей второго поколения капиталов [имеет] мало общего с российским бизнесом их родителей»<sup>3</sup>.

Какое социологическое резюме напрашивается в аспекте «поколенческого разрыва», наблюдаемого в реалиях XX–XXI столетий?

В любом из них – особенно ницшеанско-шпенглеровском – много правды, как много правды (но не всей) в «законе возрастания энтропии». Но как «закон возрастания энтропии» не действует в «открытых системах», так и упадок цивилизаций до варварского саморазрушения в «открытом» пространстве социума и истории не может быть абсолютизирован, то есть такой концепт не может быть адекватным описанием.

**Смена поколений и цивилизационная непрерывность.** Вместе с тем если в смене поколений заложена опасность разрыва цивилизационной непрерывности («отцы виноград ели, а у нас оскомины»), то естественный интерес социолога состоит в понимании того, какими возможностями располагает социум, чтобы противостоять подобной опасности. Эта постановка вопроса возвращает нас к теме «онтологической сущности/природы» человеческого поколения.

При такой постановке вопроса легко допустить, что эта сущность и природа всякого поколения сводятся к тому, что любое поколенческое сообщество видит свое собственное человеческое существование не во всякой в среде обитания (*milieu*), а в такой, по поводу которой такие мыслители, как, например, Гегель, всегда употребляют значимое выражение – «чувствовать себя как дома». При этом требование объективности никуда

<sup>1</sup> Эйдельман Д. Два вида пошлости. URL: <https://dzen.ru/a/Xo81myayLQ4OYdAB> (дата обращения: 01.11.2023).

<sup>2</sup> Климов И. Почему не спешат отдавать своё дело детям. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/pap-daj-milliard-pochemu-biznesmeny-ne-speshat-otdavay-svoe-delo-detyam/> (дата обращения: 01.11.2023).

<sup>3</sup> Шпак А., Анищенко А., Мисютина В. Разрыв между поколениями. URL: <https://www.skolkovo.ru/news/razryv-mezhdu-pokoleniyami-2/> (дата обращения: 01.11.2023).

не дается и имеет не менее значимую силу, что буквально должно означать, насколько всякое «новое» поколение отвечает потребностям и задачам социума на его данном историческом этапе? В последнем случае для всякого «поколения» вариантов, собственно, два. Либо в результате «культурного декаданса» поколение «детей» вырождается до непереносимой неадекватности «текущему моменту», и тогда ситуацию «спасают» другие силы, как правило, с характерной установкой на варварскую неприхотливость. Либо поколение «детей», наоборот, поднимается до понимания социальной и исторической «повестки дня» («я ль буду... подражать тебе, изнеженное племя переродившихся славян»), и тогда такое «поколение» сохраняет верность цивилизационному призванию, а сам феномен «смены поколений» получает свой позитивный, онтологический смысл.

В порядке иллюстрации первой «опции» проф. Т. Шанин приводит рассуждения, идущие от Ибн Халдуна (XIV в.), о том, как работает «поколенческая причинность» на Востоке. Конкретно, речь идет о династиях бедуинов, их переходе с воинственного на оседлый образ жизни в завоеванных городах, далее к материальному обогащению и неизбежной утрате воинского духа и последующим завоеванием их новыми пустынными племенами [Шанин, 2005: 20]. В самом общем виде этот сценарий «поколенческой смены» относится к лукрециевской картине мира: «нынче к упадку идут времена».

Неудивительно, что в этом случае встает неслабый парадоксальный вопрос: не является ли упадок цивилизации (децивилизация) обязательным условием последующего возвращения к цивилизации и не слишком ли такой маршрут оказывается рискованным и варварским – ведь децивилизация может оказаться необратимо-затянувшимся, а значит, более устойчивым состоянием, чем цивилизация? И не рождается ли перед лицом такой опасной «перспективы» сверхзадача и супермиссия всякого поколения по предотвращению такой, с позволения сказать, «перспективы». Иначе говоря, если признать, что значительный исторический период общество существует именно в таком негарантированном и незастрахованном состоянии (в терминах У. Бека, это – случай «общества риска»), то спрашивается, не должна ли в дальнейшем «непрерывность цивилизации» обеспечиваться не ожиданием «пользы» от децивилизации и неоварварства, а скорее опорой на «текущее» поколение, точнее, на его внутренние неизрасходованные ресурсы и возможности, на его политическую волю и способность держаться за «онтологический минимум» цивилизованности.

**«Юность – это возмездие»** (Г. Ибсен). Своеобразной иллюстрацией к этому сценарию континуальности (непрерывности) и самосохранения цивилизации во времени могло бы служить историческое визионерство поколенческой драмы у Александра Блока в поэме «Возмездие» на примере русского общества рубежа XX в. Имея в виду современную европейскую цивилизацию, поэт отказывает Шпенглеру в реализме его модели «Заката Европы». А. Блок видит разрыв «отцов» и «детей» безусловно драматично, но не в духе шпенглеровского фатализма и обреченности. В пределах дуэта «отцы – дети» вина, ответственность и надежда строго дистрибутированы. Речь идет о трагической вине «промотавшихся отцов» перед лицом «обманутых детей» и о «сотериологической» миссии последних. А. Блок берет за исходный пункт знаменитый ибсеновский приговор, выносимый «юностью» старшему поколению: «Юность – это возмездие». При этом «возмездие», о котором идет речь, свободно от обостренного мщения и зашкаливающего ресентимента. Напряжение «поколенческого разлома» питает энергией решительность и целеустремленность молодости. Поэма писалась в революционно-катастрофические 1910-е гг. Автор, не будучи сторонником плоской «теории прогресса» («растущая во мне ненависть к различным теориям прогресса»), видит не только катастрофу дворянского поколения (с его «культурой сантиментов»), но и – в первую очередь – шанс, когда «последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; [...] готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо истории, которым движется история человечества... Путем катастроф и падений [в России] постепенно освобождаются от русско-дворянского education sentimentale», «уголь превращается в алмаз», Россия – в новую

Америку; в новую, а не старую Америку»<sup>4</sup>. Из этого примера видно, что «разрыв поколений» может протекать не разрушительно, а даже, напротив, продуктивно, если поколение «детей» готово и способно решать коллизии, рожденные этим «разрывом» и одновременно рождающие его. И здесь остается только повторить, что в умении понимать и находить ответы на социальные вызовы собственно и состоит онтологическая природа всякого поколения, будь то генерация «отцов» или «детей».

**Не всякое отклонение от цивилизации есть децивилизация.** Каждая генерация так или иначе сопричастна своей эпохе. Она не только участник и даже – так бывает – её создатель, но и... «жертва» своего времени. Речь идет о том обстоятельстве, о котором «поколение» чаще всего даже и не подозревает: за каждый успех цивилизации приходится платить из арсенала «базисных» накопленных, сделанных на предыдущих этапах. С высоты «развитого», «достойного человека» и т.д. состояния эти «базисные» кондиции кажутся архаическими и несовременными. Тем не менее они представляют собой страховочный материал в случае кризисных и форс-мажорных обстоятельств. Мысль эту можно проиллюстрировать ссылкой на широко распространенный сегодня взгляд на современное общество как общество «постматериальных ценностей». При этом многие из авторов этой концепции вынуждены признать, что «в моменты экономического спада весь социум [...] склонен занимать более материалистическую позицию»<sup>5</sup>. Иначе говоря, во имя самосохранения отступать как бы на шаг назад. Из этого вытекает, что само по себе возвращение к «материалистическим установкам» является не обязательно признаком «децивилизации/варваризации» социума. Наоборот, драма начинается, если поколение «идеалистов» необратимо утрачивает навыки из жизни «материалистической эпохи». Гегель в одном месте симптоматично выразился в том духе, что умение «спускаться к основам» является непременным условием самосохранения всякой человеческой цивилизации.

**О субъектности поколения – «между молотом и наковальной».** Значение поколения определяется во многом тем, как оно распоряжается своей субъектностью, т.е., как оно артикулирует себя в качестве *агента действия*. Между тем диапазон социального присутствия поколения включает в себя не только и не столько состояние активности, а значит, понимание и навязывание социуму его «потребного будущего», но предполагает и довольно «послушную» роль «объекта воздействия» со стороны обстоятельств и событий, происходящих в обществе. Иначе говоря, это положение «между молотом и наковальной»...

Говорить о полноценной субъектности всякого поколения – значит говорить о том, насколько прочно укоренена и устойчива та или иная генерация в наблюдаемых социальных обстоятельствах. Ответ на этот вопрос несет в себе много неожиданного. Часто бывает, что поколение, которое вроде бы имеет все основание манифестировать себя как «значимое», выражающее «дух времени», ставшее даже «модным» и представленное чуть ли не во всех возрастных когортах, социальных и профессиональных группах, вдруг молниеносно исчезает из пространства Современности. Разве неправильно объяснять это именно слабой укорененностью по сравнению с силами ретроградной традиционности и такой же примордиальности? Примеров много – только один навскидку.

Юрий Тынянов в одном из романов пишет: «На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось; раздался хруст костей у Михайловского манежа – восставшие бежали по телам товарищей – это пытали время, был “большой застенок” (так говорили в эпоху Петра) [...] Лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянущиеся лосинами щек, готовые лопнуть

<sup>4</sup> Блок А. Автобиография. URL: <https://info.ru/blok/stihi/poemy/vozmezdie.html> (дата обращения: 01.11.2023).

<sup>5</sup> Ингелхарт Р. «Мир становится более безопасным». URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/20/values/> (дата обращения: 01.11.2023).



жилами. Жилы были жандармскими кантами северной небесной голубизны, и остзейская немота Бенкендорфа стала небом Петербурга»<sup>6</sup>. Это про молниеносный разгром декабристов на Сенатской площади. И не только на Сенатской площади. Поколение декабристов перестало существовать для общества. И они приняли это как свой фатум. Остается только добавить, что это произошло как раз на фоне того, что эпоха реформаторско-декабристского движения началась задолго до 1825 года, чуть ли не по инициативе Александра I («Интимный кабинет», куда император пригласил видных реформаторов своего времени), а «тайные общества» были никакими не «тайными», а скорее популярными «дискуссионными клубами». Но оказалось, что указанной укорененности и необратимости «поколение декабристов» и близко не достигло: «на очень холодной площади в декабре 1825 года перестали существовать люди двадцатых годов».

И наоборот: когда государственная власть заинтересована в вовлечении молодого поколения в сферу своих планов, то быстро находятся и возможности организационного «упрочения» этой молодежи в качестве удобного исполнительного элемента. Поприщем таких молодежных союзов могут быть разные площадки: спортивные – например, очень популярный в свое время гимнастический союз «Сокольское общество» с заметной панславянской ориентацией; спортивно-военизированные – скауты; собственно, политизированные – пионеры, комсомол, гитлерюгенд и проч.; религиозные – к примеру, YMCA (Young Men's Christian Association). Именно такой способ социального «укоренения» молодого поколения (не без помощи государственного патронажа) был рассмотрен Ш. Эйзенштадтом в работе «От поколения к поколению» (1956).

**Почему надо говорить не только о «разрыве», но и «интеграции» поколений?** «Легендарная» М. Мид была протагонистом «перспективной» (устремленной в будущее) модели поколения, когда старшие поколения учатся у младших. Известно, что знаменитый культурный антрополог стала жертвой собственного увлечения, чуть ли неумышленно приписав традиционному укладу племен Самоа 1920-х гг. либерально-современные черты сексуального поведения. Под углом прорыва в будущее поколенческий конфликт часто так и рассматривается. Американский социолог Л. Фойер [Feuer, 1969] считает, что данный конфликт «является универсальной темой человеческой истории. Он основывается на самых изначальных чертах человеческой природы и является, может быть, даже более важной движущей силой, чем человеческая борьба [...] История всех до сих пор существовавших обществ есть история борьбы между поколениями» (цит. по: [Игнатова, 2005]).

Однако выпячивание лидирующей роли молодежи в «перспективной» модели едва ли релятивно даже для «современного» общества. Достаточно вспомнить дискуссию Ю. Левады и В. Ядова с Т. Шаниным на эту тему, где позиция первых выглядела заметно предпочтительней. В этом же смысле можно напомнить вышеприведенные аргументы в пользу того, что *активная*, то есть *субъектная* позиция молодежи – вещь очень проблематичная, особенно в недемократических странах, когда дело касается молодежного самоутверждения в сфере власти и гражданских свобод. Здесь наблюдается доминирование старшего поколения, с одной стороны, и конформизм – с другой.

Кроме этих эмпирических свидетельств есть фундаментально-онтологические причины говорить не только об экзистенциальных последствиях «разрыва поколений», но и о необходимости преодоления этого разрыва и ценности «преемственности» смежных поколений. Если у К. Мангейма теория поколений, которая строится на базе концепта и заботы о «единстве поколений» (для чего автор много рассуждает о «социализации» подрастающего поколения), кажется мотивированной «идеологически», то в дальнейшем о «преемственности поколений» говорят и в более трезвых и не лишенных гуманности терминах. В частности, обращает на себя внимание концепция «межпоколенческой справедливости». Речь идет о том, что социально-экономические и экологические

<sup>6</sup>С. 19. Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара. М.: Правда, 1984.

возможности для будущих поколений должны быть как минимум такими, как и у теперешнего поколения<sup>7</sup>.

В эпоху, когда человеческая цивилизация подвергается испытанию на прочность в противостоянии сайентизации (цифровизации) и просто варваризации и антикультуре, именно забота о сохранении и преемственности цивилизационных и человеческих достоинств в культурном арсенале всякого следующего поколения, – именно это старание и составляет один из главных мотивов «диалога поколений».

Надо сказать, что сегодняшние тревоги такого рода небеспрецедентны. И. Тургенев, задавший формат «Отцы и дети», представлял «разрыв» поколений достаточно пронзительно, а именно тоже под этим углом. Главное состояло не в преимуществах от обладания «нового», естественно-научного знания у «современного» ему поколения и дефиците этого «знания» у «отцов». Речь шла, конечно, о другом. Речь шла о присутствии «сентиментализма», «романтизма», «культурности», в конце концов, у старших и отсутствии такового у младших. Для русского писателя именно культура была «содержанием». В этом и был свой глубокий смысл, и Тургенев переживал утрату этого «содержания» в лагере «нового» поколения. Он выразил дихотомию «отцов» и «детей» следующим эпитафией: «Отцы – содержание без силы [«знание – сила». – Прим. А.Щ.], дети – сила без содержания». Правда, в текст романа этот эпитаф не вошел.

**Резюме. Онтологический смысл понятия «новое поколение».** Было уже сказано, что поколение становится «новым» не потому, что оно чем-то отличается от «старого». Такие отличия всегда будут («Бог леса не ровнял»). Онтологически и принципиально важно, чтобы ОТЛИЧИЕ было *сущностным*, а это значит, что «новизна» поколения измерялась тем, насколько данная популяция соответствует сущности, или определению понятия «поколение». В противном случае перед нами действительно *просто другое* поколение. И имя им (этим «другим») миллион. Поэтому социология, которая тешит свое профессиональное самолюбие гордостью за то, что открыла в предмете «новое», а точнее, то, что раньше не присутствовало в реальности, – такая социология обречена на «дурную бесконечность» такой «новизны», таких «различий».

Подлинная новизна и значимость поколения обнаруживается там и тогда, где и когда «поколение детей» справляется со своей социальной функцией, призванием, судьбой, миссией и т.д. Чаще же всего любое конкретное, эмпирическое поколение само ограничено и жестко детерминировано материальными обстоятельствами, что делает его подчас неспособным к своей «миссии», к реализации своей «природы». Уточним почему.

Орудие человека – это его сознание. Сознание, как известно, слишком интенционально, то есть непосредственно устремлено на объект, чтобы свободно и творчески «смотреть по сторонам». Если сознание (поколения) «зацепилось» за *ближайшее* окружение, а тем более еще и детерминировано им, то панорамное, периферийное, а паче, футурологическое (оно же рефлексивное) видение не доступно такому сознанию.

Поэтому поколению с подобным ограниченным умственным кругозором не доступно понимание того, что сущностно *не хватает* социуму, и выразителем этого дефицита и нужды могло бы быть «значимое» поколение. И «значимо» оно потому, что смотрит на сложившуюся ситуацию как бы «из будущего». Понимать такие вещи – профессиональная обязанность социолога, берущегося за тему «поколения». Именно такое понимание возможностей и природы человеческого сознания демонстрировал и оставил нам М. Лифшиц, как это можно видеть в его последнем труде «Диалог с Эвальдом Ильенковым» [Лифшиц, 2003].

---

<sup>7</sup> Межпоколенческая справедливость. URL: [http://samlib.ru/s/shaweko\\_n\\_a/lekcija6mezhpokolencheskajasprawedliwostx.shtml](http://samlib.ru/s/shaweko_n_a/lekcija6mezhpokolencheskajasprawedliwostx.shtml) (дата обращения: 01.11.2023).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Игнатова Т.В. Преемственность и конфликт поколений // Образование и общество: науч., информ.-аналит. журн. 2005. № 3. URL: [http://www.jeducation.ru/3\\_2005/100.html](http://www.jeducation.ru/3_2005/100.html) (дата обращения: 06.06.2016).
- Лифшиц М. Диалог с Эвальдом Ильенковым. М.: Прогресс – Традиция, 2003.
- Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: ИПЛ, 1956.
- Шанин Т. История поколений и поколенческая история. Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: НЛО, 2005.
- Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Париж: YMCA-PRESS, 1971.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М: Политиздат, 1991
- Feuer L.S. The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements. Basic Books, 1969.
- Sorokin P. Altruistic Love. Boston: The Beacon Press, 1950.

Статья поступила: 27.11.23. Принята к публикации: 11.12.23.

## CHANGE OF GENERATIONS: ESSENCE AND REALITY (ONTOLOGICAL POINT OF VIEW)

SHCHELKIN A.G.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Alexander G. SHCHELKIN, Dr. Sci. (Philos.), Prof., leading researcher of the Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (evropa.ru@gmail.com).

**Abstract.** The ontological interpretation of the phenomenon of “changing generations” is fundamentally different from the current understanding of “change of generations”. The ontological approach presupposes an answer to the most important question: to what extent does the “generation” represented in reality correspond to its “nature”, its “essence”, its “definition”. Hence, until recently, we observed precisely the “qualitative”, “essential” classification of generations – “lost generation”, “great generation”, “silent generation”, “baby boomers”, “Buddenbrooks dynamics”, “Jefferson formula”. Today’s anonymous numbering of generations is X, Y, Z, Alfa, Beta, Gamma etc.– does not imply such a goal. Today’s (postmodern) vision is focused rather on the “digital-centricity” and “computer competence/familiarity” of new generations. From an ontological point of view, it is important to see to what extent in reality this or that generation reflects not so much itself as the “spirit of the times”, to what extent it is a “significant generation”, expresses a “needed future”, to what extent it contains the social pathos of “solidarism”, “humanitarian” and “civilizational” characteristics of human society. The “mental crisis” may be that the acquisition of “digital virtues” will be purchased at the price of an unacceptable ontological loss. “Homo non vult esse nisi homo.” – A person does not want to be anything other than a person (Nikolai Kuzansky). Ontological “definition” in this sense seems to hold every social “thing” in its “essential”, “programmatic” certainty. The conclusion suggests itself. An ontological view of the phenomenon of “new generations” can play the role of “methodological resistance” to the “digital reductionism” into which the human existence of “new” generations can easily plunge.

**Keywords:** generational change, ontology, “significant generation”, postmodern, “spirit of the times”, “synchronists”.

## REFERENCES

- Feuer L.S. (1969) *The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements*. Basic Books.
- Ignatova T.V. (2005) Continuity and conflict of generations. *Obrazovaniye i obshchestvo: nauch., inform.-analit. zhurn.* [Education and society: scientific, information and analytical journal]. No. 3. URL: [http://www.jeducation.ru/3\\_2005/100.html](http://www.jeducation.ru/3_2005/100.html) (accessed 06.06.2016). (In Russ.)
- Jaspers K. (1991) *Smysl i naznacheniyе istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Lifshits M. (2003) *Dialogue with Evald Ilyenkov*. Moscow: Progress – Traditsiya. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1956) *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. Moscow: IPL. (In Russ.)
- Shanin T. (2005) *History of generations and generational history. Fathers and Sons. Generational analysis of modern Russia*. Comp. by Yu. Levada, T. Shanin. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Shestov L. (1971) *Apofeoz bespochvennosti* [Apotheosis of groundlessness]. Paris: YMCA-PRESS. (In Russ.)
- Sorokin P. (1950) *Altruistic Love*. Boston: The Beacon Press.

Received: 27.11.23. Accepted: 11.12.23.

© 2024 г.

## 55 ЛЕТ СИБИРСКОЙ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

19 октября 2023 г. состоялось очередное заседание научного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», регулярно организуемого Институтом философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН, Новосибирск) с 1995 г. Дважды он базировался в Новосибирске, а с 1997 г. стал «кочующим»: по предложению коллег из регионов его проводили в Хакасии, Туве, Бурятии, Республике Алтай, Красноярске, а также в г. Семей (Казахстан), мобилизуя в т.ч. многих местных исследователей и представителей органов власти для дискуссии по актуальным проблемам этносоциального развития. Неоднократно семинар проводился в рамках Конгресса этнографов и антропологов России, а также в структуре других научных форумов. В этот раз он был включен в обширную программу X Международного сибирского исторического форума в Красноярске и посвящен 55-летию сибирской этносоциологии. Ее начало датируется 1968 г., когда в структуре Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ИИФФ СО АН СССР), из которого позднее выделился ИФПР СО РАН, появился сектор комплексных исследований проблем развития народов Сибири. Одновременно с этим начались эмпирические социологические исследования по этносоциальной тематике.

Организаторы семинара исходят из представления об этносоциальных процессах как динамическом измерении этнического феномена – реального явления в его социальном контексте, динамике и диалектике объективного и субъективного, устойчивости и изменчивости, реального и виртуального, рассматривая данные процессы продуктом взаимообусловленного развития этносоциальных субъектов – этнически маркированных социальных образований в виде этнических сообществ, этнических групп, диаспор, лидеров этносоциальной активности и общественных мнений и т.п. В фокусе внимания участников семинара традиционно находятся: устойчивые и изменчивые тенденции развития современных этносоциальных процессов Сибири в противоречивых условиях глобализации и цифровизации; особенности их протекания в разных сферах жизни (от этноэкологических и этнодемографических проявлений до этнополитических и этноправовых); динамика субъектности этнических сообществ в разных регионах Сибири и на сопредельных территориях; участие этнически маркированных акторов (индивидов и сообществ) в публичной политике и управлении на разных уровнях организации российского общества и др. Теоретический контекст исследования этносоциальных процессов предполагает синтез социоцентричного и персоноцентричного подходов к этносоциальной субъектности. В основе такого подхода лежит идея взаимодополнительности методологического индивидуализма и методологического холизма в изучении этнического феномена, не сводимого к проблемам этничности.

В дискуссии и материалах семинара в Красноярске обсуждались несколько групп проблем. Прежде всего речь шла о наследии новосибирской научной этносоциологической школы, с разработок которой начиналась сибирская этносоциология 55 лет назад. Руководитель семинара **Ю.В. Попков** (ИФПР СО РАН) представил анализ ее методологических оснований, этапов развития и достижений. В частности, акцентировал внимание на использовании парадигмы социального взаимодействия в ее диалектико-материалистической интерпретации как основополагающего методологического базиса теоретических и прикладных разработок представителей школы, а также на существующих в настоящее время угрозах для этносоциологии как самостоятельного

научного направления. Они связаны в т.ч. с современным доминированием антропологизма и жестким давлением либерально-конструктивистских установок в изучении этнического феномена. Содержательная характеристика этносоциальных процессов обоснована им в качестве основополагающей предметной области этносоциологии. **Е.А. Ерохина** (ИФПР СО РАН) остановилась на научной экспертизе проектов этносоциального развития на Севере в позднесоветский и ранний постсоветский периоды с учетом наработок новосибирских этносоциологов. **О.А. Персидская** (ИФПР СО РАН) рассмотрела теоретико-методологические основания и основные направления исследований этнической идентичности в работах своих коллег, обосновав идею не одномерных ее трактовок, а сложных конструкций и разных форм.

Многие темы касались теоретико-методологических и методических вопросов этносоциальных исследований. **Л.В. Анжиганова** (ХГУ им. Н.Ф. Катанова) и **М.В. Топова** (ХНКМ им. Л.Р. Кызласова), отвечая на поставленный в названии своего доклада вопрос, являются ли современные этносы «воображаемыми сообществами», обосновали ответ: они остаются объективно существующими общественными явлениями, поскольку объединены реальными кровно-родственными связями и по-прежнему реализуют стратегическую цель – быть целостными, стабильно развивающимися во времени и пространстве этническими сообществами. **Ю.М. Аксютин** (ХГУ им. Н.Ф. Катанова) представил материал об этническом капитале хакасского народа. **О.В. Васильева** (ИГИИПМНС СО РАН) посвятила свой доклад анализу неоднозначных последствий навязанной западной понятийной системы в области исследования этнической проблематики (как следствие интеграции России в капиталистическую мир-систему) для анализа этносоциального развития современной России. **И.С. Тарбастаева** (ИФПР СО РАН) касалась вопроса о роли коллективных прав этнических сообществ в регулировании этносоциальных процессов. **А.А. Пригарин** (РГГУ) обратил внимание на наличие современного кризиса этнологии/антропологии и акцентировал важность элементарных единиц специфического познания в полевых науках: «этнографического факта» и «этнографического источника». **Е.Г. Маклашова** (ИГИИПМНС СО РАН) поделилась результатами исследования социального самочувствия представителей разных этнических групп Республики Саха (Якутия), подчеркнув необходимость выделения его этнокультурного измерения и специальных индикаторов в ситуации существующей региональной и локальной поликультурности.

**А.А. Стороженко** (ТувГУ) на примере старообрядческих общин Каа-Хемского района Тувы сделала анализ социокультурной адаптации последователей старой веры в иноконфессиональной и иноэтничной среде, подчеркнув устойчивость элементов традиционной культуры на протяжении длительного времени. **И.Н. Трошкина** (ХНИИЯЛИ), опираясь на результаты эмпирических исследований, акцентировала важную роль традиций как основы семейных ценностей представителей титульных этносов Южной Сибири (хакасов, тувинцев, алтайцев). Аналогичной темы применительно к тувинцам касался материал **С.М. Карашпай** (ТИГПИ). Проблемам экономического поведения и экономических практик у представителей разных этнических групп посвящены доклады **М.Р. Зазулиной** (ИФПР СО РАН) и **О.Л. Лушниковой** (ХНИИЯЛИ). **Т.Г. Недзельюк** (СИУ – ф-л РАНХиГС; АГУ) представила материал о моделях поведения мигрантов в зависимости от степени удовлетворенности/неудовлетворенности религиозных потребностей переселенцев. **А.Е. Захарова** (ИГИИПМНС СО РАН) коснулась этноязыковой идентичности долган Хатанго-Анабарского региона.

Проблематика нескольких докладов выходила за рамки сибирской тематики. Так, **А.А. Изгарская** (ИФПР СО РАН) и **С.А. Хлыновская** (Образовательная школа, Новосибирск) затронули проблемы социального неравенства в современной России в контексте формирования цивилизационной идентичности. **Д.В. Ушаков** (ИФПР СО РАН) сделал анализ российско-монгольских отношений в современных геополитических условиях с привлечением результатов собственных этносоциологических исследований; доклад **М.А. Магомедовой** (РЦЭИ ДФИЦ РАН) посвящен состоянию и тенденциям развития этнополитических процессов на Северном Кавказе; тема выступления **Н.П. Мироновой** (ИЯЛИ ФИЦ

Коми НЦ УрО РАН) касалась этнокультурных и миграционных ориентаций современной студенческой молодежи Республики Коми (по материалам социологических исследований 2020–2023 гг.). Две темы имели отношение к проблемам визуализации результатов этносоциальных исследований: в материалах **Л.Б. Четырковой** и **Н.М. Сергеевой** (СНИУ им. С.П. Королева) – визуальной репрезентации образа калмыков в контексте семьи в период депортации в Сибирь и **О.В. Карачаковой** (ХГУ им. Н.Ф. Катанова) – отражения истории хакасского народа в символике государственного герба Республики Хакасия.

Ю.В. ПОПКОВ

---

*ПОПКОВ Юрий Владимирович, д. филос. н., профессор, гл. науч. сотр. Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия (yuripopkov54@mail.ru).*

---

## 55 YEARS OF SIBERIAN ETHNOSOCIOLOGY

DOI: 10.31857/S0132162524010148

---

*Yuri V. POPKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher of Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia (yuripopkov54@mail.ru).*

---

© 2024 г.

## КОНГРЕСС СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ТЮРКСКОГО МИРА

I Международный конгресс социально-политических исследователей тюркского мира «Ценности личности и общества в условиях геополитической турбулентности и постглобализационного мира: традиции и новации» состоялся 26–27 октября 2023 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете (КФУ). Конгресс носил междисциплинарный характер и объединил исследователей из социологии, политологии, экономики, юриспруденции. В рамках Конгресса было проведено шесть секций, две из которых социологические, и два круглых стола, в работе которых приняли участие более двухсот ученых из разных городов России, а также Белоруссии, Турции, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Йемена.

Пленарное заседание открыл президент КФУ проф. **Р.Г. Минзарилов**, отметивший символичность того, что Конгресс проходит именно в Казани, которая на протяжении столетий выступает связующим звеном в отношениях между Западом и Востоком, а также подчеркнул, что проведение на базе КФУ столь представительного мероприятия является признанием весомой роли и достижений исследователей Татарстана в развитии социально-политической мысли на евразийском пространстве.

С приветственным словом на пленарном заседании также выступили заместитель премьер-министра РТ **Л.Р. Фазлеева**, проректор КФУ **А.М. Межведилов**, вице-президент АН РТ проф. **В.В. Хоменко**, президент ЕАС проф. **Г.Т. Галиев**, проф. **Н.Г. Багаутдинова**, проф. **Л.Т. Бакулина**, проф. **М.Ю. Ефлова**, проф. **Р.Ш. Давлетгильдеев** (все – КФУ, Казань).

С пленарными докладами выступили: проф. **М.Д. Щелкунов** (КФУ) «Человечество на пути к новому мироустройству»; чл.-корр. РАН, проф. **С.А. Афонцев** (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Евразийская интеграция: экономические возможности в условиях

геополитических вызовов»; проф. **И.В. Ивахнюк** (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Евразийская миграционная система: новые тренды и перспективы развития».

В рамках секции «Жизненное пространство современной молодежи: вызовы, проблемы, возможности» (модераторы **Е.Л. Омельченко** (НИУ ВШЭ – СПб.), **О.А. Максимова** (КФУ)) прошло обсуждение разных проблем, связанных с жизненным пространством молодежи: эковолонтерства, проблем детей из приемных семей, барьеров социального включения иногородних студентов, молодежных субкультур, молодежного предпринимательства, личностных факторов построения карьерной траектории и многих других. Наибольший интерес аудитории вызвали доклады: **С.Ю. Демиденко** (ИС ФНИСЦ РАН) и **Л.А. Мильдивской** (незав. исслед.), посвященный факторам развития эковолонтерства в России (по результатам интервью с молодыми эоактивистами); **Е.Л. Омельченко** и **И.В. Лисовской** (обе – НИУ ВШЭ – СПб.) о нарративах о переезде, барьерах, сценариях социального включения региональной молодежи, подготовленный по итогам работы в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ – СПб. и КФУ; **А.Р. Гарифзяновой** (КФУ) о специфике крафт-предпринимательства и **С.А. Сергеева** (КФУ) об истории молодежных субкультур и их развитии в современной России.

На заседании секции «Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» (модераторы: **И.С. Глебова** (КФУ), **З.А. Отарашвили** (Ун-т «Иннополис»)) обсудили вопросы исследования эмоционального взаимодействия человека с искусственным интеллектом; затронули проблемы позитивного и негативного влияния цифровизации на различные сферы деятельности человека, в т.ч. экономические эффекты от внедрения цифровых решений в системы управления; на базе социологических опросов и автоматизированного сбора данных рассмотрели стратегии цифровой активности и цифровой компетентности молодежи, реализацию социальных практик и норм в виртуальных сообществах, а также конфиденциальности данных в цифровой среде и доверие институциональным мерам защиты данных. Оживленную дискуссию вызвали доклады **Х.К. Геграева** (КБГУ) «Балкарский народ в поисках социально-культурной идентичности в условиях трансформирующегося общества»; **К.А. Гариной** (КФУ) «Цифровая активность молодежи: формы и стратегии» и **И.С. Глебовой** (КФУ) «Цифровая активность и цифровая грамотность молодежи Республики Татарстан: социологический аспект».

Во второй день Конгресса состоялось два круглых стола. «Молодежь в сетях большого города: ресурсы и барьеры социального включения» был посвящен представлению результатов работы проекта «Зеркальной лаборатории»: НИУ ВШЭ – СПб. и КФУ (**Е.Л. Омельченко**, **М.Ю. Ефлова** и другие участники проекта). Второй «Социальная и гражданская активность детей и молодежи в условиях цифровизации» был проведен кафедрой общей и этнической социологии ИСФН КФУ совместно с региональным отделением ООГДДМ «Движение Первых» РТ. **Л.Р. Засыпкина** (РО «Движение Первых») рассказала об основной задаче Движения – вовлечении детей и подростков в коллективную творческую деятельность, предоставлении возможностей для реализации в творчестве, спорте, волонтерстве и т.д. **А.В. Липатова** (КФУ) подняла вопросы исследований ценностей и социальных практик детей, подростков и молодежи в контексте теории поколений, представив обзор зарубежных и отечественных молодежных практик. Тема ценностей и ориентиров молодого поколения, его отношение к гражданской активности, социальному равенству, экономической безопасности, экологическим проблемам вызвала оживленную дискуссию. Особый интерес участники проявили к исследованиям авторитетов и субъектов влияния на поколения Z и A (Alpha). **О.А. Максимова** остановилась на применении теории поколений в практическом и методологическом аспектах анализа цифрового общества, а проф. **Е.Л. Омельченко** отметила, что важно обращаться не только к теории поколений, ориентированной больше на западный контекст, но и к отечественной истории пионерии. Проф. **Ю.В. Андреева** (КФУ) рассмотрела вопрос исследования

эмоционально-содержательной стороны ценностей, которые формулируют респонденты в своих ответах.

Участники научных дискуссий, прошедших в рамках Конгресса, отметили, что необходимо продолжать совместное междисциплинарное исследование вопросов цифровой социализации в условиях глобальных изменений, направить усилия по качественному изучению мотивов, сценариев и рисков обращения к цифровым инструментам на современном этапе.

М.Ю. ЕФЛОВА, О.А. МАКСИМОВА

*ЕФЛОВА Мария Юрьевна, д. социол. н., зам. директора Института социально-философских наук и массовых коммуникаций (meflova@gmail.com); МАКСИМОВА Ольга Александровна, к. социол. н., доц. (olga\_max@list.ru). Обе – Казанский федеральный университет, Казань, Россия.*

## CONGRESS OF SOCIO-POLITICAL RESEARCHERS OF THE TURKIC WORLD

DOI: 10.31857/S0132162524010159

*Maria Yu. EFLOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications (meflova@gmail.com); Olga A. MAXIMOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (olga\_max@list.ru). Both – Kazan Federal University, Kazan, Russia.*

© 2024 г.

## РОССИЯ И СТРАНЫ АТР: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В современном мире сотрудничество России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) остается актуальным не только с точки зрения экономического, но и социально-культурного взаимодействия. На VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР», которая состоялась 9–10 ноября 2023 г. в Дальневосточном федеральном университете (ДФУ), обсуждались вопросы текущего социально-экономического, социокультурного, социально-политического, демографического, пространственно-территориального развития российских регионов в условиях взаимодействия со странами АТР. В мероприятии приняли участие исследователи из Владивостока, Москвы, Якутска, Улан-Удэ, Абакана, Тюмени, Ханты-Мансийска, Китая, Монголии, а также студенты и аспиранты отечественных и зарубежных вузов.

Пленарное заседание было посвящено перспективам международного сотрудничества России со странами АТР через призму социального моделирования и управленческих аспектов. Так, в докладе **Т.Н. Литвиновой** (Одинцовский ф-л МГИМО, Одинцово) «Российская цивилизация: проблемы идентификации и самоидентификации в архитектуре современного мироустройства» обсуждался вопрос методологии цивилизационного подхода на примере России. На основе контент-анализа концепций внешней политики РФ разных лет (2013, 2016 и 2023 гг.) докладчик выявила, как меняется позиционирование России в цивилизационном измерении международных проблем – от приоритетного характера отношений с государствами Евро-Атлантического региона, где Россия относилась к европейской цивилизации, до многополярной модели мироустройства на основе



многообразии культур, цивилизаций и моделей общественного устройства, отмечая при этом самобытность России как государства. **Д.Г. Бдоян** (Одинцовский ф-л МГИМО, Одинцово) акцентировал внимание на новом этапе развития отношений между Россией и КНР после пандемии на основе двух параллельно развивающихся инициатив: китайская инициатива «Один пояс – один путь» и российская инициатива «Большое Евразийское партнерство». Вопросы периферийного городского развития в рамках продолжающейся урбанизации и субурбанизации поднимались в докладе **А.С. Бреславского** (ТюмГУ, Тюмень, ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ) «Модели периферийного городского роста в странах АТР». На его взгляд, опыт стран АТР по регулированию расположения городов и участие государственных органов власти в городском и пригородном строительстве могут быть востребованы и использованы в России, в том числе в ДВФО. Основной моделью городского роста в большинстве стран АТР остается продолжающаяся урбанизация, в то время как Китай продемонстрировал успешный опыт управления субурбанизацией при участии крупного частного капитала, но под контролем государства. Именно регулируемая урбанизация и субурбанизация (на примере Японии, Южной Кореи, Китая), как отмечает докладчик, – залог создания благоприятной городской среды, которая в свою очередь остается важным основанием для развития российских регионов.

Дискуссии рабочей сессии были сосредоточены на обсуждении и анализе не только миграционных и этносоциальных вопросов, но и социокультурных процессов в российских регионах. Так, **А.И. Яковлев** (СВФУ им. М.К. Аммосова, Якутск) сконцентрировался на отношении городских жителей Якутии к мигрантам на основе анализа публикаций в СМИ. Отмечая естественный природособорный приток населения и миграционный приток в Республике Саха (Якутия) за счет привлекательности региона для иностранных мигрантов, а также поддержки государством молодых и многодетных семей, докладчик указывает, что для коренных жителей иностранные мигранты воспринимаются как конкуренты и люди с деструктивными морально-нравственными установками. **Е.Е. Тиникова** (ХНИИЯЛИ, Абакан) в своем выступлении «Метисация населения Хакасии глазами региональных экспертов» отмечает снижение численности хакасов, в т.ч. за счет их метисации через межэтнические браки. Согласно исследованиям автора, в этом процессе большинство хакасов видят угрозы полной ассимиляции, которые могут привести к утере своих традиций, культуры и особенно языка. **Н.Г. Канзычакова** (ХНИИЯЛИ, Абакан) в докладе на тему «Этническая идентичность метисов Республики Хакасия (по материалам исследований)» выделила основные факторы, влияющие на этническую идентичность метисов с хакасскими корнями: особое влияние имеет семья и ближний круг общения, которые, как правило, закладывают этнические установки; язык как один из важнейших факторов этнической идентичности (однако многие хакасы стали двуязычными или полностью перешли на русский язык); религия (в основном все придерживаются православия, но вместе с тем присутствует язычество, шаманизм).

Среди общей тематики конференции выделялись доклады о современной Монголии, в т.ч. российско-монгольском трансграничном взаимодействии, социокультурном самочувствии современных монголов в странах АТР (**Э.К. Бийжановой** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва); о развитии деловых связей и сетей социальной поддержки монгольских мигрантов на территории России (**А.Ю. Ардальнова**, ДВФУ, Владивосток); об основных тенденциях развития трудовой миграции из Монголии в страны АТР (**А.В. Винокурова** (ДВФУ, Владивосток), **К.Н. Сердюков** (ТИГ ДВО РАН, Владивосток), **О. Мунхбат** (МонГУ, Монголия)).

Социально-культурные особенности развития регионов можно увидеть и через стремительно развивающийся региональный кинематограф. Об этническом разнообразии и локальной специфике в региональных кинокартинах прозвучало в докладе **А.В. Роговой** и **Н.В. Левченко** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва), **К.А. Дармаева** (ДВФУ, Владивосток) на примере чукотского кино продемонстрировала его роль как культурообразующего элемента.

**К.М. Яковлева** (СВФУ им. М.К. Аммосова, Якутия) на основе изучения трансформации якутского традиционного костюма показала взаимосвязь значимости национальной

одежды и социально-экономического благополучия современных якутов. Если первоначальной функцией костюма была утилитарная (защита, комфорт и т.д.), а затем эстетическая (как выражение эстетических потребностей, стремления к красоте), то в настоящее время он несет не столько этнознаковую функцию (выступает в качестве этнического знака своей культуры), сколько социально-знаковую функцию, где одежда служит показателем социального статуса и отличия, символом материального благополучия.

В завершение работы секции **Чжикан Инь** и **Чжицзянь Сюй** (ДВФУ, Владивосток) поделились наблюдениями о роли китайского правительства в социальной поддержке молодежи, в рамках которой осуществляется правовая защита, преодоление безработицы в молодежной среде, доступ к качественному образованию, в т.ч. предоставление различных стипендий (национальные и региональные, стипендии от предприятий), создание рабочих мест в университетах для студентов из неблагополучных слоев населения, а также финансирование обучения за рубежом по некоторым специальностям за счет государственных средств т.п.

Таким образом, на конференции обсуждались общие проблемы не только международного, но и межрегионального сотрудничества, а поднятая проблематика позволяет расширить наши представления о доминирующих трендах во взаимодействии России с государствами АТР на разных уровнях.

А.В. РОГОВАЯ

---

*РОГОВАЯ Анастасия Владимировна, к. социол. н., ст. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (av\_rogovaya@mail.ru).*

---

## RUSSIA AND THE ASIA-PACIFIC COUNTRIES: INTERACTION PROBLEMS

DOI: 10.31857/S0132162524010169

---

*Anastasia V. ROGOVAIA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (av\_rogovaya@mail.ru).*

---

© 2024 г.

## О БУДУЩЕМ ЕВРАЗИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

9–10 октября 2023 г. в Центре региональных исследований Университета Туран в Алматы состоялась международная конференция, посвященная современным тенденциям и перспективам миграционных процессов в Евразии. Организаторы конференции **А.К. Камалов** (Ун-т Туран, Казахстан) и **А.Э. Мендонса** (Лиссабонский ун-т, Португалия). В конференции приняли участие специалисты в области миграционных исследований из 18 стран. На конференции был обсужден широкий спектр теоретических и практических вопросов миграции. Отдельное внимание было уделено выявлению причин, сути и последствий новых тенденций в евразийской миграционной системе за последние несколько лет, прежде всего, из-за пандемии COVID-19 и специальной военной операции.

Открыла конференцию **И.В. Ивахнюк** (МГУ, Россия), собственно и предложившая использовать понятие евразийской миграционной системы для концептуализации многообразия и особенностей миграционных процессов на постсоветском пространстве. В рамках теории миграционных систем движение населения между постсоветскими странами

представляет собой, с одной стороны, тесно взаимосвязанное миграционное пространство бывших советских республик, а с другой – является частью глобальной миграционной системы. Основой взаимосвязей является комплекс исторических, социальных, политических, экономических и прочих факторов. **А. Прохорова** (аналитик в области миграции, Эстония) рассказала о финансовом измерении этих взаимосвязей, а именно о роли денежных переводов в устойчивости миграционной системы.

Ряд участников высказали необходимость выйти за рамки этой теории. **К. Шенк**, **Н. Мишаков** (Назарбаев Ун-т, Казахстан) и **Ю. Слинко** (РАНХиГС, Россия) исходили из концепции неопределенности, эффективной при изучении мобильности с точки зрения самих мигрантов. **Ф. Дювел** (Ун-т Оснабрюк, Германия) и **М. Ярошевич** (Варшавский ун-т, Польша) вместо термина миграционная система предложили понятие миграционного порядка, а для обозначения миграции к востоку от Евросоюза привлекли эпистемологическую концепцию «глобального Востока», в т.ч. для того, чтобы привлечь больше внимания исследователей к миграционным процессам в Евразии.

Участники конференции выделили несколько новых тенденций, характеризующих современные миграционные процессы в Евразии. **С.И. Абылкаликов** (Нортумбрийский ун-т, Великобритания) обратил внимание на постепенное сокращение социально-экономического разрыва в уровне развития между Россией и основными странами, отправляющими в Россию трудовых мигрантов; РФ постепенно теряет роль главной иммиграционной страны на постсоветском пространстве. Тем не менее, согласно **Ю.Ф. Флоринской** (ИНСАП РАНХиГС, Россия), несмотря на наметившуюся тенденцию, за 2022–2023 гг. в численности трудовых мигрантов в России не произошло существенных изменений. По мнению **В.М. Пешковой** (ИС ФНИСЦ РАН, Россия), отмечается тенденция возрастания роли семейной миграции, что влияет на стратегии и практики приобретения российского гражданства и интеграцию мигрантов из стран Центральной Азии в России.

Другая тенденция состоит в том, что в последние два года Россия стала не только принимающей, но и активно отдающей население страной. В связи с этим несколько выступлений были посвящены факторам эмиграции и социально-профессиональным характеристикам релокантов. **В.А. Козлов** (Ин-т изучения Восточной и Юго-Восточной Европы им. Лейбница, Германия), **А.Ю. Ощепков** (Свободный ун-т, Германия) и **В.В. Юмагузин** (НИУ ВШЭ, Россия) представили количественную, а **А.В. Коробков** (ГУ Среднего Теннесси, США) – качественную характеристику новых миграционных потоков.

Тема получила развитие в выступлениях, посвященных особенностям новых миграционных потоков и их влиянию на конкретные принимающие страны, которыми, в первую очередь, стали бывшие советские республики. **Ф. Мюфрид** (Госун-т Ильи, Грузия) и **С. Либерт** (Ун-т Содружества Вирджинии, США) представили доклады о миграции из России в Грузию; **Е.Ю. Садовская** (консультант по международной миграции и миграционной политике, Казахстан) – о миграции из России в Казахстан. География эмиграции расширяется не только за счет бывших советских республик. Так, **О.Р. Гулина** (Ин-т миграционной политики RUSMPI, Германия) рассмотрела новую российскую эмиграцию в Германию, в частности в Берлин. Чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Россия) обратил внимание на Латинскую Америку как новое, но «хорошо забытое старое» направление постсоветской эмиграции. **С. де Таппа** (Страсбургский ун-т, Франция), **А.Б. Карачай** (Стамбульский коммерческий ун-т, Турция), **Д.Д. Эрджиес** (редактор журнала кавказских исследований JOCAS, Турция) и **А. Христу** (Ун-т Миддлсекс, Великобритания) фокусируются на русскоязычной эмиграции в Турцию, которая благодаря своему положению играет роль «моста» между Ближним Востоком, Африкой, Европой и Западной Азией.

Еще одна новая тенденция – постепенное изменение роли в миграционной сфере как Центрально-Азиатского региона в целом, так и его отдельных стран. Несколько выступлений были посвящены усилению в регионе роли Казахстана. В выступлении **Л.Ф. Деловаровой** (КазНУ им. аль-Фараби) говорилось о Казахстане как о стране основного и альтернативного назначения в регионе. Существует отток населения, например

образовательная и трудовая миграция корейцев из Казахстана в Южную Корею, которой был посвящен доклад **М. Кужахметовой** (Ун-т Индианы, США). **А.К. Камалов** (Ун-т Туран, Казахстан) поделился результатами своих исследований сети уйгурских общин в западных странах и Японии, сложившихся в результате миграции уйгуров из Китая в XXI в.

Появление новых направлений трудовой миграции из стран Центральной Азии также стало новой тенденцией, что, согласно **А. Блушци** (Ун-т Македонии), в т.ч. зависит от денежных переводов в страны отправления. По мнению, **С. Бакли** (Ун-т Иллинойса, США), хотя эти страны еще сохраняют зависимость от России как страны назначения, в ближайшем будущем есть вероятность укрепления диверсификации этого миграционного потока. Новым направлением для одних трудовых мигрантов, по **А.Х. Рахмонову** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Россия), стала Республика Корея, а также Великобритания; для других, о чем говорилось в выступлениях **Т.С. Карабчук** (Ун-т ОАЭ) и **О.А. Моргунова** (РУДН, Россия), – страны Персидского залива. Можно предположить, что одной из причин этого является политика минимального вмешательства властей большинства стран Центральной Азии в процессы эмиграции, о чем говорилось в докладе **Ф. Алимухамедов** (Тулузский ин-т политических исследований, Франция), **А.К. Ташбулатов** (Платформы «Центральная Азия в движении», Кыргызстан) и **Р. Тураева** (Мюнхенский ун-т Людвиг-Максимилиана, Германия).

Только один доклад был посвящен постсоветской миграции из Восточной Европы. В докладе **П. Руспини** (Ин-т социол. исслед. Женевского ун-та, Швейцария) был дан анализ миграционной системы Центрально-Восточной Европы и ее истоков, представлена миграционная система, характеризующаяся изменением рынков труда, закрытием границ и временной гуманитарной защитой.

Наконец, ряд выступлений был посвящен диаспорной проблематике. **Б.И. Ракишева** (Исслед. ин-т «Общественное мнение», Казахстан) рассказала об истории и тенденциях формирования казахской диаспоры в мире. Остальные выступающие по этой теме сфокусировались на влиянии геополитических событий 2022 г. на трансформацию, в первую очередь, украинской диаспоры: **И.С. Лапшина** (Ун-т Оснабрюка, Германия) говорила об украинской диаспоре в Германии, **М. Николко** (Карлтонский ун-т, Канада) о сравнении украинской и крымско-татарской диаспор в Канаде и Турции. Был сделан вывод, что ситуация на Украине активировала самоорганизацию диаспорных сообществ, вынудила их объединяться и формировать новые коллективные стратегии. Вопрос о перспективах самоорганизации, но уже русскоязычных мигрантов в Европе разных миграционных волн, был ведущим и в выступлении **С.В. Твороговой** (независ. исслед., Бельгия).

Таким образом, с одной стороны, выступления участников осветили разные аспекты современного состояния миграции в Евразии, с другой – привели к постановке новых вопросов: исходя из выявленных тенденций, следует говорить об ослаблении Евразийской миграционной системы или ее расширении.

В.М. ПЕШКОВА

---

*ПЕШКОВА Вера Михайловна, к. ист. н., вед. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (pever@mail.ru).*

---

## ABOUT THE FUTURE OF THE EURASIAN MIGRATION SYSTEM

DOI: 10.31857/S0132162524010176

---

*Vera M. PESHKOVA, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Institute of Sociology, of FCTAS RAS, Moscow, Russia (pever@mail.ru).*

---

© 2024 г.

## СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И СПОРТА: ОПЫТ ЕВРАЗИИ

В рамках XV Евразийского научного форума, прошедшего 30 ноября по 1 декабря 2023 г. в Санкт-Петербурге, состоялся международный научный симпозиум «Здоровьесбережение населения Евразии в XXI в.: физическая культура и спорт евро-азиатских народов», организованный Научным советом РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию и Университетом при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС.

Модератор симпозиума **И.В. Минин** (МПА СНГ) обозначил ключевые проблемы: формирование здорового образа жизни среди молодежи стран Евразии и политизация спорта, который становится элементом геополитики.

В стендовом докладе **Тевари Санждай** (ИСО, Индия) отмечалось, что несмотря на растущую пропаганду спортивной активности, лишь немногие молодые люди привыкли заниматься спортом в Индии. Проф. **С.П. Лёвушкин** (ГЦОЛИФК) на данных мониторинга физического и моторного развития школьников РФ обозначил наличие региональной разноразличности признаков физического и моторного развития, рекомендовал разработку региональных нормативов физического и двигательного развития для более точной оценки реального состояния современной популяции.

Доклад **Г.Ю. Ковровой** (РУСАДА) вызвал активную дискуссию. Докладчик раскрыла вопросы связанные с критериями включения в запрещённый список в качестве допинга. Автор обозначила, что основными направлениями деятельности РУСАДА являются продвижение здорового и честного спорта, реализация образовательных программ, расследование фактов возможных нарушений, обработка результатов, сотрудничество на национальном и международном уровнях и т. д. Выступление вызвало вопросы, связанные с политизацией спорта, с отсутствием четких адекватных критериев для включения в реестр допинговых средств. **М.Р. Снегур** (Ун-т при МПА ЕврАзЭС, СПбГТИ(ТУ)) подчеркнула значимую роль спорта как одной из сфер повседневных практик для осознанного и неосознанного формирования национальной идентичности посредством включения в спортивную деятельность не только как спортсмена, но и «болельщика», предложив собственную типологию репрезентации идентичности.

**Ю.О. Жулина** (СПбГУ) пришла к выводам, что организация специального культурно-спортивного мероприятия объединяет в себе несколько факторов, которые способствуют развитию разноплановых сфер, поддерживаемых государственными программами: поддержка сохранения культурного наследия Санкт-Петербурга, стимулирование населения на занятия спортом и физической культурой и, как следствие, повышение уровня здоровья граждан. Доклад вызвал дискуссию о перспективах исследования влияния политических конфликтов и выступлений российских спортсменов под нейтральным флагом на процесс национальной самоидентификации.

**М.К. Нурметов** (Ун-т при МПА ЕврАзЭС) рассказал о возможных способах борьбы со стрессом в условиях повышенной раздражительности в критический период студенческой жизни. Результаты авторского исследования показали, что студенты, занимающиеся спортом, более устойчивы к стрессорным воздействиям, чем студенты, не занимающиеся спортом.

Доклад **А.С. Гонашвили** (СПбГТИ(ТУ), Ун-т при МПА ЕврАзЭС) «Спортивная социализация: из опыта эмпирико-социологического исследования» завершил работу симпозиума. Автор выявил, что профессиональная деятельность работников умственного труда создает потребность компенсации интенсивной морально-психологической при помощи физической и двигательной активности, но представители российской интеллигенции ее

---

не увеличивают за счет спортивных практик ввиду отсутствия свободного времени (при этом финансовая составляющая не является барьером для занятий спортом).

Результаты работы научного симпозиума показали, что здоровьесбережение в большинстве своем зависит от ряда факторов, связанных не только с физическим нагрузками, но и условиями правильного питания и психологической поддержки населения, только в условиях комплексности можно ждать определенных положительных результатов по улучшению здоровьесбережения населения. Также было отмечено, что Россия не уходит из международных институтов, но ставит уже задачи альтернативных спортивных форумов, построенных без политических механизмов западного доминирования.

М.Р. СНЕГУР

---

*СНЕГУР Маргарита Романовна, преп. кафедры социо-гуманитарных дисциплин Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия (m@margosnegur.ru).*

---

## **SOCIOLOGY OF HEALTH AND SPORTS: THE EXPERIENCE OF EURASIA**

**DOI:** 10.31857/S0132162524010184

---

*Margarita P. SNEGUR, Lecturer of the Department of Social Humanitarian Disciplines of the University under the IPA EurAsEC, St. Petersburg, Russia (m@margosnegur.ru).*

---

## ПОЗДРАВЛЯЕМ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА НАРБУТА С ЮБИЛЕЕМ!



8 января отметил свой юбилей доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы, Николай Петрович Нарбут. Он поразительным образом сочетает научно-исследовательскую работу с организационными достижениями, а феноменальную профессиональную занятость – с интеллектуальными и творческими увлечениями убежденного жизнелюба. Конечно, достичь столь сложного жизненного баланса ему удалось не сразу, но вот уже много лет он поддерживает на высоком уровне все перечисленные (и не только) сферы своей насыщенной событиями жизни.

После окончания философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 1976 г. и защиты кандидатской диссертации работает Николай Петрович в РУДН (с 1980 г.). В российском социологическом сообществе он представляет одну из редких специализаций – историю становления и развития социологии в странах Центральной и Восточной Европы. В 2003 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук на тему «Социология Т.Г. Масарика», по сути, проведя первое в отечественной историко-философской и социологической традиции комплексное исследование чешской социологии, показав ее оригинальный, а не вторично западно-европейский характер и познакомив российскую научную общественность с творчеством классика чешской социологии. Этой профессиональной теме – истории развития социологической мысли в Чехии и Словакии, а также в Центральной и Восточной Европе – он сохраняет верность до сих пор: неоднократно переиздавалась подготовленная им в соавторстве с З.Т. Голенковой работа «История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы»; кафедра социологии РУДН реализовала целый ряд компаративистских исследовательских проектов с социологами Белградского и Карлова университетов, а Николай Петрович продолжает поддерживать с сербскими и чешскими коллегами профессиональные и дружеские отношения.

Безусловно, исследовательские интересы Николая Петровича шире истории социологии. В числе признанных научным сообществом его работы по социологии молодежи и социологии образования, получившие высокую оценку с точки зрения их концептуальных построений, эмпирического фундамента и интересных данных об изменениях молодежного самосознания тех стран, которые выбрали разные пути постсоциалистического транзита. Уже в 1990-е гг. под его руководством начались международные сравнительные исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи, организация которых стала возможна благодаря партнерству кафедры социологии РУДН с коллегами из КНР, Сербии, Чехии и других стран.

Важный аспект карьеры Николая Петровича – его активная и успешная организационная деятельность. С 1992 г. руководит созданной его усилиями кафедрой социологии РУДН – одной из первых в новой России социологических кафедр. Его несомненная

заслуга в том, что в коллективе кафедры работают ведущие ученые, в том числе из структурных подразделений Российской академии наук, а более половины штатного состава кафедры составляют ее выпускники. С Институтом социологии ФНИСЦ РАН у кафедры установлены устойчивые плодотворные связи. Под руководством Нарбута кафедра ведет активную научно-исследовательскую работу, а коллектив входит в число ведущих научно-педагогических коллективов РУДН.

С 2001 г. Н.П. Нарбут является главным редактором созданного под его руководством научного журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» (RUDN Journal of Sociology). Это один из ведущих и востребованных социологических журналов в России, ставший признанным в сообществе благодаря и личным усилиям юбиляра.

Одним из важных направлений деятельности Николая Петровича является диссертационный совет по социологическим наукам при РУДН, который он возглавляет с момента его основания. Также отметим его участие в экспертных советах российских фондов, образовательных и исследовательских организаций, где он проявил себя как доброжелательный, но строгий полемист, умеющий отстаивать свою позицию. В.П. Нарбут входит в редакционные коллегии многих отечественных и зарубежных изданий.

Столь активная профессиональная и организаторская деятельность Н.П. Нарбута была отмечена государственными наградами: медалью ордена «За заслуги перед отечеством» II степени и «В память 850-летия Москвы», ведомственными отличиями Минобрнауки («Почетный работник высшего профессионального образования РФ», «Почетный работник науки и высоких технологий РФ»); он награжден серебряной медалью им. П.А. Сорокина «За вклад в науку», многочисленными общественными наградами.

Коллектив кафедры социологии РУДН выражает глубокую благодарность и искреннюю признательность своему мудрому руководителю и доброму коллеге, находящемуся в расцвете творческих сил и в гуще жизненных планов, и желает ему не сбавлять темпа своей кипучей профессиональной и личной активности!



# Размышления над новой книгой

© 2024 г.

А.Л. ТЕМНИЦКИЙ

## ПОЗВОЛЯЕТ ЛИ КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ СПРАВЛЯТЬСЯ С НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ?

---

ТЕМНИЦКИЙ Александр Лазаревич – доктор социологических наук, доцент МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (taleksandr@list.ru).

---

**Аннотация.** Статья представляет анализ содержания коллективной монографии «Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы» (2023). Исследование носит комплексный диагностический характер. Для раскрытия и понимания его содержания используются классические инструменты социологического исследования. Особое внимание уделяется проблеме эмпирического выделения группы профессионалов. Предполагается, что гетерогенность по социально-демографическим признакам и характеристикам занятости является наиболее уязвимым местом для использования вычисленной группы профессионалов в анализе и выводах. Проявления гетерогенности еще более заметны при учете профессионального состава группы. Из всего качества человеческого капитала профессионалов выделены признаки, которые указывают на самостоятельность (несамостоятельность) в достижении успешности в жизни. Выявленная авторами второстепенная роль человеческого капитала по сравнению с институциональными факторами (в наибольшей мере с ролью места проживания) не позволяет утверждать о его достаточной силе для модернизации экономики и общества.

**Ключевые слова:** профессионалы • профессиональные группы • человеческий капитал • диагностическое исследование • гетерогенность • успешность

DOI: 10.31857/S0132162524010198

**О методологии диагностического исследования.** Новая коллективная монография – результат многолетней работы группы социологов Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством Н.Е. Тихоновой [Тихонова и др., 2023]. Из всего множества новейших вызовов современности, которые могут трактоваться и как источники новых опасностей и угроз для человека, группы, общества, и как предпосылки мобилизации внутренних ресурсов не только в целях защиты, но и для развития своего потенциала, актуальными в рецензируемой монографии стали те, которые адресованы человеческому капиталу (ЧК). С одной стороны, в работе определяются внешние по отношению к ЧК признаки его результативности: способствует ли он (уровень его развития и реализации у авангардных групп работающего населения) переходу российского общества на путь постиндустриального развития или с большей вероятностью можно говорить о возвратной модернизации в сторону индустриализации? С другой стороны, определяется его наличное состояние

и способность играть самостоятельную или вспомогательную роль в достижении относительного благополучия и успешности в жизни самих профессионалов.

Актуальность обращения к большой социальной группе профессионалов, которая по мнению авторов, имеет сегодня все предпосылки, чтобы называться новым классом или, по крайней мере, протоклассом (гл. 13), обусловлена «противоречием между авангардной ролью профессионалов в контексте глобального постиндустриального сдвига и относительно низким вниманием к этой социальной группе со стороны российских социологов» (с. 37). Цель диагностического исследования имеет многоаспектный характер. Так как она прямо не прописана, ее можно воспроизвести, обращаясь к отдельным фрагментам книги. Это и обоснование адекватности термина «профессионалы» применительно к специалистам, которые заняты на позициях, предполагающих наличие высшего образования, но без выполнения управленческих функций (гл. 2). Это и обращение к понятию «человеческий потенциал» как расширяющего понимание сложившегося в экономической науке понятия ЧК за счет включения в анализ комплекса проблем человеческого развития, прежде всего непроизводственных факторов (возраст и гендер, семья и здоровье, место проживания и миграционная активность, отдых и досуговая активность) (гл. 4). Несомненно, что социологи поддержат такой подход, поскольку узкая трактовка ЧК игнорирует нужды и потребности человека в развитии определенных сфер своей жизни, капитализация которых не предполагается (например, реализация своей потребности в содержательно осмысленном труде, самостоятельности в работе и т.п.). Указанные две цели можно отнести к методологическим.

Содержательные цели анализа проходят через материал всех глав (всего их в книге 13), но при этом явно не афишируются. К таковым можно отнести постоянно проводимую связь анализируемого материала с рассмотрением проблемы определения, на каком этапе развития находится российское общество. Так, по результатам анализа динамики социально-профессиональной структуры общества делается вывод, что российское общество соответствует не постиндустриальному, а позднеиндустриальному этапу развития (с. 83). Этот вывод уточняется и подтверждается при обращении к анализу динамики социально-профессиональной структуры разных типов населенных пунктов. «Даже в крупных российских городах, включая Москву, говорить о переходе к постиндустриальному этапу развития пока не приходится» (с. 107). С опорой на вывод о России как стране, находящейся на этапе перехода от позднеиндустриального к постиндустриальному обществу, дается обоснование в необходимости более комплексного и широкого подхода к анализу ЧК профессионалов, который включал бы в себя выявление степени их субъективного социально-экономического благополучия (с. 253). Все это выводит читателя на более широкий круг обобщений в рамках двуединой задачи, поставленной авторами: 1) выявлять факторы успешности на пути позднеиндустриальной модернизации и 2) определять предпосылки формирования постиндустриальных тенденций (с. 277). Несмотря на то что российские профессионалы сильнее всего отстают от зарубежных коллег по тому критерию, который теснее всего связан с постиндустриальными сдвигами, а именно их вовлеченности в «пожизненное образование» (с. 450), они определяются не только как один из ключевых субъектов, определяющих эффективность функционирования экономики страны и обеспечивающих ее технологическую независимость (с. 116), но и рассматриваются как авангард предстоящего постиндустриального развития (с. 13).

Предметно поставленные цели по отношению к анализу качества ЧК профессионалов связываются с решением двух последовательных задач: 1) определять, что способствует его приращению, 2) выявлять, какую роль он играет в достижении успешности, укреплении статусных позиций, миграционной и досуговой активности в сравнении с другими институциональными факторами (тип поселения, отраслевая принадлежность занятости, форма собственности и размер предприятия и т.п.). Эта направленность анализа в прямом либо в косвенном виде присутствует почти во всех главах книги.

Эмпирической базой исследования выступили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ)<sup>1</sup>, общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, и International Social Survey Programme (ISSP) 2000–2022 гг. Процедуры анализа сопровождались перекодировкой множества исходных и созданием новых аналитических переменных, необходимых для операционализации ключевого понятия «профессионалы» (гл. 2). При этом перекодировка не являлась чисто техническим процессом. По сути, была проведена корректировка базовых оснований исходного международного классификатора занятий (ISCO-08) в соотношении с российским классификатором (ОКЗ) с целью как можно более точно отграничить группу профессионалов от остальных профессиональных групп. Для определения состояния качества ЧК (гл. 4.), его внутригрупповой дифференциации (гл. 6) были построены интегральные показатели (индексы): качества ЧК (КЧП), общего ЧК (КОЧК), состояния здоровья (СЗ). Отдельного внимания заслуживает процедура построения специального индекса ЧК при проведении межстранового сравнительного анализа (гл. 12). Для решения специфических задач (выявление доходных иерархий) приводится процедура построения интегрального индекса жизненных шансов и рисков (гл. 8).

При проведении диагностики помимо привычных и наиболее распространенных в социологическом анализе таблиц сопряженности используются методы регрессионного анализа: при выявлении факторов, определяющих ОЧК профессионалов (гл. 5), раскрытии факторов выбора в пользу досуга, способствующего накоплению человеческого потенциала (гл. 11). Для выявления особенностей внутригрупповой дифференциации человеческого потенциала профессионалов использовались факторный и двухэтапный кластерный методы анализа (гл. 6). В начале каждой главы читатель сможет увидеть теоретико-методологические и методические основания анализа, а в конце выводы.

Помимо предметной области анализа, напрямую связанной с проблемой ЧК профессионалов, в работе можно увидеть целый ряд аспектов, лишь косвенно затрагивающих изучаемую проблему. Это обращение к динамике социально-профессиональной структуры российского общества в целом (гл. 3), где намного больше внимания уделяется гендерной и возрастной асимметрии, поселенческим диспропорциям как таковым, чем собственно профессионалам как ведущему объекту исследования. В целом, каждый заинтересованный читатель может найти свой предмет, делая акцент либо на социально-профессиональной структуре общества, либо на рынке труда и особенностях характеристик рабочих мест, либо на соотношении творческих и образовательных компонент в ЧК или на социальное благополучие профессионалов, их обеспеченности и успешности, либо на методике построения различных индексов.

Сложнее с обнаружением таких важных методологических инструментов исследования, как гипотезы. По крайней мере, о них в книге отдельно ничего не говорится, если не считать единственного упоминания термина гипотеза в связи с выдвижением и проверкой посредством обращения к экспертам предположения о протоклассовом характере социальной группы современных российских профессионалов (с. 412).

Исходя из анализа текста эмпирических глав (особенно гл. 7, 8, 9), можно предположить, что одной из рабочих гипотез является утверждение, что только при достижении относительной социальной и экономической успешности профессионалов качество их ЧК может иметь конструктивный характер в достижении поставленных целей. Ибо бедный профессионал – это не только результат недооценки высококвалифицированного неформального труда, но и демотиватор наращивания знаний и навыков (гл. 9). Можно также предположить, что только тогда можно утверждать о самостоятельной роли ЧК, если он

<sup>1</sup> Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE)» проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. URL: <http://www.hse.ru/flms>

будет иметь определяющее значение в достижении успешности по сравнению с институциональными факторами.

Если без гипотез исследование, названное диагностическим, может обойтись, то без обозначения социального эталона, нормы, образца, идеального типа, должного состояния, по отношению к которым, по идее, оно и должно проводиться, обойтись нельзя. Даже в широкомасштабных, многолетних мониторинговых исследованиях, по результатам которых ставится диагноз всему обществу, раскрываются признаки социальной нормы и патологии [Горшков, 2011]. Отсутствие в работе прямых указаний на признаки образцового или нормативного типа профессионала позволяет сделать предположение, что в качестве эталона сравнения берутся профессионалы других стран мира, по отношению к которым определяются особенности российских профессионалов по характеристикам ОЧК (гл. 12). Возможно также, что нормативный тип профессионала образуют те, кто был отнесен к ядру профессионалов, т.е. та их четвертая часть, которая характеризуется законченным высшим образованием на очной основе, работой в соответствии с полученными в вузе знаниями (с. 451), и, добавим, заинтересованностью в непрерывном наращивании и обновлении своих знаний и навыков (с. 173).

Будем исходить из того, что в отличие от других видов социальной диагностики (психодиагностики, управленческой, экономической, социально-медицинской и т.п.) объекты социологической диагностики имеют сложный характер, и в процессе трансформации общества, проводимых реформ они обрастают причудливыми, парадоксальными гибридными формами и сочетаниями [Тощенко, 2008]. Авторы монографии ставят акценты не на необходимости вмешательства (невмешательства) в состояние объекта, его ответственности (несоответствии) должному состоянию, а скорее на постановке проблемы способности российских профессионалов, их качества ЧК способствовать: а) успешному участию России в технологической революции, б) повышению ее статуса в мировом сообществе (с. 223).

**О профессионалах как большой социальной группе.** Так кто же такие российские профессионалы? Насколько обоснованным оказался подход к рассмотрению этой группы в агрегированном состоянии? Проблема выделения профессионалов в современном обществе посвящена специальная глава (гл. 2). Авторы признают, что выделение всей группы лиц нефизического труда с высшим образованием как самостоятельного объекта исследования среди отечественных исследователей является редким случаем именно в силу ее высокой гетерогенности (с. 25). В перечисляемых направлениях исследований других авторов ведущим является их представление как отдельных профессиональных групп, будь то врачи или информационные работники в соответствии с традицией социологии профессий (с. 42). В книге подробно рассматриваются западные и российские научные школы, в которых раскрываются специфические подходы к пониманию профессионалов. Как не подходящие и не работающие применительно к пониманию и объяснению роли профессионалов в последовательном движении общества к постиндустриальной стадии развития рассматриваются понятия «интеллигенция» и «постинтеллигенция» в трактовке группы В.А. Мансурова, «креативный класс» в трактовке Р. Флорида. Как отвлеченные для понимания роли профессионалов как особой группы в социальной структуре рассматриваются подходы российских экономистов Р.И. Капелюшников и В.Е. Гимпельсона, у которых приоритетным предметом является ЧК профессионалов на рынке труда. Весьма распространенное в настоящее время среди отечественных социологов выделение прекарной занятости у всех категорий наемных работников, в т.ч. и профессионалов рассматривается как отклоняющееся потому, что оно обходит проблему внутренней дифференциации профессионалов, связанной с прекаризацией (с. 45). Возможно, это делается потому, что для авторов более важна задача не рассмотрение группы профессионалов как таковой, а ее характеристика в русле воплощения модернизационной тенденции (с. 37).

Авторы не дают простых рецептов, как эмпирически выделять профессионалов, с помощью каких алгоритмических шагов можно безошибочно их вычислить, используя известные и доступные для всех базы данных. В качестве таковой в большинстве глав

используются массивы данных РМЭЗ. Выделение профессионалов как эмпирического объекта рассматривается как проблема, решение которой может быть достигнуто разными путями. В работе убедительно показываются ошибки, которые могут быть допущены при этом. Если только руководствоваться классификатором ISCO-08 и считать профессионалами тех, кто причислен к классу 2 «Специалисты высшего уровня квалификации», но при этом не учитывать, что они могут иметь подчиненных (т.е. выполнять управленческие функции), если не учитывать, что наличие высшего образования вовсе не обязательно предполагает выполнение работы, его предполагающее, и напротив, работа, требующая высшего образования, далеко не всегда сопровождается его наличием, то мы получим не профессионалов, а их смутные образы. В главе 2 доступно объясняется и раскрывается процесс перекодировки значений переменных, в результате которого образуется искомая и базовая для последующего анализа группа профессионалов, численность которой весьма устойчива (в пределах 19–21% от всех работающих представителей массовых слоев населения, с. 75). Цель перекодировки состояла в том, чтобы группа профессионалов в большей степени отражала ее реальную представленность (в социологическом смысле) в российском обществе, чем при их исходной кодировке согласно ISCO-08 (с. 68). Если бы еще был приведен набор переменных с указанием их символических имен в массиве данных, то каждый заинтересованный исследователь мог бы вычислить профессионалов по используемым процедурам. После вычисления группы профессионалов дается ее структурное описание по социально-демографическим и некоторым характеристикам занятости. Определено, что почти три четверти из них женщины, абсолютное большинство (72%) имеют высшее образование, модальная часть (25%) занята в сфере образования (с. 66). К сожалению, не определяется, как они распределяются по отдельным профессиональным группам, а распределение по отраслям экономики вызывает вопрос из-за отсутствия в табл. 2.8 отраслей промышленности. Без этого может сложиться впечатление, что выделенная группа профессионалов – это по большей части женщины, занятые в сфере образования, здравоохранения, науки и культуры. А как быть со стереотипами, идущими с советского времени об инженерах как самой массовой группе профессионалов?

Чтобы восполнить этот пробел, обратимся к массиву данных РМЭЗ и, отталкиваясь от предложенных наработок (учитывать наличие подчиненных, высшего образования, выполнения работы, требующей высшего образования), вычислим группу профессионалов и составляющие ее профессиональные отряды. Для этого воспользуемся объединенным массивом данных РМЭЗ 1994–2022 гг., в котором отберем только работающих респондентов (тех, кто на вопрос о своем основном занятии на момент опроса отвечал, что он в настоящее время работает –  $J1 = 1$ )<sup>2</sup>. К профессионалам были отнесены те, кто является специалистом высшего уровня квалификации (OCCUP08 = 2), имеет законченное высшее образование (DIPLOM = 6) и не имеет подчиненных (J6 = 2). Затем вычисленная агрегированная группа профессионалов была соотнесена с отдельными профессиями по четырехзначным кодам ISCO-08<sup>3</sup> (табл. 1).

С учетом того, что отбирались респонденты с законченным высшим образованием и не имеющие в подчинении ни одного работника, удельный вес вычисленной группы профессионалов (8,5%) в составе всех работающих представителей массовых слоев населения оказался намного меньше, чем при указанном выше вычислении. Это объясняется тем, что при включении в состав профессионалов, имеющих в подчинении не более пяти человек, происходит не только увеличение их численности на 18%, но и рост их занятости в органах управления до 8%, превышающий занятость в сферах образования и науки (по 7%). Также росту числа профессионалов способствовало включение в их состав 28% не имеющих высшего образования (табл. 2.8, с. 66).

<sup>2</sup> Указывается символическое имя переменной и ее значение.

<sup>3</sup> Код из четырех цифр указывает на максимальную детализацию вида занятий, что позволяет быть уверенным в большем совпадении специальности с профилем трудовой деятельности.

Таблица 1

**Отдельные профессиональные группы специалистов высшей квалификации с высшим образованием и не имеющие подчиненных в составе всех профессионалов**  
(данные по объединенному массиву РМЭЗ 1994–2022 гг., в %)

Профессиональные группы	Количество (чел.)	Доля (%) в общем количестве профессионалов
Учителя школ (начальных и средних классов)	3107	20
Инженеры (в т.ч. промышленно-производственные)	2456	18
Экономисты	1096	7
Юристы (в т.ч. адвокаты, прокуроры, судьи)	931	6
IT-специалисты (разработчики программ, программисты приложений, системные администраторы и др.)	810	5
Преподаватели высшей школы	785	5
Воспитатели детей дошкольного образования	682	4
Бухгалтеры высшей квалификации	627	4
Врачи (терапевты, специалисты)	548	3
Преподаватели профессионального образования	352	2
Остальные группы	4178	26
Все профессионалы	15572	100

*Примечание.* Включены профессиональные группы с долевым представительством не менее 2% от общего числа всех профессионалов.

Представляется, что при используемом нами подходе можно в большей степени приблизиться к ядру профессионалов как категории занятых, никак не связанных с управленческими функциями и использующих полученное высшее образование по своей специальности. Доля вычисленного ядра профессионалов последовательно увеличивалась: с 6,2% в 1994 г. до 10,3% в 2022 г.

Учет профессионального состава позволяет с еще большей отчетливостью убедиться в гетерогенности выделяемых при анализе агрегированных групп, а следовательно в необходимости обращения к образующим их конкретным профессиональным группам. Для примера обратимся к трем наиболее очевидным, стереотипно ассоциируемым с профессионалами группам: учителям школ, инженерам и врачам (табл. 2).

Использование предложенного подхода позволило обнаружить не только инженеров в составе профессионалов, но и отрасли промышленности, в которых в совокупности заняты 14% от числа всех профессионалов<sup>4</sup>. Инженеры существенно отличаются от других профессиональных групп по показателям занятости. Они чаще работают на частных предприятиях, чаще меняют работу и профессию, в большей мере ориентированы на поиск другой работы.

Можно приводить и другие особенности явно выраженной гетерогенности в объединенной группе профессионалов, о проявлениях и факторах которой весьма подробно говорится в соответствующих главах анализируемой работы (прежде всего гл. 2–3). Предполагается, что гетерогенность профессионалов по социально-демографическим характеристикам и показателям занятости является наиболее уязвимым местом в использовании вычисленной переменной «профессионалы» как базовой для последующего анализа.

<sup>4</sup> В число занятых в промышленности после перекодировки были включены профессионалы легкой, пищевой, машиностроительной, нефтегазовой, тяжелой, энергетической, химической, деревообрабатывающей промышленности, а также ВПК. Доля профессионалов, занятых в отраслях промышленности, начиная с 2014 г., уменьшилась с 16 до 11%.

Таблица 2

**Социально-демографические характеристики и показатели занятости профессиональных групп (данные по объединенному массиву РМЭЗ-ВШЭ, 1994–2022 гг., в %)**

Характеристики	Инженеры	Врачи	Учителя	Все профессионалы
Доля мужчин	50	31	7	26
<i>Возраст</i>				
21–35	38	29	26	39
36–49	31	31	42	35
50–65	28	32	29	23
66 и старше	3	8	3	3
<i>Тип поселения</i>				
Москва, С.-Петербург и областные центры	64	69	31	56
Другие города	29	24	26	24
ПГТ	4	2	8	5
Села	3	5	35	15
<i>Укорененность проживания</i>				
Живут в том же населенном пункте, где и родились	54	52	47	52
<i>Форма собственности организации</i>				
Государственные	37	85	98	69
Частные с участием государства	18	2	1	6
Частные без участия государства	45	13	1	25
<i>Модальные отрасли занятости</i>				
Образование	1	1	99	41
Промышленность, в т.ч. ВПК	55	0	0	14
Финансы, информационные технологии, юриспруденция, реклама, маркетинг	2	0	0	7
Здравоохранение	1	96	0	7
Наука и культура	3	0	1	7
Торговля, бытовое обслуживание	4	0	0	5
Строительство	14	0	0	4
Транспорт и связь	12	0	0	4
Органы управления	2	0	0	4
<i>Мобильность за последние 12 месяцев:</i>				
Профессия и место работы остались прежними	87	91	94	88
Сменили профессию, но не сменили место работы	2	1	1	1
Сменили место работы, но не сменили профессию	7	7	4	6
Сменили и место работы, и профессию	5	1	2	4
Хотели бы найти другую работу	45	24	33	34
Количество (чел.)	2456	548	3107	15572

Обращаясь к объединенному массиву данных РМЭЗ с акцентом на выделение отдельных профессиональных групп и отрасль занятости, мы лишь хотели подчеркнуть важность их учета и использования хотя бы как контрольных переменных при различных более сложных видах анализа. Вместе с тем следует учитывать ограничения, задаваемые обращением к массивам данных, собранных по результатам опроса по территориальной выборке.

Выделение в них каких-либо целевых групп, будь-то рабочие, прекариат или профессионалы, как в данном случае, всегда будет носить условный характер, так как мы имеем дело не с реальными социальными группами, а со статистическими категориями. Иное дело, когда изначально в дизайн выборки закладывается обращение к целевой группе респондентов, например, специалистам интеллектуального труда [Горшков и др., 2023].

**О самостоятельной роли человеческого капитала в достижении успеха.** Возвращаясь к главному предмету исследования и связанному с ним вопросу о влиянии качества ЧК профессионалов на их способность адекватно отвечать на новые вызовы, важно прежде всего привести используемые в анализируемой работе показатели. За основу можно взять два методологических положения: 1) определять, что образует ЧК (потенциал) профессионалов и 2) выявлять, что указывает на то, что он играет самостоятельную роль в достижении успешности, укреплении статусных позиций, миграционной и досуговой активности. Для ответа на поставленный вопрос решающим является второе положение.

Набор возможных показателей измерения ЧК ограничивается используемой эмпирической базой. В РМЭЗ это количество лет обучения, самооценка состояния здоровья, знание иностранных языков, навыки владения цифровыми технологиями. Последние два показателя использовались только в опросе 2021 г. Помимо них из массивов данных JSSP брались показатели характеристик рабочего места профессионалов, релевантные для работника постиндустриального общества (профессиональное развитие, самостоятельность, самореализация, непрерывное образование, повышение квалификации и т.п.) (с. 192).

Выявление успешности профессионалов проводилось на материалах мониторинговых исследований, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в конце сентября – начале октября 2018 г., марте 2021 г., марте 2022 г. и апреле 2022 г.

В работе выделялось два вида успешности: социальной и экономической. Социальная успешность интерпретировалась как достижение высоких статусных позиций, ощущение достижения целей, которые ставит перед собой человек и удовлетворенность и жизнью в целом (с. 223). Экономическая успешность связывалась преимущественно с материальным благополучием, индивидуальными ежемесячными и среднедушевыми доходами (с. 237). В сравнении с другими работающими россиянами профессионалы, как и следовало ожидать, выглядят более успешными (с. 247–248).

Но в какой мере этому способствовал их ЧК, а не другие внешние по отношению к нему факторы? Для ответа на этот вопрос использовался массив шести полных баз данных РМЭЗ с 2014 по 2020 гг. (гл. 8). Представляет особый интерес предложенная в главе новейшая методология построения доходных иерархий в трех измерениях, процедура выявления типичных траекторий, отражавших направления и характер долгосрочных жизненных изменений, с которыми столкнулись профессионалы.

Выводы, которые делают авторы, указывают на то, что качество ЧК играет далеко не главенствующую роль в определении места профессионалов в доходной стратификации и успешности жизни в целом. Одну из главных ролей в распределении их шансов на устойчивое благополучие в иерархии, основанной на соотношении у них жизненных шансов и рисков, играют поселенческие неравенства (с. 269). Суть влияния этого фактора в том, что наиболее богатые и привилегированные профессионалы концентрируются в городах, а наиболее бедные и депривированные – в селах. Здесь нет очень важных для постиндустриального этапа признаков главенства личных усилий. Качество человеческого потенциала приносит наивысшие выгоды профессионалам именно с точки зрения доступных им в разных областях жизни возможностей, но это предопределяется внешним фактором поселенческих неравенств (с. 271). Более того, роль ЧК в условиях быстрого роста числа лиц с высшим образованием для большинства профессионалов постепенно снижается (с. 279). Качество ЧК уступает по своему значению ресурсам социальным сетям при поиске лучше оплачиваемой работы (с. 304). Слабая связь качества ЧК и уровня заработной платы демотивирует профессионалов в наращивании знаний и навыков, принижает роль их собственных усилий для повышения своего благосостояния (с. 306). Место



проживания или работы – один из определяющих факторов эффективной конвертации имеющихся у индивида знаний, умений и навыков в материальные блага. Как бы ни был образован человек, но если по месту проживания нет соответствующей его специализации и квалификации работы, если данная работа не дает ожидаемую отдачу на полученные знания, то ему, вероятнее всего, придется выбрать альтернативный вариант трудовой занятости (с. 309). В этом плане обладание высоким ЧК выполняет вспомогательную, посредническую, а не прямую роль по отношению к достижению успеха. Оно повышает способность переезжать из одного места жительства в другое, получать более качественное образование и работу (с. 336). Даже на выбор образовательно-деятельностного досуга как обладающего большими возможностями наращивания человеческого потенциала прежде всего влияет тип поселения (проживание в Москве, Санкт-Петербурге и в центрах субъектов РФ) (с. 366).

Все эти выводы закономерны, по ним сложно найти весомые контраргументы и факты. Можно только вслед за авторами утверждать, что поселенческий фактор перечеркивает потенциал самостоятельной силы и роли ЧК. Процесс цифровизации занятости, ломая привычные представления о роли пространственной локализации, не играет здесь решающей роли.

В заключительной главе авторы признаются, что отечественных профессионалов пока трудно назвать безусловно авангардной социальной группой российского общества (с. 407), они незначительно выделяются по характеристикам среди других наемных работников (с. 408), а главное – не проявляют особой заинтересованности в наращивании своего ЧК.

Но если ЧК профессионалов не играет самостоятельной роли, то получается, что они не приобретают, а скорее теряют свою особую (индивидуальную, коллективную, «протоклассовую») субъектность, а роль главного «стимулятора» развития профессионалов – как и развития других факторов модернизации – в России выполняет в основном государство (с. 438)!

Анализ монографии, посвященной российским профессионалам, затронул лишь небольшую часть вопросов. Несомненно, что ее содержание, глубина аналитического проникновения, размышлений и выводов авторов о судьбе и роли российских профессионалов в процессах модернизации намного шире и вызовет интерес как к чтению этой книги, так и станет стимулом новых обобщений и открытий.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О. Воспроизводство интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023
- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
- Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / Отв. ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.

## IS THE QUALITY OF RUSSIAN PROFESSIONALS' HUMAN CAPITAL SUFFICIENT TO ADDRESS NEW CHALLENGES?

TEMNITSKIY A.L.

*MGIMO University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

---

*Alexander L. TEMNITSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Sociological Department, MGIMO University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (taleksandr@list.ru).*

---

**Abstract.** The paper provides author's considerations and content analysis of the collective monograph titled 'Human Capital of Russian Professionals: Current State, Evolution, Factors.' Conventional tools of sociological research methodology have been used to interpret and provide an understanding of the content of this comprehensive diagnostic research. By referencing the monograph, the author attempted to identify the purpose and objectives of the research and its hypotheses and to determine the benchmarks and the standard type of professional. Focus is given to providing theoretical grounds and distinguishing empirically a group of professionals. Heterogeneity in sociodemographic and employment characteristics is assumed to be most vulnerable when using a figured-out group of professionals in the analysis and for conclusions. The heterogeneity manifestations become even more noticeable considering the professional composition of the group. Analysis of the quality of professionals' human capital provided abundant results that were further used to highlight the attributes that indicate self-sufficiency (or self-non-sufficiency) in achieving success. Due to secondary role that the authors revealed as a contrast to institutional factors (primarily, place of residence), human capital cannot be asserted to be autonomous and sufficient to solve the tasks within the modernization of economy and society.

**Keywords:** professionals, occupational groups, human capital, diagnostic study, heterogeneity, success.

### REFERENCES

- Gorshkov M.K. (2011) *Russian society as it is (the experience of sociological diagnostics)*. Moscow: Novyi khronograf. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. (2023) *Reproduction of intellectual labor: sociological analysis*. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)
- Human Capital of Russian Professionals: Current State, Evolution, Factors.* (2023) Ed. By N.E. Tikhonova., Yu.V. Latov. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2008) *Paradoxical man*. Moscow: UNITI-DANA. (In Russ.)

# Коротко о книгах

**Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023. 512 с.**

Исследование коллектива ученых ИМЭМО РАН и ряда других ведущих академических и университетских центров России посвящено многообразию научных дискурсов о теоретико-методологических и прикладных аспектах изучения идентичности в социальных науках в условиях радикальных изменений в структуре современного миропорядка. В центре внимания новые повороты, которые свидетельствуют о превращении исследований идентичности в мейнстрим политической науки, а конструирования идентичностей – в ключевое направление публичной политики. Особое место в книге уделено осмыслению природы общественного развития и концептуализации его мир-политических измерений, их отражению в приоритетах политики идентичности, а также анализу механизмов политизации дискурсов идентичности. Представлены характеризующие трансформации идентичности понятия, приобретшие особую актуальность в последние годы, и ряд широко употребляемых в современном политическом, медийном и научном поле метафор, связанных с динамикой политически значимых идентичностей. По итогам изучения актуальных политических дискурсов и нарративов намечены перспективные направления идентитарных исследований. Монография является логическим продолжением энциклопедического издания «Идентичность: личность, общество, политика», опубликованного в 2017 г. Результаты исследования будут интересны ученым, экспертам, преподавателям и студентам, всем, кто изучает массовое и индивидуальное сознание, влияние идентичности на перспективы общественного развития.

**Молодежное политическое лидерство в современной России / Под общ. ред. А.В. Селезневой. М.: Аквилон, 2023. 314 с.**

В коллективной монографии представлены результаты исследования молодежного политического лидерства в современной России. Разделы книги посвящены теоретическому рассмотрению и осмыслению актуального состояния процесса формирования и развития молодежных политических лидеров, каналов и инструментов их рекрутирования в политику, личностно-профессиональных характеристик и особенностей восприятия молодежью. Полученные на основе разработанной авторами концептуальной модели и собранные в результате эмпирического исследования данные интерпретируются в контексте решения актуальных задач работы с молодежью и реализации молодежной политики в нашей стране.

**Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / Под ред. В.А. Ачкасовой. СПб.: СПбГУ, 2023. 424 с.**

В книге анализируются теории и подходы, сложившиеся в политической науке, теории коммуникаций, лингвистике, журналистике, психологии, обозначается проблемное поле, определяющее несколько направлений исследований, опирающихся на культурологические, философские, лингвистические и социологические труды, сформировавшие современное поле теории коммуникации и кросс-культурных исследований. Предложены методики выявления дезинформации в современном медиадискурсе; типологизированы информационные инструменты и методы пропагандистского дискурса, а также субъекты пропагандистской деятельности; описаны политические проекты пропагандистского характера; дана оценка эффективности их применения.

Издание адресовано специалистам в области политологии, теории и практики журналистики и массовой коммуникации, а также работникам информационной сферы и всем интересующимся вопросами современных общественных отношений.

**Римский В.П., Олещенко Е.О. Метаморфозы времени в цивилизации Модерна. Белгород: Эпицентр, 2023. 140 с.**

«Модерн» на постоянном перекодировании, производстве, воспроизводстве и присвоении времени. В хронологической идентификации «цивилизации времени» мы обнаруживаем не только «нововременные» (современные) структуры и культурные маркеры, но и «досовременные», которые не просто наследуются в качестве традиций, но и воспроизводятся как новые «традиции модерна». Одновременно модерн как культурный проект порождает «несовременные» и «постсовременные» временные структуры (образцы и образцы-архетипы) и овладевает ими в качестве собственности, темпорального культурного капитала. Время модерна конструировалось в мифологии и идеологии Модерна философами и литераторами, журналистами и политиками, основными производителями мифологических и идеологических стереотипов в средствах до сих пор создают актуальную темпоральную множественность.

Книга адресована не только интеллектуалам – философам и ученым-гуманитариям, но и самым широким кругам вдумчивых читателей.

**Гнеушева Т.Б., Субботина Н.Д. Феномен социального наказания. Чита: ЗабГУ, 2023. 235 с.**

В монографии анализируется феномен социального наказания в ракурсе соотношения в нем естественной и социальной сторон, определяется его сущность как одного из механизмов самосохранения группы и общества в целом. Выявляются внешние и внутренние социальные предпосылки социального наказания, их диалектические противоречия. Приводится классификация предпосылок, предупреждающих (сдерживающих) проступки, преступления и, как следствие, наказание, а также предпосылок самого социального наказания. Предлагается структура феномена социального наказания.

Научное издание рекомендовано для специалистов разных направлений: философов, юристов, психологов, педагогов, а также студентов.

**Шимпфёссл Э. Безумно богатые русские. От олигархов к новой буржуазии / Пер. с англ. И. Евстигнеевой. М.: Individuum, 2022. 352 с.**

Противоречивая слава российских олигархов давно выплеснулась за пределы страны, где сколотили свои капиталы. Весь мир сплетничает о них, то посмеиваясь, то осуждая, однако с неизменным удовольствием берет их деньги. А что русские думают о себе сами?

Австрийский социолог Элизабет Шимпфёссл, вот уже пятнадцать лет живущая в Лондоне, столице олигархов, провела сотню бесед с богатейшими людьми России и их приближенными, чтобы найти ответ на этот вопрос. Из ее книги вы узнаете, как олигархи объясняют свое безумное богатство, чему учат своих детей и что собираются делать в новой реальности, где им придется выбирать между комфортной жизнью на Западе и сохранением российских активов.

**Бард А., Зодерквист Я. Хозяева Большой Сети. Новая правящая элита. М.: Родина, 2023. 240 с.**

Авторы этой книги имеют прямое отношение к Большой Сети. Александр Бард, шведский писатель и музыкальный продюсер, является одним из первопроходцев Интернета, курирует девять международных сетей. Ян Зодерквист, журналист, ведущий авторской колонки в *Finanstidningen* (шведский аналог *Financial Times*), основатель журнала *Dolly*, посвященного вопросам «новой экономики».

В своей книге они рассказывают о новой реальности, наступившей после прихода Интернета. Что произойдет с государством в ближайшем будущем? Как власть будет перераспределена в рамках вновь образующейся иерархии? Каковы стратегические интересы новой элиты, и чем будет характеризоваться низший класс? Как изменится человек и его представление о мире, и какие последствия это будет иметь? Для ответа на эти вопросы Бард и Зодерквист показывают, как действует Большая Сеть, какие цели ставят перед собой ее хозяева.

**Шафаревич И.Р. Смерть Европы. Зачем России Запад. М.: Родина, 2023. 288 с.**

По мнению И.Р. Шафаревича, единой истории человечества нет, а были только разные цивилизации: Месопотамская, Египетская, Античная, цивилизации Центральной и Южной Америки и другие. Каждая из них пережила молодость и зрелость, упадок и гибель. Последние 500 лет прошли под знаком западной цивилизации. Однако Запад сейчас на закате своего развития, и, вероятнее всего, XXI век станет веком его гибели.

Будущее России – в самих ее руках. Россия может разделить судьбу Запада и погибнуть, но может пойти самобытным путем. И тогда она, ее народ не исчезнут с лица земли.

**Хагуров Т.А. Девиантология – социология и психология зла. М.: ИНФРА-М, 2023. 412 с.**

В монографии рассматриваются актуальные вопросы теории и методологии исследований девиантного поведения. Обосновывается альтернативный популярной сегодня релятивистской методологии антропологический подход к проблемам классификации, исследовательской методологии и антропологии девиантного поведения. Книга адресована широкому кругу читателей, в том числе социологам, психологам, антропологам, криминологам и другим специалистам, интересующимся проблемами изучения человеческого поведения и девиантного поведения в частности.

**Шубрт И., Подвойский Д.Г. Современные социологические теории: Как не заблудиться в концептуальном лабиринте? М.: ВЦИОМ, 2024 380 с.**

Путешествие по лабиринту современных социологических теорий для любителей и знатоков, интересующихся проблематикой наук о человеке, представляет собой настоящий квест с непредсказуемым результатом. Эта книга, написанная двумя профессиональными историками общественной мысли, может использоваться как виртуальные очки, придающие объем «ландшафту» современной социологии, инструмент «картографирования» сей загадочной «местности» и вспомогательный прибор для ориентирования в структуре концептуального поля социологической науки XX – начала XXI века.

Издание адресовано прежде всего студентам, аспирантам и преподавателям профильных специальностей, а также широкой аудитории читателей, изучающих историю и теорию социальных наук.

Подготовила Э.К. БИЙЖАНОВА

## ПАМЯТИ БОРИСА МАКСИМОВИЧА ФИРСОВА

(22.06.1929–18.01.2024)



Мало кто из современных социологов удостоится интересного некролога. По легенде Роберт Парк ограбил поезд, чтобы заплатить за обучение в университете, и даже если это ложь, он в бытность свою журналистом на Диком Западе точно встречал многих, кто это делал (некоторых он интервьюировал прямо по дороге на эшафот). Он назначал встречи студентам в опиумных салонах и ходил на интервью с револьвером в кармане пиджака. Нынешние ученые, однако, редко живут жизнью, похожей на художественное произведение. Борис Максимович Фирсов был исключением. История его жизни читается как исторический роман-эпопея.

Отец Фирсова был чиновником, попавшим в волну репрессий 1937 г., выпущенным в 1938 г. после падения Ежова и умершим через несколько дней после этого. Большинство советских социологов первого поколения на ранних этапах своей академической биографии совмещали научные занятия с карьерой комсомольских активистов. Никто, однако, не продвинулся на этом пути дальше, чем Фирсов. До прихода в социологию он сделал – и погубил – блестящую партийную карьеру, став к 30 годам первым секретарем Дзержинского райкома Ленинграда. В 1962 г. он возглавил Ленинградскую студию телевидения, вторую в стране. В этой должности Фирсов провел четыре года (1962–1966), пока драматический «прокол» во время прямого эфира – приглашенные на то, что сегодня называется «ток-шоу» гости, увлекшись, предложили вернуть дореволюционные названия некоторым улицам в Ленинграде – не привел к партийному разбирательству и увольнению Фирсова. Любые ответственные должности были закрыты для него на неопределенный срок. Доброжелатели советовали ему полностью исчезнуть с радаров начальства, поступив в аспирантуру и начав, по сути дела, в 37 лет карьеру с чистого листа. Фирсов некоторое время колебался между аспирантурой по электрофизике в ЛЭТИ, в котором когда-то начался взлет его партийной карьеры, и аспирантурой на философском факультете, где его руководителем вызвался быть его бывший протеже по комсомольской линии – В.А. Ядов. Фирсов выбрал философию, потому что это позволяло сохранить контакт с телевидением. Ядов во время стажировки в Великобритании сталкивался с изучением телеаудитории и считал, что Фирсову с его опытом есть чем заняться. Идею поддержал Н.Н. Месяцев, глава Гостелерадио, расположение которого Фирсов сохранил. Несмотря на недавнюю опалу, уже в 1967 г. Фирсов провел в Ленинграде первое в СССР масштабное исследование телевизионной аудитории – а также подал на полугодичную стажировку на BBC (невероятная привилегия по советским временам).

Первым важным вкладом Фирсова в советскую социологию могут считаться как раз исследования телезрителей. В 1972 г. вышла его книга «Телевидение глазами социолога» – это своеобразная реплика Фирсова в советской версии дебатов о массовой культуре. В то время как советские культурные пессимисты (Б.А. Грушин, И.С. Кон) – так же, как

и их западные коллеги – предполагали, что распространение телевидения окончательное превратит наших современников в пассивных потребителей масскульта, позиция Фирсова была более взвешенной. Его данные, действительно, свидетельствовали о том, что наиболее увлеченными телезрителями тогда (как и сейчас) были люди, наименее склонными к посещению драматических театров, чтению и ведению прочей культурной жизни. Корреляция, однако, не означает причинности: многие из тех, кто теперь проводил дни перед голубым экраном, и прежде не очень-то ходили в Эрмитаж. Ссылаясь на «гуманистический характер содержания телевидения в социалистическом обществе», Фирсов высказывал острожную надежду на то, что телевизор не обязательно влечет за собой необратимую интеллектуальную деградацию. Искренней ли была в тот момент его надежда на мудрую культурную политику КПСС? По крайней мере, в другом отношении Фирсов был совершенно точно искренен. «Телевидение глазами социолога» завершается призывом к превращению опросов аудиторий в постоянно работающий механизм обратной связи, который позволит телевидению чутко реагировать на запросы телезрителей. В понимании Фирсова и его ближайших коллег, главная задача социологии состояла в том, чтобы служить таким механизмом в обществе, в котором независимые СМИ и политические партии не выполняли подобных функций по причине отсутствия. Преимуществом социологии в этом контексте была непубличность. С ее помощью Партия могла узнать о своих ошибках без того, чтобы они стали общеизвестными – и исправить их до того, как о них бы заговорили недоброжелатели.

Однако хотя в теории этот план и выглядел отлично, в реальности он наталкивался на непреодолимое препятствие в виде бюрократической логики. Государственные и партийные чиновники не горели желанием разрешать исследования на «своей» территории, потому что любой отрицательный результат мог означать их недоработку; легче было не разрешать исследований вовсе или приостанавливать их, как только становилось понятно, что цифры получаются не слишком удобными.

В конце 1970-х и начале 1980-х гг. в Институте социально-экономических проблем РАН Фирсов работал над реализацией того, что тогда называлось «информационной системой» ленинградского обкома, которая должна была интегрировать регулярные опросы с систематизацией поступающих жалоб населения. Конец этого проекта был трагичен – и окончательно разочаровал Фирсова в возможности социологии при советском строе. В 1983 г. о системе узнали в ЦК и запросили данные об удовлетворенности ленинградцев системой здравоохранения. Глава обкома Г.В. Романов, до того покровительствовавший работе социологов, вдруг увидел в ней угрозу утечки компрометирующей его как руководителя информации и приостановил проект. Несколько лет работы Фирсова пропали впустую. Пару месяцев спустя он получил партийный выговор за ненадлежащее хранение служебных документов и был снят с руководства сектором. Новое падение было еще более глубоким, чем предыдущее. В 55 лет Фирсову приходится опять начинать все сначала. Он переходит в Институт этнографии РАН и начинает заниматься разбором столетней давности бумаг князя В.Н. Тенишева, организовавшего первое статистическое обследование великорусских крестьян.

Там его и застала перестройка. В новых условиях организаторские таланты Фирсова наконец смогли раскрыться в полной мере. В 1989 г. Ядов, возглавивший тем временем московский Институт социологии АН СССР, предлагает ему заняться организацией ленинградского филиала на основании части секторов Института социально-экономических проблем. Институт был создан за несколько месяцев, но Фирсов не остановился на этом. В 1992–1994 гг. он занимается организацией Европейского университета в Санкт-Петербурге – аспирантского университета совершенно нового для России типа, который возглавлял до 2003 г. В 2003 г. Б.М. Фирсов уйдет с поста ректора университета и целиком посвятит себя научной работе.

Его самым важным трудом в последующие годы станет «История советской социологии», которая в наиболее ясном виде представит либеральное прочтение истории

как противостояние стремившейся к автономии ученых и тоталитарного государства. Как антитеза этому нарративу появится множество ревизионистских версий истории, в которой эти отношения будут представлены как более сложные, а взаимодействия «власти» и «социологии» – как менее однозначные и не укладывающиеся в противопоставление хищника и жертвы. Однако развитие антитезиса (и, будем надеяться, впоследствии синтеза) предполагает наличие тезиса, а тезис в постсоветском осмыслении советской социологии принадлежит именно Фирсову. В последние годы Борис Максимович продолжал свои изыскания в области социальной и культурной истории советского общества, опубликовав полуавтобиографическую «Историю разномыслия в России» и устную историю перестроечной и постперестроечной эпохи от лица ленинградских интеллигенции («Невосторженные размышления»). Его последней работой была только что вышедшая «По обе стороны рампы: Театральная жизнь Санкт-Петербурга (1980–1989)», представляющая результаты исследования театров и их аудиторий, которыми он занимался вместе с группой коллег совместно с Ленинградским отделением Всероссийского театрального общества. Он всегда доводил то, за что брался, до конца.

Люди, которым довелось работать или учиться в созданными Фирсовым институтах, не могут не быть благодарны ему как институциональному строителю. Те, кто занимается исследованиями в тех областях, которые изучал он, благодарны ему за множество фактов, которые, если бы он не собрал их, навсегда остались бы неизвестны (что бы мы знали о том, как телевидение боролось за аудиторию с театром в Ленинграде 1960-х, как проходили социальные барьеры между высококолобыми критиками масскульта и его поклонниками, и как СССР по всем этим параметрам выглядел на мировом фоне, если бы он их не собрал в 1967 г.?) Наконец, те, кому довелось провести вместе с ними много времени – как его коллегам по Европейскому университету – благодарны ему за то, что могли долгие годы наблюдать вблизи одно из самых эстетически совершенных исполнений роли академического ученого. Борис Максимович был замечательным рассказчиком и прекрасным лектором. В том, как он держал себя, как он мог найти слова для любой ситуации, в том, как ему удавалось демонстрировать уважение к чужому мнению, не поступаясь своим, было что-то от аса дипломатии – или от герцога. Но, сверх этого, в нем было что-то принадлежащее той же области героического мифа, что и Роберт Парк с его револьвером. Он казался культурным героем, превращающим хаос в космос. Он брался за новое дело, когда его старое дело гило (и окружающие думали, что настало время предаться беспросветному унынию) – и он брался за новое дело, когда его старое дело цвело (и окружающие думали, что настало время почивать на лаврах). В этом было что-то бесконечно воодушевляющее. Для тех, кому довелось его знать, мир станет гораздо беднее без этого источника вдохновения.

М.М. СОКОЛОВ,  
Европейский университет в Санкт-Петербурге



# SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 2

## **THEORY. METHODOLOGY**

- 3 KRAVCHENKO S.A. The Contours of an Interdisciplinary Concept of the Synergistic Complexities
- 13 DANILOVA E.N. Transformations of Western Sociology: Mainstream and Public Agenda

## **SOCIAL STRUCTURE. SOCIAL POLICY**

- 24 KISELEV I. Yu., MIKHAILOVA E.V., SMIRNOVA A.G. Russians' Attitudes Regarding Preparation for Retirement: Its Content and Formation Factors
- 36 ANTIPINA O.N., KRIVITSKAYA A.D. Trust as a Determinant of Subjective Well-Being in Russia
- 48 ZOTOVA M.V., ZINOVYEV A.S. Subjective Well-Being and Standard of Living in the Kaliningrad Region

## **POLITICAL SOCIOLOGY**

- 62 SEMENOV A.V., SNARSKI Ya.A., TKACHEVA T. Yu. Temporal and Cross-Regional Variance in Environmental Protest Activity of Russians (2007–2021)
- 75 BASHAEVA E.K., KAMENETSKY E.S., KAGRAMANYAN D.G. Relationship of Protest Activity with the Social Tension Dynamics in the South-East Asian Countries

## **SOCIOLOGY OF SCIENCE**

- 88 NOSKOVA A.V., GOLOUKHOVA D.V., KUZMINA E.I. Status Positions and Scientific Capital in Russian Science
- 100 ZBOROVSKY G.E. Sociological Theory in the Ural Region: History and Modernity

## **DISCUSSION. POLEMICS**

- 111 DAVYDOV D.A. The Impossibility of Socialism: Part 2. The New Individualism

## **FACTS. COMMENTS. NOTES**

- 122 LI MENGLONG, HAN MUYAN, ABDYRAHMANOVA H. The Russian-Ukrainian Conflict Discussions in China's Internet Space
- 130 KAZBEROV P.N. Socio-Demographic Characteristics of Persons Convicted for Terrorist Crimes

## **SOCIOLOGICAL JOURNALISM**

- 135 SHCHELKIN A.G. Change of Generations: Essence and Reality (Ontological Point of View)

## **ACADEMIC EVENTS**

- 146 POPKOV Y.V. 55 Years of Siberian Ethnosociology
- 148 EFLOVA M. Yu., MAXIMOVA O.A. Congress of Socio-Political Researchers of the Turkic World
- 150 ROGOVAIA A.V. Russia and the Asia-Pacific Countries: Interaction Problems
- 152 PESHKOVA V.M. About the Future the Eurasian Migration System
- 155 SNEGUR M.P. Sociology of Health and Sports: the Experience of Eurasia

## **ANNIVERSARY**

157 Narbut N.P. is 75!

## **REFLECTIONS ON A NEW BOOK**

159 TEMNITSKIY A.L. Is the Quality of Russian Professionals' Human Capital Sufficient to Address New Challenges?

169 **BOOKS IN BRIEF**

## **IN MEMORIAM**

172 Firsov B.M.

175 **CONTENTS**

**NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)**

**IN THE NEXT ISSUES (back cover)**

## В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

**Коломиец В.П.** Исследовательская проблема как ключевой аспект научных публикаций в социологическом журнале

**Малинкин А.Н.** Н.А. Бердяев: штрихи к портрету социального философа

**Темницкий А.Л.** Мотивация и проблема продуктивности научной деятельности российских ученых

**Чепуренко А.Ю., Чернышева М.В.** Рынок академических текстов в России (по данным экспертного опроса)

**Борщевский Г.А.** Традиционные российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки

**Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н., Кононенко Р.В.** Виды капиталов в поле «серебряного волонтерства»

**Цацура Е.А., Осаволук А.А.** Распространенность опыта бездомности среди россиян (оценка на основе ретроспективного опроса)

**Зборовский Г.Е.** Потенциал развития научно-педагогических работников: социологический ракурс

**Гошин М.Е., Сорокин П.С., Григорьев Д.С.** Факторы агентности школьников: семья, социальное окружение, участие в дополнительном образовании

**Ломоносова М.В., Буланова М.Б.** В.М. Бехтерев и П.А. Сорокин: научный союз во имя социологии

**Яковенко А.В.** Человек и общество сквозь призму искусственного интеллекта

**Давыдов Д.А.** В поисках нового среднего класса: критический взгляд на концепцию общества сингулярностей А. Реквица